

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ALUSTATUD 1893. a.

VIINIK 124 ВЫПУСК

ОСНОВАНЫ ■ 1893 г.

ТРУДЫ ПО ФИЛОСОФИИ
VI

TARTU 1962

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ALUSTATUD 1893. a. VIINIK 124 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ В 1893 г

ТРУДЫ ПО ФИЛОСОФИИ

VI

TARTU 1962

Редакционная коллегия:

Л. СТОЛОВИЧ (отв. редактор), Р. БЛЮМ, И. ВОЛКОВ, И. КАЛИТС,
А. КЕЕРНА, Т. ЛОЙТ, В. ТЮРК.

О СИСТЕМАТИЗАЦИИ КАТЕГОРИЙ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

М. Г. Макаров

В философской литературе последних лет теоретически достаточно хорошо обоснована необходимость «системы» диалектического материализма, проявляющейся в определенной последовательности, субординации категорий.¹ В этом лежит путь к дедуктивному изложению диалектического материализма, его своего рода частичной «аксиоматизации» как строгой логической теории. Необходимость систематизации категорий материалистической диалектики диктуется также практикой преподавания философии. Как показывает опыт, выделение принципа (или принципов) возможной систематизации значительно облегчает изучение диалектического материализма. Поэтому, хотя, как нам кажется, уровень современных знаний еще недостаточен для создания вполне удовлетворительной системы категорий, исследование проблем классификации категорий диалектики имеет и актуальное практическое значение.

Представляется логичным связать вопрос подразделения категорий диалектики с общим членением диалектики как науки. Известно, что у диалектики как науки о наиболее общих связях, законах развития объективного мира и познания вообще, мышления в особенности, имеются соответственно три основные стороны или функции: онтологическая, гносеологическая, логическая. Известная формула: «тождество диалектики, теории познания и логики» предполагает необходимость точного определения значения первого понятия «диалектики». Предполагает ли оно в данном случае материалистическую диалектику со всеми ее аспектами, т. е. диалектический материализм, или же только онтологическую сторону диалектики? По существу понятие «диалектика» в указанной формуле обычно употребляется в нашей литературе в значении «диалектика как онтология». Однако, нам думается, было бы правильнее говорить о материалистиче-

¹ См. П. В. Копнин, К вопросу о диалектическом материализме как научной системе, «Философские науки», 1906, № 1; его же: Диалектика как логика, Киев, 1961; Jiří Cvekl, Über materialistische Dialektik, Berlin, 1959.

ской диалектике (т. е. диалектическом материализме) как тождестве (разумеется, в диалектическом смысле) онтологии и гносеологии, в которую входит как составная часть диалектическая логика. В такой формулировке указывается на то, что материалистическая диалектика (диалектический материализм) включает в себя как гносеологию, так и онтологию. В противном случае между высказываниями «диалектика тождественна теории познания» и «диалектика включает в себя теорию познания» возникает по крайней мере внешнее противоречие, отнюдь не носящее диалектического характера.

В. И. Ленин заметил, что выражение: «В «Капитале» применена к одной науке логика, диалектика и теория познания материализма», правильно указывающее на совпадение в диалектическом материализме логики, онтологии и гносеологии, не соответствует с формальной стороны логическому правилу деления, поскольку в понятие диалектики здесь полностью входят подчиненные ему понятия логики (в смысле диалектической логики) и теории познания диалектического материализма. Поэтому-то В. И. Ленин указывает по отношению к данному выражению, что здесь «не надо трех слов», т. е. — достаточно одного слова — «диалектика».² Следовательно, совершенно неправильно было бы сделать на основании этого высказывания В. И. Ленина вывод, что он абсолютно отождествлял диалектическую теорию развития природы и общества с теорией познания и логикой, отрицая за ними право на относительно самостоятельное существование в общих рамках диалектического материализма. Подобное отождествление может привести или к онтологизации процесса познания, как это имело место у Шеллинга и Гегеля, или к позитивистскому растворению философии в теории познания или логике частных наук.

Выделение онтологии в качестве важнейшего аспекта диалектического материализма отнюдь не является возвращением к докантовским временам, как пугают некоторые авторы. Различие онтологии и гносеологии есть различие внутри тождества. Всеобщие законы развития бытия (изучение которых составляет онтологическую функцию диалектики) и законы познавательной деятельности (изучение их является гносеологической и логической функцией диалектики) в своей сущности совпадают. Этого не приходится здесь доказывать. Онтология как теория исходит из общих гносеологических принципов, является их применением. Законы познания, логический аппарат мышления могут исследоваться только в процессе их работы, в ходе познания действительности. Однако существенное различие продолжает сохраняться.

Законы познания отличны от законов бытия не только по

² В. И. Ленин, Соч., 4-е, т. 38, стр. 315.

способу своего существования. Во-первых, формы мышления не могут быть, как и всякое отражение вообще, абсолютной копией отражаемого — всеобщих форм бытия. Субъективная диалектика не абсолютно точная копия объективной. Если бы дело обстояло иначе, развивать теорию диалектики можно было бы не углубляясь для этого обязательно в исследование фактического материала частных наук.³

Данные специальных наук несут в себе отражение иногда и таких аспектов диалектических связей действительности, которые еще не нашли полного выражения в нашем диалектическом мышлении. Оно должно быть развито, уточнено, дополнено в соответствии с этими данными. Диалектика причинности в микромире, бесконечное и безграничное в космологии, часть и целое в теории множеств, информация как особая форма связи в объективном мире и т. д. требуют дальнейшего «обтесывания», «обламывания» категорий в самой диалектике, выявления новых взаимосвязей и т. д. Все это может быть познано и до соответствующей разработки категорий, хотя такое познание связано со значительными трудностями, благодаря диалектической природе самого познания. Но для философского осмысления этих проблем и для избежания многих трудностей в процессе их исследования должна быть усовершенствована и сама диалектика познания. Данные, имеющиеся в научных фактах, отраженные в содержании мышления новые, неожиданные стороны объективной диалектики, становятся объектом исследования диалектики как научной теории в ее онтологической функции, чтобы затем быть переведенными в сознательно применяемые приемы, структуры научного мышления. Онтологическое переходит тем самым в гносеологическое.

Теория познания изучает формы познания, извлекая из содержания познания при помощи онтологии такие общие связи, которые требуют адекватного развития познавательных форм. В этом отношении все категории диалектики, имеющие онтологическое значение, приобретают гносеологический аспект, ко-

³ «Материалистическая диалектика как наука о наиболее общих законах развития природы, общества и мышления одновременно тождественна теории познания и логике. Законы мышления и законы бытия совпадают по своему содержанию, первые являются отражением вторых. А это означает, что философия изучает мышление и его законы с тем и для того, чтобы обнаружить отраженные в них объективные законы.» (П. В. Копнин, Диалектика как логика, стр. 25). Так пишет в своем исследовании П. В. Копнин, отрицающий различие между онтологией и гносеологией в диалектическом материализме. Правда, им почти везде делается оговорка, что в виду имеется «чистая» онтология, как некая самостоятельная теория. Если бы отрицалось на самом деле только последнее, только деление марксистской философии на две специальные науки — учение о бытии и учение о познании, с этим всецело пришлось бы согласиться. Но П. В. Копниным отрицается правомерность выделения онтологии не только как части, но и как аспекта диалектики (стр. 39).

торый представляет иной угол их рассмотрения, иное применение, не полностью совпадающее с онтологическим. В работах советских, немецких, болгарских философов была показана необходимость выделения онтологического аспекта у категорий материи, материального единства мира, психического. Совершенно очевидно, что необходимо различать, когда такие, например, категории, как «случайность», «возможность», «вероятность», употребляются в онтологическом смысле и когда они имеют только гносеологическое значение («кажущаяся случайность», по выражению Энгельса, который, как хорошо известно, показал и существование объективной случайности, случайности в онтологическом смысле; вероятность как оценка истинности нашего знания и мера уверенности в его истинности, которую нельзя отождествлять с вероятностью в онтологическом смысле, непосредственно отражающую объективную закономерность процесса).

Познание есть особый процесс, отличный от всех остальных процессов действительности. Он не может не обладать некоторыми специфическими особенностями, не осуществлять некоторых операций, которые не имеют места в других процессах. Это находит свое выражение в том, что теория познания наряду с категориями, носящими также онтологический характер, содержит ряд категорий, не имеющих непосредственного онтологического значения. Сюда относятся такие понятия, как опыт, эмпирическое и теоретическое, чувственное и логическое, ощущение, абстрактное и конкретное и т. д.⁴

Таким образом, тождество в диалектике онтологии и теории познания не означает того, что законы познания, его специфические категории являются простым повторением законов и категорий объективной действительности.

Взаимоотношение теории познания марксизма с диалектической логикой иное, чем ее взаимоотношение с диалектикой в значении онтологии. Отношение теории познания и диалектической логики может в какой-то мере быть выражено как отношение части и целого. Диалектическая логика является в определенном отношении теорией познания, но она — не вся теория познания, не равна ей, как мышление не равно познанию в целом, частью которого оно является. На то, что в марксизме диалектическая логика не тождественна в абсолютном смысле гносеологии, указывает В. И. Ленин в своих замечаниях на книге Г. В. Плеханова «Н. Г. Чернышевский».⁵ Еще раньше,

⁴ Нам кажется, что П. В. Копнин, выступающий против различения онтологии и гносеологии (даже в качестве аспектов диалектики), допускает непоследовательность, выделяя категории, «отражающие непосредственно процесс познания» (цит. соч., стр. 141), в особый раздел категорий диалектики. Ведь этим же он сам невольно доказывает необходимость различения онтологии и гносеологии!

⁵ В. И. Ленин, Соч., т. 38, стр. 522.

Ф. Энгельс писал по поводу диалектической логики, что в этой своей функции диалектика «содержит в себе зародыш более широкого мировоззрения»,⁶ т. е. отнюдь не равна, не тождественна материалистической диалектике в целом.

Не все категории, специфические для диалектики как теории познания, являются в то же время и категориями логики.⁷ Прежде всего в диалектическую логику не входят категорий, выражающие формы чувственного познания (понятия, «ощущение», «восприятие», положения о специфичности органов чувств, первичности ощущений по отношению к остальным формам познавательной деятельности и т. д.). Не являются категориями диалектической логики и категории, выражающие материальную практическую деятельность человека, что однако ни в коей мере не означает, что они не имеют огромного значения для логики. Разве можно утверждать, что категория «практика» непосредственно отражает структуру мыслительного процесса? В понятия собственно диалектической логики (если брать современное состояние этой дисциплины, а ей предстоит в ближайшее время, очевидно, особенно быстрое развитие, в ходе которого может несколько расшириться аппарат ее категорий) не входят категории материя, психическое, пространство и время, движение и т. д. Диалектическая логика применяется к разработке этих категорий, опирается на их материалистическое понимание, однако не оперирует ими в качестве своих собственных понятий, как это имеет место по отношению к категориям общего и единичного, случайного и необходимого, качества и количества и т. д. Недифференцированный подход к диалектике, отказ от ограничения диалектической логики специфическим кругом проблем и понятий только тормозит развитие диалектической логики, ставя под вопрос необходимость ее разработки как специальной дисциплины.

Категории, специфические для теории познания и не входящие в собственно логику, могут в свою очередь быть подразделены на категории, которым соответствуют отношения как в области субъективного, так и в области объективного, имеющие гносеологическое и онтологическое значение, и на категории, не имеющие онтологической стороны. К первым относятся категория практики, как отражающая не только ступень познавательной деятельности, но и одновременно форму объективного процесса, категория свободы, выражающая объективное состояние человека, итог и сторону материальной практики.⁸ Эти кате-

⁶ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, 1948, стр. 127.

⁷ В. П. Тугаринов, О структуре и функциях марксистской философии, «Вестник ЛГУ», сер. экономики, философии, права, № 17, вып. 3, 1957.

⁸ Марксистское понимание свободы, «это материалистическая точка зрения, при которой в основу кладется бытие свободы, а не сознание свободы». (Янагида Кэндзуро, Философия свободы, М., Соцэкгиз, 1958, стр. 101).

гории относятся только к характеристике взаимодействия человека с внешним миром, к отношениям же действительности вне действующего субъекта, представляющего собой единство материальной и идеальной сторон, они не применимы.

Все сказанное можно резюмировать в виде следующей схемы:

Категории диалектического материализма

Гносеологические категории

категории диалектической логики

Онтологические	1. материя, природа, движение, пространство, время; психика, практика, свобода	2. качество, количество, противоречие, отрицание, свойство, субстанция, общее, единичное, сущность, причина, необходимость...
Не имеющие непосредственного онтологического значения	3. ощущение, восприятие, опыт, интерес, потребность, цель, сознание...	4. историческое, логическое, индукция, дедукция, анализ, синтез, истина, понятие, умозаключение, логическое противоречие...

Внутри полученных четырех групп существует следующее разделение. В первой группе выделяется ряд основополагающих категорий материального бытия (материя, природа, движение, пространство, время...) ⁹ и группа категорий, выражающих состояния и свойства субъекта, обладающие объективной стороной (практика, свобода, средство, целеустремленность...). Во второй группе можно выделить ряд категорий, которые можно было бы назвать структурными. Они выражают прежде всего расположенность, порядок общих связей, явлений, глубину этих связей, охват ими явлений, закономерные черты строения и расчлененности действительности (общее-единичное, качество-количество, свойство-субстанция, сущность-явление, форма-содержание, структура-элемент, часть-целое...). Значительная группа других категорий отражает отношения определенности, зависимости и обусловленности между явлениями, всеобщие формы этих отношений (условие причина-следствие, взаимодействие, основание, случайность-необходимость, возможность-действительность, вероятность...). Особое место занимают категории группы противоречия, выражающие основной закон диалектики (противоречие, различие, разность, противоположность, единство, борьба, тождество...). Они являются в одинаковой мере и

⁹ Эта группа выделяется под таким названием А. Поликаровым, см. его статью: Zum Problem der Systematisierung der philosophischen Kategorien, «Wissenschaftliche Zeitschrift d. Humboldt-Univ. zu Berlin», 1959/60, Н. 4.

структурными и выражающими обусловленность явлений. Категории связи, отношения, закона, относясь ко второй группе категорий, стоят также вне ее деления на структурные категории и категории обусловленности (назовем последние «категориями детерминизма»). Как известно, связи, законы могут выражать как структурные, так и причинные отношения. Относительность деления данной группы категорий на структурные категории и категории детерминизма проявляется также в том, что и первые выражают в какой-то мере момент детерминации, что не является для них лишь главной задачей (например, обусловленность формы содержанием). Категории детерминизма, как более содержательные, включают в себя в снятом виде также и моменты отражения структурных отношений. Структурные категории «накладываются» на категории детерминизма, применяются при конкретизации последних (внешние и внутренние причины, структура причинной цепи, случайность — форма необходимости...). Кроме того, категории детерминизма включают в себя и некоторые категории 1 и 3 групп (свобода, цель-средство...), не уместаясь в рамках одной лишь второй группы.

Не останавливаясь на возможной группировке категорий внутри 3-ей и 4-ой групп, подчеркнем относительность деления категорий, которая сразу же проявилась даже при столь беглом рассмотрении. Предложенное деление является столь же относительным и условным, как и различение внутри единой теории диалектики ее трех основных сторон. Бесконечная многогранность и гибкость категорий диалектики допускают классификацию категорий также и по другим основаниям деления. При этом каждый возможный способ классификации выражает определенный подход к рассмотрению категорий, лучше всего соответствуя взаимозависимостям и логическим переходам между категориями лишь какого-то ограниченного круга закономерностей диалектического материализма. Он тем самым не исключает правомерности делений, отвечающих другим зависимостям.¹⁰ Более или менее полное представление о взаимоотношениях категорий, о месте той или иной категории в системе категорий в целом может быть получено в настоящее время лишь в результате применения целого ряда разработанных делений, каждое из которых, взятое в отдельности, является неполным и недостаточным.

¹⁰ См., напр., систематизацию категорий материалистической диалектики в работах: В. П. Тугаринов, Соотношение категорий диалектического материализма, Л., 1956; П. В. Копнин, Диалектика как логика; В. И. Свидерский, Противоречивость движения и ее проявления, Л., 1959; Д. Спасов, Към вопроса за классификацията на логическите форми, «Известия на института по философия», т. III, София, 1958; А. Поликаров, Към проблема за классификацията на философските категории, «Философска мисъл», 1958, № 4; В. С. Библер, О системе категорий диалектической логики, Сталинабад, 1958 и др.

ДИАЛЕКТИЧЕСКОЕ И ФОРМАЛЬНО-ЛОГИЧЕСКОЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ

Я. К. Ребане

Вопрос о соотношении диалектического и формально-логического противоречий относится к числу проблем, вызывающих оживленные споры в связи с разработкой диалектической логики. Настоящая заметка не претендует на исчерпывающее освещение, тем более на окончательное разрешение проблемы. Её целью является только показ одного из возможных подходов к её решению. В основе предлагаемого решения лежат некоторые общие соображения о соотношении формальной и диалектической логики, затронутые нами уже раньше.¹ Наиболее существенное значение из них имеют следующие два положения.

1. Диалектическая логика выступает в отношении формальной логики как металогики.

2. Диалектическая логика как содержательная логика является логикой понятий.

Во избежание недоразумений следует сразу же сделать некоторые оговорки. Диалектическая логика является металогикой формальной логики только в конечном счете. До определенного уровня роль металогики формализованных систем играет сама формальная логика (как содержательная логика). Далее, разграничение металогических функций формальной и диалектической логики не имеет строго зафиксированной границы. Оно зависит от конкретного содержания рассматриваемой логической системы, а последнее, в свою очередь, — от природы отражаемых в ней объектов. Сама граница оказывается подвижной, она похожа, образно говоря, на часть плоскости, в пределах которой движется разграничительная линия.

Далее, говоря о диалектической логике как логике понятий, мы не утверждаем, что диалектическая логика исследует только

¹ Ученые записки Тартуского государственного университета, вып. III, Труды по философии, V, 1961, стр. 3—27. К сожалению, во время написания этой статьи я не был знаком с работами Ат. Жожы, где выдвигается идея о металогической роли диалектической логики. Поэтому в ней отсутствует соответствующая ссылка.

понятие как «форму мышления». «Логика понятий», в данном контексте, означает тот подчеркнутый неоднократно Ф. Энгельсом и В. И. Лениным факт,² что диалектическая логика исследует логическую структуру мышления на уровне понятий как отражений действительности. Но установление уровня логических исследований не является объявлением какой-либо «формы мышления» первичной по сравнению с другими формами. Именно как логика понятий диалектическая логика является логикой «содержательных форм» («интенсиональных отношений»), в отличие от силлогистики, исчисления предикатов или исчисления высказываний. Рассмотрение понятия в качестве термина в посылке или как пропозициональной функции является только одним из моментов логического исследования понятия как отражения в гносеологическом смысле. (Заметим, что «несодержательность» логических формализмов отнюдь не абсолютна: они имеют тоже «конкретное» содержание. Поэтому выражение «бессодержательная, чистая форма» является, по меньшей мере, неточной).

После таких предварительных замечаний попытаемся показать, в каком смысле вышеприведенные положения (1, 2) могут помочь решению вопроса о соотношении формально-логических и диалектических противоречий.

Сама объективная действительность противоречива, все явления и процессы действительности содержат в себе внутренние противоречия, противоположные стороны и тенденции. Противоречие является источником, движущей силой развития. Предмет представляет собою единство противоположностей. Противоположные стороны и их отношение (противоречие) существуют в предмете одновременно. С исчезновением одной стороны противоречия изменяется и сам предмет.

В то же время формальная логика запрещает логические противоречия. Конъюнкция высказывания с его отрицанием дает всегда ложное (тождественно ложное) высказывание. В повседневной жизни распространено мнение, что из противоречащих друг другу суждений нельзя ничего умозаключить. На деле из системы предложений, где имеются логически противоречивые высказывания, согласно математической логике, можно вывести любое предложение.

Буржуазные критики марксизма отождествляют отражение в мышлении диалектического противоречия с формально-логическим противоречием³ и пытаются приписывать на этом основа-

² См., например: Ф. Энгельс, *Диалектика природы*, 1952, стр. 176; Ф. Энгельс, *Анти-Дюринг*, 1957, стр. 14; В. И. Ленин, *Соч.*, т. 38, стр. 98—99, 136, 188—199, 249, 260.

³ Вот один из многочисленных примеров этому: «Несмотря на её нелогичности — или, возможно, именно из-за них — философия Гегеля оказала глубокое влияние на К. Маркса, который провозгласил взгляд, что мир раз-

нии марксизму всякую бессмыслицу. Они утверждают, например, что если всё в мире противоречиво, то отсутствие логических противоречий в научных теориях свидетельствует об их ложности. Или еще: если всё противоречиво, то мышление не может адекватно отражать действительность, а должно находиться с отражаемым в отношении противоречия и т. д.

Такая «аргументация» исходит, сознательно или бессознательно, из извращения диалектико-материалистического учения о противоречиях. Марксизм никогда не утверждал, что все предметы и явления действительности находятся между собою только в отношении диалектического противоречия. Подобное утверждение расширило бы понятие диалектического противоречия до «абстрактно всеобщего», превратило бы его просто в слово, применимое ко всем отношениям без исключения. В таком случае оказывается возможным говорить, например, о «противоречии» между пишущей машинкой и Атлантическим океаном, ласточкой и луной и т. д.⁴ Хотя анализ такого рода отно-

вивается согласно диалектической формуле» (М. А. Molesworth, *Landmarks in Logic*, Australia, 1958, стр. 99). Моулсворс изображает развитие логической мысли в XX веке как реакцию на логические идеи Гегеля (стр. 107—110, 122). Он не только против диалектической логики, но и против развития самой формальной логики: «Мы должны идти назад к логике Аристотеля» (стр. 135).

⁴ В нашей психологической литературе завоевывает за последнее время все большее право на жизнь понятие «оператора». Н. А. Бернштейн в своей статье «Пути и задачи физиологии активности» (Вопросы философии, 1961, № 5) рассматривает роль активного операторного моделирования в деятельности мозга. А. Н. Леонтьев и Ю. Д. Панов, применяя это понятие к психологии, предлагают для различения двух механизмов аналитической деятельности, на которые обратил внимание И. П. Павлов, ввести следующее понимание оператора: «Итак, образ как результат, как субъективный продукт восприятия (мы имеем в виду образ в самом широком смысле слова) может быть передан кодом, но он сам не есть знак, не условная, не иероглифическая передача действительности, а ее отражение, сопоставимое по своему богатству с самой отражаемой действительностью. Эта воссоздаваемая мозгом действительность — прошлая, настоящая или выступающая как перспектива, как цель — и становится внутренним идеальным «оператором» деятельности человека, включая деятельность самого восприятия». (А. Н. Леонтьев и Ю. Д. Панов, *Психология человека и технический прогресс*, на правах рукописи, Институт философии АН СССР, М., 1962, стр. 22). Не вдаваясь в тонкости проблемы (например, в связи с опознаванием дефектного текста на знакомом языке — именно этот пример рассматривается в последнем случае — было бы, на наш взгляд, правильнее говорить об операторе оператора; ср. опознавание текста на знакомом языке с опознаванием текста со знакомым алфавитом, но на незнакомом языке или с опознаванием контура фигуры охотника в картине-загадке), следует отметить, что употребление математического понятия «оператор» в данном контексте кажется нам очень удачным. Оно имеет не только преимущество краткости, но дает также наглядное представление как о связи гносеологического отражения с закодированной моделью, так и об их качественном различии. Оно подчеркивает использование прошлой информации, её избыточность и т. д.

С другой стороны, формальная логика пользуется понятием оператора уже относительно давно. Может быть, не будет бесполезно говорить также об операторной роли категорий диалектики в мышлении? В вышеприведен-

шений может дать известный материал для гимнастики мозга, практически он не имеет никакого познавательного значения. Также он не имеет ничего общего с диалектико-материалистическим исследованием объективных противоречий. Категория диалектического противоречия, как и все категории диалектики, предполагает ее конкретное применение. В мире нет противоречий вообще, а имеются противоречия между предметами и явлениями и в самих предметах и явлениях. Но эти противоречия не могут быть постулированы из головы, они должны быть обнаружены путем конкретного исследования. Знание о противоречивом характере любого явления представляет собою важнейшее предварительное условие исследования. Но такое знание не исключает необходимости конкретного исследования и не позволяет объявлять находящимися в отношении диалектического противоречия любых, произвольно выбранных сторон явления. Произвольное конструирование противоречий представляет собою, как известно, не диалектику, а софистику.

Итак, отражением диалектических противоречий в мышлении мы можем считать (со стороны содержания) только такие противоречия, которые открыты путем конкретного исследования, на основе фактического материала (причем этими противоречиями могут быть как противоречия материального мира, так и самого познания). Далее, диалектическое противоречие может отражаться в мышлении так, что человек сам не осознает его как диалектическое противоречие. Оно может также отражаться и как сознательно фиксируемое диалектическое противоречие.

В большинстве случаев диалектическое противоречие выражается в такой логической форме, которая с точки зрения формальной логики не может вызывать вопроса о нарушении закона недопустимости логического противоречия. Суждения: «противоположными полюсами буржуазного общества являются буржуазия и пролетариат», «эволюция организмов совершается через противоречивое соотношение наследственности и изменчивости», «товар — это единство потребительной стоимости и стоимости» и т. д., выражают диалектическое противоречие в «правильной», с точки зрения формальной логики, форме.

Дискуссию вызывают суждения другого типа, такие как «движение прерывно и непрерывно», «движущееся тело находится в данный момент времени в данном месте и не находится в нем, так как оно (тело) движется». В отношении этих суждений выполнено первое условие, с которым связывается содержательное отражение диалектического противоречия в мышлении: они получены путем конкретного исследования, они истинны по своему

ном случае (пишущая машинка и Атлантический океан и т. д.) мы могли бы сказать, что отношение между ними опосредуется логическим оператором «разности», а не оператором «противоречие» (диалектическое).

содержанию. В то же время формальная логика рассматривает их как логически противоречивые.

Теперь возникает вопрос: не выражено ли в данном случае истинное содержание мышления в «неправильной» логической форме? Не дополняет ли мышление, исходя из примата содержания, неправильную логическую форму интуитивно, так что подразумевается нечто отличное от того, что непосредственно в этих суждениях утверждается? В ответ на этот вопрос различные авторы предлагают различные решения. Рассмотрим некоторые из них.

Вместо «находится и не находится в данном месте» предлагается, прежде всего, рассматривать в качестве значения этого предложения «проходит данное место». В таком случае формальнологическое противоречие исчезает. Но вместе с ним, к сожалению, исчезает и нечто другое: содержащаяся в предложении информация о противоречивом характере движения и само предложение приобретает значение, близкое к тавтологии. («Движущееся тело проходит данное место = движется в данном месте», т. е. «движущееся движется»).

Во-вторых. Обращается внимание на то, что диалектическое противоречие проявляется в качестве формальнологического противоречия в том случае, если оно (диалектическое противоречие) познано неполностью. В объективной реальности имеются стороны А и В некоторого диалектического противоречия. Они фиксируются в суждениях а и в. Суждения а и в не отражают диалектического противоречия полностью (хотя бы в результате того, что они не фиксируют его как диалектического противоречия). В дальнейшем суждения а и в проецируются, в свою очередь, на действительность, но их проекцией оказывается не первоначальное отношение А и В, а отношение, отличное от последнего, A_1 и B_1 .⁵

Это справедливо, когда речь идет о различии между формальнологическим и диалектическим противоречиями. Но это не решает еще дела. Здесь показывается только, почему диалектическое противоречие может в определенных условиях отражаться в сознании человека как формальнологическое противоречие. При этом в дальнейшем такое логическое противоречие, обусловленное неполным отражением, должно быть устранено. Но открытым остается главный вопрос: возможно ли выражать вышеуказанные диалектические характеристики движения в такой форме, что они не имели бы формы логического противоречия, но чтобы в то же время не была утрачена содержащаяся в них информация о противоречивом характере движения?

В-третьих. Альтернативная постановка вопроса признается

⁵ Г. Клаус, Введение в формальную логику, М., 1960, стр. 86—95.

неправомерной. Наиболее ярко эта точка зрения выражена М. М. Розенталем: «Нет и не может существовать альтернативы: либо признание объективности противоречий движения и связанного с этим отрицания закона непротиворечия, либо признание данного закона и связанного с ним отрицания объективности противоречий движения. Вопрос стоит только так: и то, и другое, т. е. признание диалектических противоречий движения и недопустимость никакой логической путаницы в суждениях. Следует строго различать суждения, в которых противоречия есть результат логической непоследовательности мысли, и суждения, в которых противоречия отражают диалектическую природу вещей».⁶ С этой точки зрения форму суждений, выражающих диалектическое противоречие, хотя она для формальной логики «противоречива», не следует считать недостатком таких суждений. Отпадает также необходимость в сведении их во что бы то ни стало к «непротиворечивой форме».

Нам кажется, что последняя точка зрения дает ключ для решения вопроса. Диалектическое противоречие может проявляться как формальнологическое и в том случае, если противоречие отражено в мышлении полностью. Однако это не означает отрицания логического закона непротиворечивости. Конечно, это утверждение имеет силу только тогда, когда речь идет об отражении действительно существующих диалектических противоречий.

Итак, мы имеем суждения: «движение непрерывно и прерывно» (1), «движущееся тело находится в данный момент времени в данном месте и не находится в нем» (2). Как следует трактовать эти предложения? Весь вопрос, на наш взгляд, сводится к тому, что представляют собою «противоречивые» высказывания (1) и (2): одно или два суждения. С точки зрения единства логической формы и содержания надо рассматривать каждое из них как одно и только одно суждение.

Обозначаем высказывание (1) буквой p . Согласно соотношению его содержания и объективной действительности его значение истинности будет «истина»: $p = 1$. Его отрицанием было бы: «неверно, что движение непрерывно и прерывно». Обозначаем его \bar{p} . Ему соответствует истинностное значение «ложно»: $\bar{p} = 0$. Сохраняет ли свою силу закон непротиворечия? Да, сохраняет. Конъюнкция предложения (1) и его отрицания дает тождественно-ложное высказывание.

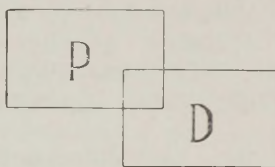
Итак, на данном уровне диалектическая логика не расходится с формальной логикой. Попытаемся анализировать это предложение с точки зрения соотношения субъекта и предиката. До сих пор мы предполагали, что «непрерывное и прерывное» — это единый предикат. Закон непротиворечия говорит, что об од-

⁶ М. М. Розенталь, Принципы диалектической логики, М., 1960, стр. 324.

ном и том же предмете нельзя что-либо в одном и том же отношении и в одно и то же время утверждать и отрицать. Вместе с тем предлагается, что «непрерывно и прерывно» — это два взаимоисключающих свойства.

Пусть «непрерывно» будет \bar{P} , «прерывно» P . Их конъюнкцией оказывается $P \cdot \bar{P}$. Она дала бы пустой, нулевой класс.⁷ Но для того, чтобы так трактовать данное суждение, мы вынуждены покинуть область формальной логики и убедиться в том, как обстоит дело в объективной реальности. В реальности между классами нет таких жестких границ, как это подразумевает формальная логика. Другими словами, рассматривая P и \bar{P} как класс и его дополнение, мы неявно вводим еще одно допущение, а именно: конкретные свойства P и \bar{P} признаются несовместимыми (их пересечение пусто). Но именно это и следует доказывать.

Поясним свою мысль. Условимся говорить вместо «прерывно» — «дискретно». Обозначаем его буквой D . Изображая соотношение P и D графически, получаем:

Конъюнкция классов P и D (их общая часть) не оказывается пустой: она приобретает для формальной логики такое же значение, как конъюнкция, например, «красное» и «зеленое».⁸ Но в этом и обнаруживается глубокое различие между диалектическим и формальнологическим отрицанием. (Заметим, что оно не сводится к различию контрадикторного и контрарного противоречия.) Единый предикат сам противоречив, но этим противоречивым предикатом формальная логика оперирует (как вообще диалектически противоречивыми понятиями) на определенном уровне в непротиворечивой логической форме (напомним, что $p \cdot \bar{p} = 0$).

⁷ Для простоты мы рассматриваем здесь предикаты как классы.

⁸ Эта мысль развивается рядом авторов, П. В. Копнин, например, отмечая неправомочность альтернативной постановки вопроса (либо признание формальной логики, либо признание объективности противоречий движения), пишет: «В действительности же правильно понятый закон формальной логики не запрещает нам высказать такое указанное суждение, предикат которого составляет мысль о единстве противоречивых сторон предмета. Этот закон, как и другие законы формальной логики, не касается содержания предиката суждений». (Вопросы философии, 1958, № 7, стр. 90). Такое понимание согласуется и с законом сложной противоречивой предикации, предложенным Ат. Жожа (см. сборник «Проблемы философии», М. 1960, стр. 193—222.)

Если встать на точку зрения исторического развития человеческого мышления, мы получаем следующую картину. Формальнологическая структура мышления «моделирует» действительность, причем это «моделирование» происходит неизбежно односторонне. Проявлением такой односторонности — уже то обстоятельство, что границы классов оказываются жестко зафиксированными, любой предмет относится либо к классу, либо к его дополнению. Формальная логика, исследуя структуру мышления, открывает эту закономерность и формулирует ее в виде законов непротиворечия и исключенного третьего.⁹ Но в дальнейшем происходит «оборачивание метода»: открытая закономерность мышления объявляется всеобщей, абсолютной закономерностью объективной реальности (хотя она носит относительный характер) и утверждается на этом основании, что такие-то свойства не могут быть объединены в самой реальности. Такая экстраполяция имела место также при формальнологическом законе тождества и была в свое время вообще одним из теоретических основ метафизического образа мышления.

Обычно традиционная логика пытается выйти из затруднений с помощью оговорки, которая делается в связи с законом непротиворечия: «нельзя в одном и том же отношении в одно и то же время» отрицать и утверждать.¹⁰ Эта оговорка, конечно, имеет положительное значение, поскольку закон непротиворечия не связывает себя с конкретными предписаниями о том,

⁹ В настоящей заметке нас интересует принципиальная возможность использования диалектической логики в качестве металогики. Поэтому мы рассматриваем вопрос только с точки зрения двужанной логики, не затрагивая моментов, связанных с переходом к многозначным исчислениям. Наиболее существенными из них, заслуживающими специального рассмотрения, являются проблема логического отрицания и закона исключенного третьего. (В данном анализе сохраняют силу законы де-Моргана, в результате чего мы не приводим, по существу, различия между законом непротиворечия и исключенного третьего). Следует, однако, отметить, что проблема логического отрицания в нашей философской литературе разработана мало. Очень содержательную и интересную попытку в этом направлении представляют собою статьи И. Н. Бродского «О природе отрицательного суждения» и «Отрицательное понятие» (Ученые записки ЛГУ, № 263, Серия философских наук, вып. 14, 1959; № 285, Серия философских наук, Вопросы логики, вып. 17).

¹⁰ Мы намеренно не рассматриваем возможности для формальной логики трактовать противоречащие суждения «в одном отношении» и «в другом отношении». Это не означает отрицания такой возможности. Отнюдь нет. Но такая трактовка относится во всех случаях к компетенции металогики. А в конечном счете, повторяем, роль металогики выполняет логика диалектическая (для современного последовательно научного мышления). По этим соображениям нет необходимости и подробнее остановиться на содержательной интерпретации Аристотелем законов непротиворечия и исключенного третьего. Сжатый, но очень интересный анализ этого вопроса имеется у А. С. Ахманова. (А. С. Ахманов, Логическое учение Аристотеля, М., 1960, стр. 139—159).

что содержательно означает «в одном и том же отношении». Но здесь возникают и непреодолимые для формальной логики затруднения.

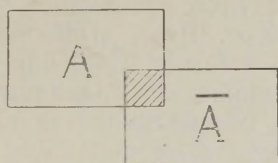
Особенно характерно с этой точки зрения другое предложение (пример Гегеля): «движущееся тело находится в данный момент в данном месте и не находится в нем, потому что оно движется».¹¹ С точки зрения содержания предложения (объявляя его истинным суждением) Гегель в очень общей форме выразил нечто аналогичное тому, о чем современная физика говорит как о двойственной природе света (единство прерывного и непрерывного).

Закон непротиворечия сохраняет силу, когда мы рассматриваем данное предложение как одно суждение. Конъюнкция предложения и его отрицания будет ложной: $p \wedge \bar{p} = 0$. Но попытаемся рассмотреть в связи с этим еще один аспект вопроса, имеющий, на наш взгляд, наиболее существенное значение. Почему мы предлагаем рассматривать данное предложение как одно суждение, сведя логическое противоречие между суждениями к диалектическому противоречию внутри предиката одного суждения (считая, что данный предикат не допускает для формальной логики дальнейшего расчленения)? — Потому, что при анализе вопроса мы берем за исходную точку зрения содержательную интерпретацию, исходим из диалектической логики как металогики. Приписывание истинностных значений элементарным высказываниям входит в компетенцию металогики. Другими словами, мы предварительно объявляем истинным «противоречивое» высказывание. Мы рассуждаем следующим образом. Истинно ли само по себе предложение: «движущееся тело находится в данном месте»? Нет, оно не истинно, а ложно. Также не истинно само по себе выска-

¹¹ Содержательная интерпретация этого предложения «в одном отношении» и «в другом отношении» вызывает серьезные затруднения. А. Зиновьев, рассматривая его как парадокс Зенона, предлагает одну такую интерпретацию. Он показывает, что понятие «одновременность» («данный момент») в принципах формальной логики и в этом предложении имеют различное значение. В первом случае (если иметь в виду, что предмет не может одновременно обладать и не обладать каким-либо свойством) «одновременность» означает временный интервал, не равный нулю, в рассматриваемом же предложении мы имеем границу двух временных интервалов, равную нулю. В последнем случае отпадает возможность экспериментальной проверки. (А. Зиновьев, Философские проблемы многозначной логики, М., 1960, стр. 98).

Но это, на наш взгляд, не единственно возможная интерпретация. Мы можем рассматривать данное предложение, например, с точки зрения гипотезы Снайдера о структуре времени и пространства: время и пространство не непрерывны, а имеет некая минимальная величина, намного меньше всего того, с чем человечеству приходилось до сих пор иметь дело, но величина, меньше которой невозможен никакой, даже мысленный эксперимент. Другими словами, подобно тому, как существует квант действия, существует и квант пространства. Но и эта гипотеза не устраняет диалектического противоречия и не сводит движение к сумме состояний покоя.

зывание: «движущееся тело не находится в данном месте». Ведь весь смысл предложения в том и заключается, что истинное высказывание получается из конъюнкции свойств «находится в данном месте» и «не находится в данном месте». Изображая это графически, мы получаем опять-таки:

где только заштрихованная часть не является пустой, (для свойств движущегося тела), а A и \bar{A} вне заштрихованной части — пустые. В таком случае мы получили бы

$$\begin{aligned} A \cdot \bar{A} &= 1 \\ A \vee \bar{A} &= 1 \\ \overline{A \cdot \bar{A}} &= 0 \\ A \cdot \bar{A} &\neq \bar{A} \vee A \end{aligned}$$

Такая запись явно не соответствует обычному исчислению классов. Но она сразу же согласуется с ним, если мы примем, что диалектическое и формальнологическое противоречия не тождественны, и соответственно этому видоизменим запись:

A — находится в данном месте,
 \bar{A} — не находится в данном месте,

$$\begin{aligned} A \cdot B &= 1 \\ A \vee B &= 1 \\ \overline{A \cdot B} &= 0 \\ A \cdot B &= \bar{A} \vee \bar{B}, \end{aligned}$$

(причем имеют силу отношения $A \cdot \bar{A} = 0$, $A \vee \bar{A} = 1$). Кроме того, таким путем мы однозначно определяем и область, где понятие движения, рассматриваемое как пропозициональная функция, приобретает значение «истинно». Как видно, и в таком случае дело сводится к вопросу об уровне интерпретации: этот вопрос выходит за пределы формальной логики, и этим занимается специально диалектическая логика как металогика.

Именно рассмотрение диалектической логики в качестве металогики формальной логики является, на наш взгляд, клю-

чом для решения и других аналогичных парадоксов.¹² В конечном счете дело сводится к тому, с чего начинать: считать ли формальную логику металогики для диалектической логики, или наоборот. А этот вопрос не может быть решен в пределах рассмотрения какого-нибудь одного «логического противоречия». Для этого нужно сравнить те общие принципы, на которых базируются диалектическая и формальная логика. Нам кажется, что именно диалектическая логика выступает как металогика формальной логики. Ведь вышеприведенная содержательная интерпретация (см. примечание 11), согласно которой в данном предложении подразумевается временный интервал, равный нулю, не объясняет еще дела. С точки зрения границы интервалов рассматриваемое высказывание приобретает следующий вид: граница двух интервалов равняется и не равняется нулю. Но это — новое «противоречие», требующее, в свою очередь, интерпретации «в одном отношении» и «в другом отношении». Мы не видим пока конкретных путей для такой интерпретации, но можем предполагать, что такая интерпретация снова породит противоречие на каком-нибудь новом уровне.

Несомненный интерес представляет мнение Гильберта и Бернаиса в аналогичном вопросе. В качестве решения первого парадокса Зенона (бегун не может пробежать дистанцию за конечное время, так как он должен сперва пробежать половину её, затем четверть, затем следующую восьмую часть и т. д.) приводится обычно ссылка на то, что Зенон ошибся, принимая сумму бесконечного ряда при данных условиях за бесконечную величину, но мы имеем здесь ряд, который сходится. Гильберт и Бернаис пишут по этому поводу: «В действительности имеется гораздо более радикальное решение этого парадокса. Оно состоит в указании на то обстоятельство, что мы вовсе не обязательно должны верить в то, что математическое пространственно-временное представление движения имеет физическое значение для произвольно малых интервалов пространства и времени; скорее мы имеем все основания предполагать, что эта математическая модель экстраполирует факты из некоторой области опыта, а именно, из области движений в пределах того порядка величин, который пока что доступен

¹² Э. Кольман, например, предлагает интерпретировать рассматриваемое высказывание не как «находится и не находится», а как «тело в один и тот же момент времени в одном и том же месте проходит и покоится». (При этом он делает оговорку, что такая интерпретация соответствует уровню естествознания 70-х годов прошлого столетия. См. Вопросы философии, 1958, № 12, стр. 165). Но и в таком случае, с точки зрения металогической роли диалектической логики по отношению к формальной логике, решение вопроса состоит именно в трактовке данного высказывания как одного суждения, во внесении диалектического противоречия «внутри» предиката единого суждения.

нашему наблюдению...»¹³ Интересно именно объективное значение этого высказывания: диалектика пробивает себе, хотя бы в «негативной форме», дорогу. Одностороннее решение первого парадокса Зенона недостаточно «радикально». Радикальным может быть только более широкий анализ конечного и бесконечного, непрерывного и прерывного.

Можно вполне согласиться с А. Зиновьевым, когда он отмечает неправильную «тенденцию, идущую от Гегеля, критиковать классическую логику таким путем, что последний противопоставляется допущению одновременной истинности и ложности для ряда привилегированных суждений. Поскольку при этом сохраняется классическое отношение истинности и ложности, то это допущение равнозначно допущению, что высказывание не является истинным и не является ложным. В общем, высказывания типа $x \cdot \bar{x}$ считаются в ряде случаев приемлемыми. Отдельные рецидивы такой критики встречаются до сих пор.»¹⁴ Это — верно. Диалектическое противоречие, действительно, не выражается в форме противоречащих друг другу суждений. И в рассматриваемых нами примерах нет суждения, которое было бы одновременно истинным и ложным.

Рассмотрение примера Гегеля как конъюнкции « $x \cdot \bar{x}$ » имело бы вид: «верно, что движущееся тело находится в данном месте, и неверно, что движущееся тело находится в данном месте», где каждое суждение имеет самостоятельное значение истинности. Исходя из вышеприведенных соображений, значением первого суждения оказывается «ложно» (x само по себе ложно), значением второго — «истина» (отрицание ложного суждения дает истину).¹⁵ Конъюнкцией истины и лжи будет ложь. «Привилеги-

¹³ Цитируется по книге С. К. Клини, Введение в метаматематику, М. 1957, стр. 55.

¹⁴ А. А. Зиновьев, Философские проблемы многозначной логики, М., 1960, стр. 98. А. Зиновьев прав и в том, что он подчеркивает иллюзорность решения проблемы с помощью допущения одновременной истинности выражений: (1) $x \cdot \bar{x}$; (2) $(x \cdot \bar{x}) \cdot (x \cdot \bar{x})$.

¹⁵ Г. Гёрц пишет по этому поводу: «В короткой форме, которая может вызвать недоразумения, говорят: тело в одно и то же время находится в данном месте и не находится в данном месте. Такое высказывание оставляет впечатление логического противоречия, но не является им, так как данное предложение состоит из двух предложений, каждое из которых является в определенном отношении истинным. В результате является истинным и составное предложение. Но здесь мы абстрагируемся от диалектического противоречия. Для двухзначной логики истинное значение составного предложения получается из истинностных значений элементарных высказываний. Но для диалектики, наоборот, соотношение обоих высказываний как выражение действительного соотношения является истинным». (Herbert Hörz, Über die Widerspiegelung der Bewegung der Elementarobjekte im Denken. Naturwissenschaft und Philosophie, Berlin. 1960, стр. 235—236.) Вполне соглашаясь с последним утверждением, мы сомневаемся в первом. Вряд ли является истинность составного предложения

рованных суждений» нет. Для того, чтобы доказать их наличие, надо дополнительно показать, следует ли выражение Гегеля рассматривать как конъюнкцию типа « $x \cdot \bar{x}$ ». Но это — дело металогики.

В то же время мы видим, что диалектическая логика в качестве металогики не отменяет законов формальной логики, а только «сдвигает» уровень их действия.

Ввиду этого мы не можем согласиться с утверждением, что диалектическое противоречие должно во всех случаях обнаруживаться (явно) как формальнологическое противоречие. Основанием такого утверждения является рассмотрение соотношения диалектического и логического противоречия только с точки зрения учения о понятии традиционной формальной логики. Здесь даются некоторые общие представления об отношениях между классами, которые не могут ни в коем случае быть абсолютизированы. Но именно к такой абсолютизации ведет мнение, что традиционное учение о понятии якобы призвано давать некоторые общие рецепты насчет того, какие свойства могут быть в объективной действительности сочетаемы друг с другом, а какие нет (могут или не могут иметь место у одного предмета одновременно и «в одном и том же отношении»).

Несостоятельность такого утверждения обнаруживается уже при рассмотрении суждения в целом. Суждение, истинно выражающее диалектическое противоречие, не может быть конъюнктивно объединено со своим отрицанием. Но именно о невозможности такого объединения и говорит закон непротиворечия в отношении суждений. К сожалению, традиционная логика не проводит сколько-нибудь строгого различия между различными уровнями логической структуры, причем и основные логические законы сформулированы неоднозначно. Ведь предписание «нельзя одновременно утверждать и отрицать» допускает различные интерпретации, с явным преобладанием нормативной функции. Что именно «утверждать и отрицать» — истинность суждения или же включение элемента в класс и т. д.? Это требует дальнейших разъяснений.

Для диалектической логики это совсем не безразлично. При интерпретации классов нам совсем не безразлично, до какого уровня мы считаем абсолютным (в рамках данного рассуждения) несовместимость класса и его дополнения (соответственно: свойства и его отрицания). Традиционная формальная логика предлагает рассматривать ее на всех уровнях как абсолютное. Для диалектической логики она на всех уровнях относительная, но в ходе реального мышления мы всегда вынуждены рас-

здесь результатом истинности элементарных высказываний. Ведь ни «находится в данном месте», ни «не находится в данном месте» не является в рассматриваемом контексте в отдельности истинным. На это, между прочим, указывает в дальнейшем и сам Г. Гёрц (стр. 237—239).

смагивать ее до (или «от») определенного уровня как (условно) абсолютную.

Сказанное остается в силе и тогда, когда в основу закона непротиворечия берут его содержательную интерпретацию: «Невозможно, чтобы одно и то же было и не было присуще одному и тому же в одном и том же смысле» (т. е. предмет не может одновременно иметь и не иметь какое-нибудь свойство). Опять-таки проблема сводится к тому, какое именно будет это свойство, которое не может одновременно присутствовать и отсутствовать. В наших примерах этим свойством будут «непрерывно и прерывно» (1), «нахождение и ненахождение в данном месте» (2).

Ведь именно об этом говорили Энгельс и Ленин. В «Философских тетрадах» В. И. Ленин писал: «Движение есть сущность времени и пространства. Два основных понятия выражают эту сущность: (бесконечная) непрерывность (*Kontinuität*) и «пунктуальность» (= отрицание непрерывности, прерывность). Движение есть единство непрерывности (времени и пространства) и прерывности (времени и пространства). Движение есть противоречие, есть единство противоречий». ¹⁶ Итак, характеристикой движения является единство противоречивых понятий, и движению «присваивается» единый, но внутренне противоречивый предикат.

Что вышеприведенная цитата не просто запись Лениным точки зрения Гегеля, подтверждается следующим местом из «Философских тетрадей». Чернов, в противоположность диалектическому пониманию, выдвинул положение, что движение есть нахождение тела в данный момент в данном месте, а в другой, следующий момент в другом месте. Ленин замечает по этому поводу: «Это возражение неверно: (1) оно описывает результат движения, а не само движение; (2) оно не показывает, не содержит в себе возможности движения; (3) оно изображает движение как сумму, связь состояний покоя, т. е. (диалектическое) противоречие им не устранено, а лишь прикрито, отодвинуто, заслонено, занавешено.» ¹⁷

Итак, пользуясь только одной стороной противоречивой характеристики движения, мы получаем уже ложное суждение: утверждаем о движении то, что применимо лишь к результату движения. В то же время В. И. Ленин с исчерпывающей ясностью говорит о недопустимости логических противоречий в любых рассуждениях, а также о недопустимости смешивать логические противоречия мышления с отражением диалектических противоречий в мышлении. ¹⁸

¹⁶ В. И. Ленин, Соч., т. 38, стр. 253.

¹⁷ В. И. Ленин, Соч., т. 38, стр. 255.

¹⁸ В. И. Ленин, Соч., т. 23, стр. 28—35.

В предыдущем изложении мы обратили главное внимание на то, в каком смысле диалектическое противоречие не «отмечает» формальнологического закона недопустимости противоречия даже в тех случаях, когда диалектическое противоречие выражается, на первый взгляд, в «логически противоречивой» форме. Главное здесь то, что, считая какое-нибудь суждение истинным, мы не можем считать его в то же время ложным. Исходя из этого, можно сказать, что «противоречащие», «взаимоисключающие» свойства образуют единый для формальной логики предикат. Но на деле здесь имеется другой, несравненно более важный аспект, рассмотрение которого составляет специфическую задачу исследования диалектической логики, а именно — изучение внутренней структуры понятий как формы отражения действительности с точки зрения внутренних противоречий. (Ведь рассмотренный нами пример движения тела представляет собою только один из аспектов внутренне противоречивой природы движения как изменения вообще, анализ которого невозможен без обращения к противоречию между прерывностью и непрерывностью, конечным и бесконечным и т. д.) При этом оказывается, что диалектически противоречивыми являются даже такие понятия, в которых никакого формальнологического «противоречия» обнаружить невозможно. Одним из таких диалектических противоречий является, например, противоречие между общим и единичным, на которое неоднократно обращали внимание основоположники марксизма.¹⁹

¹⁹ Ф. Энгельс, *Диалектика природы*, стр. 177—180, 185; В. И. Ленин, *Соч.*, т. 38, стр. 87, 168—169, 275, 359—360.

О СООТНОШЕНИИ ЭЛЕМЕНТОВ И СТРУКТУРЫ В СЛОЖНЫХ СИСТЕМАХ

Л. О. Вальт

Для современной науки характерно построение единой, целостной, синтетической картины мира. Такое построение связано с изучением сложных материальных систем и их взаимодействий. Это в свою очередь ставит проблему соотношения структуры и элементов самих материальных систем и происходящих в них процессов. Вот почему категории «структура» и «элементы» все больше привлекают внимание как представителей конкретных наук, так и философов. Эти категории тесно связаны с такими важными категориями философии, как содержание и форма, целое и часть, качество и количество, причина и следствие, взаимодействие, функция и т. д. Элементы и структура — категории, характеризующие предметную действительность с точки зрения ее расчлененности и внутренней связанности.

Изученная до сих пор человеком часть мира, охватывающая в пространственном масштабе примерно 40 порядков величины (от 10^{-14} см до 10^{26} см), раскрывается перед нами как расчлененная на количественно и качественно различные структуры. Мы еще мало знаем о структуре Метагалактики и местного скопления галактик, элементом которого является наша Галактика. Но знания о структуре нашей Галактики и ее ближайших соседей во Вселенной быстро прогрессируют благодаря успехам оптической и радиоастрономии. Известно, что для Галактики характерна неравномерность в распределении материи: наблюдаются объединения звезд в структурные единицы — звездные облака, скопления и звездные ассоциации. Структурность свойственна и распределению диффузной материи — газа и пыли — в Галактике. Структурами низшего порядка являются структуры кратных звезд, планетных систем, а также внутренняя структура различных небесных тел, в том числе нашей Земли. Специфическая структура и элементы свойственны неорганическим телам, молекулам, атомам, элементарным частицам. Многообразие структур характерно для живых организмов и их органов. Однако структурная организация характеризует не

только явления природы. Человеческое общество и общественные явления также обладают структурностью (классовая структура, структура производительных сил и т. д.). Следует отметить, что понятие структуры приобретает все большее значение в общественных науках в связи с развертыванием конкретных социологических исследований. Это не что иное, как исследование детальной структуры и динамики общества.

С понятием структуры мы встречаемся и в области психических явлений. Известно, что И. П. Павлов указал в качестве одного из принципов исследования высшей нервной деятельности принцип структурности, т. е. приурочения функций к определенным анатомическим структурам. В настоящее время большое внимание уделяется изучению внутренней структуры процесса мышления и познания (работы школы Пиаже и др.). Как видно, понятия структуры и элементов охватывают определенный аспект всего существующего, стало быть, они — категории философские. Структурность любого объекта и явления вытекает необходимым образом из закона единства и борьбы противоположностей. Наличие в любом предмете, любом процессе единства противоположностей означает их связи, определенного типа взаимообусловленности, т. е. внутреннюю структуру данного качественно определенного явления.

Исследование соотношения категорий структуры и элементов закономерно привлекает все большее внимание как философов, так и представителей, пожалуй, всех конкретных наук. С философской точки зрения эта проблема рассматривалась в работах проф. В. И. Свидерского^{1, 2}, идеи которого и побудили автора написать настоящую статью. Интересные соображения по этому поводу высказаны в работах О. С. Зелькиной³ и И. В. Кузнецова.⁴ В статье О. С. Зелькиной дана и критика идеалистического истолкования этих проблем, в работах Б. Рассела, А. Марха и других. Необходимо сказать, что такого рода попытки продолжаются, например в работе Уллмо,⁵ который рассматривает вопрос о структуре научного познания, следуя идеям, выдвинутым в свое время Дюгемом в его книге «Физическая теория, ее цель и структура». Эта работа, подвергнутая

¹ В. И. Свидерский, Об отражении материалистической диалектикой соотношения элементов и структуры в явлениях. Научн. докл. высш. школы, философские науки, 2, 1960, стр. 70—79.

² В. И. Свидерский, Закон отрицания отрицания в свете соотношения элементов и структуры в явлениях. Вестник ЛГУ, сер. экон., филос., права, № 11, 1959, стр. 131—135.

³ О. С. Зелькина, О понятии структуры. В сборнике «Некоторые философские вопросы современного естествознания». Саратовский Госуниверситет, 1960.

⁴ И. В. Кузнецов, Принцип причинности и его роль в познании природы. В сборнике «Проблема причинности в современной физике», Москва, 1960.

⁵ J. Ullmo, *La pensee scientifique moderne*. Paris, 1958, p. 100—110.

резкой критике Лениным, осталась до сих пор настольной книгой субъективных идеалистов.

В последнее время проблема соотношения структуры и элементов привлекает внимание философов-марксистов и в странах народной демократии. Укажем на работы болгарских авторов И. Л. Карагеоргиева⁶ и И. Борисова.⁷

Здесь нет возможности охарактеризовать точки зрения, существующие по этому малоисследованному вопросу. В настоящей работе мы попытаемся раскрыть лишь некоторые, на наш взгляд, интересные аспекты соотношения элементов и структуры, причем мы не касаемся другой диалектической противоположности — понятий структуры-функции. Исследование в общепhilosophическом плане связи структуры материальных объектов со способами их существования, «действия», функционирования — важная проблема, так как распознавание структуры обычно происходит по изучению того, «что она делает». (В кибернетике — это проблема «черного ящика»).

*

*

*

Категории «элементы» и «структура» тесно связаны с категориями части и целого, но отнюдь не тождественны им. Элементы — это отдельные составляющие, компоненты сложного предмета или процесса, взятые в их конкретной взаимосвязи. О частях же мы говорим как об изолированных, выделенных (или еще не соединенных) элементах.^{8,9} Структура есть способ сочетания и взаимосвязи элементов; она определяет «эмерджентные» свойства целого, его качественное отличие от суммы частей, их механического агрегата. «... Структура придает отдельным элементам, процессам характер некоего общего суммарного процесса, не сводимого к отдельным элементам и процессам», — пишет В. И. Свидерский.¹⁰ В понятии целого превалирует количественная определенность, полнота набора частей: внутренняя же связь и определение частей целым здесь в явном виде не выступает; оно выражается и конкретизируется в понятии структуры.

Выделение из одного целого хоть бы одной части приводит к нарушению целостности, к уничтожению целого. Однако это

⁶ И. Л. Карагеоргиев, Една работа регламентация на основаните принципи и закони на диалектическия материализъм. София, 1960.

⁷ Ив. Борисов, Действието на закона за преминаването на количествените изменения в качествени при кристалиите. «Философска мисъл», 6, 1961, стр. 84—88.

⁸ Ф. Энгельс, Диалектика природы, 1955, стр. 168.

⁹ Гегель, Соч., т. I, стр. 227.

¹⁰ В. И. Свидерский, ук. соч. (I), стр. 71.

еще не означает уничтожения структуры; удаление отдельных элементов не обязательно приводит к изменению типа, способа взаимосвязи остальных. Удаление одного электрона из внешней оболочки атома приводит к тому, что атом как целое перестанет существовать и превращаться в ион. Но структура остова атома при этом не претерпевает каких-то существенных изменений, она сохраняется, а возникшее несоответствие элементов и структуры ликвидируется путем рекомбинации. В дальнейшем мы покажем, что указанная независимость структуры от элементов является лишь одним из проявлений ее относительной самостоятельности, и именно одним из тех, которые дают предметам и явлениям устойчивость. Указанная независимость, разумеется, не является абсолютной, а имеет определенную меру.

Различные структурные организации «частей» превращают их в различные элементы, дают разнокачественные целостности. Известно, что первое искусственно полученное органическое вещество — карбамид — $\text{CO}(\text{NH}_2)_2$ отличается от неорганического цианокислого аммония NH_4CNO не составом, а только структурой, группировкой атомов в молекуле. Из сульфонамидных препаратов бактерицидными качествами обладают лишь те, в молекуле которых амино- и сульфогруппы расположены в пара-, а не ортосостоянии. Сюда же относятся явления химической и ядерной изомерии. Для элементов больше, чем для частей, существенным является способ их вхождения в целое, структура целого. Элементы не могут быть всесторонне изучены путем превращения их в части, т. е. одним лишь аналитическим методом, поскольку их специфика раскрывается лишь в соотношении со структурой, в их функционировании в определенной связи.

Относительная взаимозависимость и самостоятельность структуры и элементов проявляется в 4 планах:

- 1) относительная самостоятельность структуры,
- 2) зависимость структуры от элементов,
- 3) относительная самостоятельность элементов,
- 4) зависимость элементов от структуры.

Рассмотрим их по порядку.

Мы уже видели, что относительная самостоятельность структуры может проявляться, в частности, в сохранении структуры при удалении части элементов. Удаленные элементы могут быть заменены инокачественными (разумеется, не любыми), восстанавливая таким путем соответствие структуры и элементов. В результате получается целое, качественно отличное от исходного, но все же обладающее прежней структурой. Так возникают гиперядра, мезоатомы, кристаллы с небольшими инородными примесями (напр. люминофоры). Замена одних атомов или функциональных групп в молекуле другими, при условии, что

сохраняется структура молекулы и его определяющие, ведущие в определенном отношении элементы, приводит к образованию дериватов, обладающих в данном отношении лишь количественно измененными характеристиками.

Примером могут служить различные недиффундирующие компоненты цветного проявления, дающие в реакции конденсации с продуктами окисления проявляющего вещества соответствующий компонентный краситель. Для получения желтого красителя определяющим является активная метиленовая группа, а путем введения в молекулу какой-либо индифферентной в этом отношении цепочкообразной группы атомов достигается недиффундируемость компонента. Указанная метиленовая группа — ведущий, определяющий элемент в структуре в данном отношении. Структура выступает здесь как наиболее устойчивая, инертная сторона предмета и явления — в пределах одной структуры возможны разнокачественные явления.

Но и структура обладает мерой, определяющей заменяемость элементов. Превышение этой меры приводит к качественному скачку более высокого порядка (например, начиная с определенной концентрации примеси в смешанных кристаллах происходит перестройка кристаллической решетки по типу, характеризующую примесь). Такого рода процессы могут быть поняты только с точки зрения, признающей многокачественность явления. Рассматриваемая здесь самостоятельность вовсе не есть изолированность: она выражает лишь преобладание внутренних связей структурной системы над внешними связями. Указанная самостоятельность не есть внешняя замкнутость; скорее это замкнутость внутренняя, отсутствие свободных связей, их насыщенность (например насыщение валентных сил в молекуле). Такой замкнутости нет для внешних связей, где система функционирует как целое (как элемент структуры высшего порядка), и при возникновении связи определяющими являются ее интегральные характеристики.

Целое же по отношению к частям указанного рода самостоятельностью не обладает. Удаление из целого части и замещение ее нетождественной приводит к потере прежнего способа функционирования целого. Удаление части нарушает целое, но не часть; удаление элемента из структуры не нарушает (в определенных пределах) структуры, но элемент, вырванное из этой связи, станет чем-то другим.

Относительная самостоятельность структуры по отношению к элементам может проявляться и в других аспектах. Одним из них является временное сохранение старой структуры в качественно новом состоянии. По-видимому, возможны случаи, когда количественные изменения превышают меру и возникает качественно новое «промежуточное» состояние (притом такого рода качество, которому соответствует новая структура), но на огра-

ниченном этапе старая структура, хотя она крайне нестабильна, все же еще сохраняется. Примером могут быть переохлажденные и перегретые состояния жидкости, эффект Оже в атомной спектроскопии, явление предиссоциации молекул и т. д. Подобные случаи наблюдаются и в общественных явлениях в период социальной революции.

На интересное проявление самостоятельности структуры указывает И. В. Кузнецов.¹¹ Речь идет о повторяемости структуры в звеньях цепи причинности, о передаче структуры от причины к следствию, т. е. о сохранении упорядочивающего их отношения. Эта проблема остро нуждается в более глубокой теоретической разработке, так как имеет большое значение для понимания фундаментальных, философских принципов действия систем кодирования, передачи и декодирования информации и обеспечения помехоустойчивости этих систем.

С другой стороны, структура не существует как независимое от элементов организующее начало, а сама определяется элементами таким образом, чтобы она более полно соответствовала наибольшему количеству главных элементов. Некоторая совокупность элементов, взятых абстрактно как части, не могут сочетаться произвольным образом. При соединении «элементарных» частиц, например, нейтроны не могут иметь связанных состояний между собой вне ядра. Число стабильных изотопов, как известно, тоже довольно ограничено. Сама структура объекта определяется с одной стороны свойствами элементов, вступающих до ее возникновения в качестве частей, а с другой стороны — внешними условиями, действующими через внутренние свойства. Это положение может быть хорошо проиллюстрировано на примере возникновения атома из ядра и электронов. Определяющим элементом здесь является ядро (его заряд). Возникновение электронных оболочек регулируется принципом Паули, выражающим закономерность взаимодействия частиц с полуцелым спином. От внешних же условий (от наличия электрического и магнитного поля) зависит, будут ли все различные квантовые состояния и энергетически различными или часть их будет вырожденными состояниями. Ярким примером зависимости структуры от внешних условий являются полиморфные переходы в кристаллических телах в результате изменения температуры, давления и т. д.

Здесь уместно сделать одно важное замечание. Известно, что энергия является некоторой универсальной характеристикой материальных систем; всем материальным процессам всегда сопутствует передача энергии. Феноменологическая физика часто рассматривает процессы только с энергетической точки зрения (то, что могут применяться и другие термодинамические функ-

¹¹ И. В. Кузнецов, ук. соч., стр. 62—73.

ции состояния, здесь не существенно), отвлекаясь от изучения конкретного, «структурного» механизма явления. Это во многих случаях дает результаты, которые являются исчерпывающими с точки зрения практики данной эпохи. Но такой подход толкает на путь абсолютизации указанного метода; примером может быть энергетизм Оствальда. Недостаточность чисто «энергетического» рассмотрения, например, биологических систем сейчас ясна всем. Но при рассмотрении явлений мира атомов и молекул то и дело возникают попытки рассматривать все процессы чисто энергетически. Конечно, нельзя возражать против этого практического приема вообще. Но нельзя возводить этот метод в ранг философского принципа. На наш взгляд, в этом вопросе ошибается Н. Т. Абрамова, полагая, что «в конечном счете зависимость частей в молекуле определяется изменением энергетических соотношений».¹¹ По-видимому, учет только энергетических соотношений не дает исчерпывающего знания об указанном процессе. То же самое можно сказать о таких явлениях, как фазовые переходы II рода, преддиссоциация и т. д. Энергетическая возможность преддиссоциации еще недостаточное условие ее осуществления, так как необходимо еще нахождение атомов в определенной фазе движения.¹² Многоатомная молекула может быть стабильной, имея колебательную энергию, превышающую ее энергию диссоциации. Даже сравнительно элементарные процессы не сводятся к энергетическим; необходимы дополнительные соображения, учитывающие структуру, детальный механизм явления (например, принцип Франка-Кондона в молекулярной спектроскопии).

Предметы и процессы характеризуются многопорядковостью их структуры. Один и тот же «элемент» входит сразу во множество структур, находящихся в отношении субординации, но он входит туда качественно различным образом. (Например ряд нуклон — ядро — атом — молекула — клетка — орган — организм). Если объект рассматривается как элемент структурной системы, то он берется как простое, т. е. в данной связи отвлекаются от его собственной внутренней структуры. Такое отвлечение не есть субъективный акт неучета деталей явления, а имеет объективную основу в относительной независимости структуры более высшего порядка от структур низшего порядка. И наоборот, на собственной структуре элемента его вхождение в структуру более высокого порядка сказывается незначительно. Другими словами, в иерархии структур их взаимовлияние быстро убывает и значительным образом сказывается лишь в пределах одного порядка. Атом «не чувствует» того, входит ли он в состав нейрона или камня. Мы не полагаем, что влия-

¹¹ Н. Т. Абрамова, О соотношении части и целого в строении материи, Вопросы философии, № 2, 1962, стр. 47.

¹² В. Н. Кондратьев, Структура атомов и молекул, Москва, 1959, стр. 400.

ние на расстояние в несколько порядков структур абсолютно отсутствует, но оно мало. Известны лишь немногочисленные примеры воздействия структуры второго порядка на элемент первого порядка (например, незначительная зависимость константы радиоактивного распада от структуры молекул, в которую входят атомы радиоактивного элемента). Система высшего порядка выступает как качественно новый тип организации относительно неизменных элементов — структур низшего порядка; высшее не сводится к низшему. Развитие сложного объекта происходит на каждом качественно различном уровне как усложнение структуры при относительной неизменчивости элементов-подструктур.

Но кроме указанной субординации между структурами различного порядка может существовать и отношение координации, в силу чего существуют процессы, охватывающие качественно различные структуры разного порядка. Так, например, современная геронтология рассматривает процесс старения человека, как происходящий на молекулярном уровне, уровне тканей, органов и организма в целом, причем эти процессы выступают как связанные «на один шаг» вверх и вниз, но не сводимые к одному из них.

Что касается зависимости элементов от «своей» структуры, т. е. зависимости в пределах одной ступени, то она хорошо изучена во многих явлениях. Количественная сторона этой связи может быть самой различной. Слабосвязанные элементы нетрудно идентифицировать со соответствующими «свободными» частями. В сильно связанных структурах части могут быть выделены лишь в абстракции, как некоторые моменты сложного процесса; попытка их актуальной изоляции либо дает части, которые имеют мало общего с соответствующими элементами (расчленение реального процесса мышления или познания), либо вообще не дает результата типа расчленения. Последнее относится к «элементарным» частицам, структура которых в настоящее время успешно изучается. Различными авторами (Саката, Гелл-Манн, Нишиджима, Гольдгабер) предложены структурные схемы «элементарных частиц с различными наборами «истинных», фундаментальных частиц, удовлетворяющие соответствующим законам сохранения. Но это не означает, что «элементарные» частицы разлагаются на эти «части».¹³

Следует отметить, что в различных внешних связях структура одной и той же системы может проявлять противоположные свойства. Например, для объяснения одних экспериментов необходимо предполагать, что нуклоны в ядре в результате сильной

¹³ Более детально эта проблема рассмотрена в нашей статье «О познавательной функции модельных представлений в современной физике», Вестник ЛГУ, 1961, № 5, стр. 74—84.

связи полностью теряют свою индивидуальность (капельная модель). В других же экспериментах ядро ведет себя как система индивидуализированных нуклонов (модели независимых частиц).

*

*

*

При исследовании любого явления, будь то движение плазмы в термоядерной установке или экономика определенной общественной формации, возникает проблема устойчивости его структуры. Для случая более простых форм движения материи существует хорошо разработанная математическая теория устойчивости. К. Маркс раскрыл причины неустойчивости капиталистического общественного строя и наметил основные черты самой устойчивой общественно-экономической формации — коммунистической. Причина ее устойчивости состоит в том, что в коммунистическом обществе нет таких группировок, интересы и стремления которых, в силу их различного отношения к средствам производства, были бы взаимоисключающими. Но в этой формации возможны такие изменения, которые приводят ее структуру в соответствие с изменяющимися и вновь возникающими элементами.

Устойчивость структуры вообще не означает ее абсолютной неизменчивости, окостенелости. Наоборот, устойчивость выступает как производный подчиненный момент в движении, она всегда есть устойчивость определенного состояния движения. В электродинамике, например, известный тезис диалектического материализма об абсолютности движения и относительности покоя выступает в конкретном виде в известной теореме Ирншоу. Эта теорема утверждает, что устойчивая статистическая конфигурация электрических зарядов невозможна, так как потенциальная энергия такой системы не обладает минимумом.¹⁴ Эта теорема доказывает неадекватность модели атома, предложенной Дж. Дж. Томсоном («пуддинг с изюмом») и покоящейся на метафизическом представлении об инертности, внутренней неподвижности атома.

Какой смысл следует вкладывать в понятие «динамическая структура»? Учитывая только что сказанное, целесообразно будет называть динамической такую структуру, элементы которой все время возобновляются и заменяются, сохраняя при этом данную упорядоченность, (замена клеток в организме, поколений в обществе; динамическое равновесие в многофазной термодинамической системе и т. д.).

Стабильность любой структуры покоится на относительном

¹⁴ См. И. Е. Тамм, Основы теории электричества, Москва, 1957, 7-ое изд., стр. 97.

динамическом равновесии ее противоположных внутренних сил и тенденций. Внешнее возмущение такой устойчивой системы приводит к временному перевесу одной из тенденций. Если это возмущение не превышает предела устойчивости структуры, то в системе возникают колебания, которые затухают либо периодически, либо аperiodически в зависимости от свойств конкретной системы и его окружения.

Такого типа колебательное равновесие характеризует самый широкий класс объектов от атомов и молекул до космических объектов и их систем. Стабильность молекулы, как известно, именно такого рода; она обеспечивается различной зависимостью от расстояния сил притяжения и отталкивания атомов (возникает так называемая потенциальная яма.¹⁵). Устойчивость колебательного типа свойственна всем системам с обратной связью, в том числе и биологическим.¹⁶ В звездах противоположными тенденциями являются давление излучения и газа, с одной стороны, а гравитационные силы — с другой стороны. И в звездах наблюдается равновесие колебательного типа — стоит лишь указать на цефеиды.

Устойчивость структуры по отношению к внешнему воздействию определяется соотношением интенсивности связи (мерой которой является в физике энергия связи) и указанного воздействия в пределах структуры. Что касается пространственных пределов физической системы, то они определяются равновесием воздействия (гравитационного, электромагнитного и т. д.) этой системы и ее окружения на гипотетическое «пробное тело». Совершенно ясно, что определенные таким образом границы относительны, так как они зависят не только от исследуемой системы, но и от окружающих объектов, т. е. от конкретной структуры системы высшего порядка, в которую исследуемая входит в качестве элемента. Точно так же относительна устойчивость системы. Система спутников Юпитера стабильна, но на месте Земли она была бы уже нестабильной: наиболее удаленные спутники захватывались бы Солнцем. Указанная относительность пространственного предела системы, конечно, не является каким-то недостатком в определении этого понятия. Наоборот, такое определение как раз глубоко отражает действительность, рассматривая систему не абстрактно-изолированно, а в ее конкретной связи.

Интересная проблематика связана со структурой элементарных частиц. Даже воздействие с энергией, намного превышающей собственную энергию ($E = mc^2$) частицы, не приводит к ее расщеплению, а лишь к возникновению качественно новых ча-

¹⁵ Как мы уже показали, энергетические соотношения не всегда являются единственно определяющими с точки зрения устойчивости структуры даже сравнительно простых физических объектов.

¹⁶ Процессы регулирования в биологии, ИЛ, Москва, 1960.

стиц. Целостность их структуры имеет существенно иной характер по сравнению с другими известными нам объектами.

Но структура подвергается не только внешним по отношению к ней воздействиям. Определяющими являются внутренние тенденции к разрушению и перестройке структуры системы в результате изменений, вызванных борьбой противоречивых внутренних тенденций. Примером может служить распад ядер атомов радиоактивных элементов, возникновение «новых» и «сверхновых» звезд, замена общественно-экономических формаций и т. д.

*

*

*

Очень своеобразным является соотношение структуры и элементов нелинейных систем. Рассмотрение их характерных черт важно потому, что таковыми являются большинство систем; лишь приближенно они могут рассматриваться как линейные. При изменении одного элемента нелинейной структуры другие изменяются не пропорционально, а по более сложному закону. Характер этого изменения может зависеть от состояний, пройденных системой в прошлом. Такие системы описываются нелинейными уравнениями, решения которых не подчиняются принципу суперпозиции. Аналитическое изучение подобных систем затрудняется потому, что характеризующие их величины не аддитивны. Особое значение для исследования нелинейных систем имеют методы моделирования (математические и физические).

Нелинейность сложных (например, биологических) систем ясна. Но нелинейность, по-видимому, является общей структурной закономерностью действительности, а линейные системы суть редкие частные случаи. В современной физике, которая более глубоко раскрывает закономерности движения и строения систем, нелинейные теории играют все большую роль. Классическая физика почти везде удовлетворялась «линейным приближением» в описании материальных объектов, что было возможно в силу того, что нелинейные эффекты (рассеяние света светом и т. п.) с количественной стороны являются часто второстепенными. Но это не значит, что ими можно пренебречь всегда и везде. Наоборот, нам кажется, что в учете «коренной нелинейности» структурной организации материи есть ключ к более глубокому пониманию движения материи как самодвижения. Именно в силу нелинейности структурной организации материи она не есть инертная субстанция, а абсолютное первоначало, обладающее внутренней активностью. Незнание этого важного момента привело на определенном этапе развития физики (в период классической физики) к метафизике и идеализму. Почему Ньютону надо было постулировать божествен-

ный «первотолчок»? Потому, что в механике Ньютона источник движения является чем-то внешним по отношению к движущимся телам. Уравнения движения и уравнения поля в этой теории выступают как независимые.

Иначе обстоит дело в общей теории относительности, которая является нелинейной и тем самым глубже и полнее отражает действительность, чем линейная ньютоновская теория. Движение здесь выступает как абсолютно неотъемлемый атрибут материи, а источником движения выступают сами физические тела. Необходимая причина движения материи с точки зрения общей теории относительности все время воссоздается самим движением. Движение тел приводит к изменению структуры гравитационного поля, это в свою очередь «заставляет» двигаться тела и т. д. Словом, движение здесь выступает как бесконечный ряд разрешающихся и возникающих противоречий. Движение и поле как источник движения здесь выступают как теснейшим образом взаимосвязанные, что отражается в возможности выведения уравнений движений из уравнений поля (Эйнштейн, Громмер, Фок).

В настоящее время также ясно, что в мире элементарных частиц нелинейные процессы (самодействие и т. д.) играют решающую роль. Единая спинорная теория материи, разрабатываемая школой Гейзенберга, а также другие попытки построения подобной теории (Вижье и др.) учитывают этот факт явным образом. С мировоззренческой точки зрения важным является то, что современная физика раскрывает внутреннюю активность, заложенную в самом «фундаменте» материи, и доказывает, что движение материи не нуждается ни в первотолчке, ни в каком-то внешнем формирующем принципе. Это значит, что идеализм терпит полный крах в свете современной физики. Привела же к идеализму метафизическая абсолютизация приближенного, неточного отражения действительности, которое выражалось в «линеаризации» нелинейных систем и применении соответствующего этому аддитивного способа мышления. Системы являются на самом деле нелинейными, а тем самым — внутренне противоречивыми, самодвижущимися.

С исследованием структуры и особенностей нелинейных систем связана интересная гносеологическая проблематика, до сих пор еще мало разработанная. Рассмотрим вопрос о соотношении причины и следствия в процессах, происходящих в таких сложных системах.

Во многих случаях для получения определенного следствия (результата), например, некоторого конечного состояния, необходимо наличие нескольких факторов (т. е. состояние системы существенно зависит от нескольких параметров таким образом, что воздействие или отсутствие одного из них не может быть

скомпенсировано никаким изменением других). В подобных случаях ни один из указанных факторов не превалирует над другими по своему значению в данном процессе. Поэтому эти факторы не подразделяются на причину и условия, а должны рассматриваться как компонентные причины одного следствия (эффекта). Следствие в этом случае не может быть разложено по компонентным причинам, оно не аддитивно.¹⁷ Другими словами, компонентным причинам не могут быть сопоставлены соответствующие им компоненты следствия, потому что сумма воздействий этих компонентных причин, «пущенных в ход», не комплексно, а порознь, не равна следствию, которое получается при их совместном действии.

Такого рода неаддитивность — существенно нелинейный эффект, и при этом чрезвычайно распространенный. Приведем только один пример: результат, который получается при применении комплекса методов лечения и комбинирования разных лекарств, вовсе не равен тому, что получается при применении их порознь, один за другим. Структура подобных систем несомнима, т. е. исследование его не может быть осуществлено исследованием его изолированных элементов, без учета их конкретной связи. Правда, в определенном отношении некоторые из этих связей могут быть несущественными, и тем самым аналитический аддитивный метод изучения может дать значительные результаты. Но если, опираясь на эти результаты, этот метод абсолютизируется, то это неизбежно приводит к метафизике и идеализму.* Детальный анализ такого случая дан В. Хюккелем.¹⁸ Попытка механически применить при изучении нелинейных систем миллевы методы индукции, рассматриваемые как рецепты отыскания причинных связей, приводит к бессмыслице. Интересное обсуждение подобных случаев дано в книге А. Сент-Дьердьи.¹⁹

Исследование сложных систем таким образом, что некоторые связи приближенно рассматриваются как линейные, предполагает, чтобы исследователь отдавал себе отчет в ограниченности этого метода и постоянно учитывал это. Необходимо иметь в виду, что те количественные характеристики, которые являются относительно исчерпывающими в рассмотрении линейной системы, в случае нелинейной системы таковыми не будут.²⁰ При выделении главных, определяющих внутренних связей в нелиней-

¹⁷ См. И. В. Кузнецов, ук. соч., стр. 97.

* Следует отметить, что этому часто сопутствует недialeктическое понимание практики как критерия истины, а именно неучет его относительности.

¹⁸ В. Хюккель, Химическая связь, ИЛ, Москва, 1960, стр. 28—38.

¹⁹ А. Сент-Дьердьи, Биоэнергетика, Физматгиз, М., 1960, стр. 21—24 и 121—125.

²⁰ Н. Винер, Нелинейные задачи в теории случайных процессов, ИЛ, Москва, 1961, стр. 117.

ных системах имеет большое значение метод факторного анализа, область применения которого все время расширяется.²¹

В развитии материалистической диалектики наряду с разработкой «старых» категорий происходит и выделение новых. Этим обогащается логический аппарат марксистской философии, создается возможность более адекватного отражения действительности. Разрабатываемые в настоящее время категории «структура» и «элементы» являются существенными новыми «ступеньками» в системе категорий диалектики.

²¹ Prinzip und Methode der multiplen Faktorenanalyse, Biometrische Zeitschrift, 1959, 1, Heft 2, S. 88.

МЫСЛЕННЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

Л. О. Вальт

В теоретическом естествознании построение мысленных моделей исследуемых объектов и мысленное, умственное экспериментирование с этими моделями является распространенным познавательным приемом. Но этот прием еще мало исследовался в свете теории познания диалектического материализма. В интересной статье А. П. Чернова¹ главное внимание обращается на анализ мысленного эксперимента как дидактического приема. Мы согласны с тем, что в умственном эксперименте «человек в уме оперирует пространственными образами, мысленно ставит тот или иной объект в различные положения и мысленно подбирает такие... ситуации, в которых, как и в обычном опыте, должны проявиться наиболее важные или почему-либо интересные особенности данного предмета или явления».²

Мы не можем согласиться с недооценкой мысленного эксперимента, имеющейся в книге П. Е. Сивоконь.³ Безусловно, он прав в том, что научная теория не может быть построена на одних только мысленных экспериментах, что отрыв этого познавательного приема от реального эксперимента и теории в целом приводит в конечном счете к идеализму. Но П. Е. Сивоконь не делает и попытки анализа положительного содержания мысленного эксперимента. Он допускает и фактическую ошибку, считая, что мысленные эксперименты практикуются в науке со времен Галилея. На самом деле мы найдем их уже у древних мыслителей.⁴

Представляется неправильным сведение мысленного эксперимента к обдумыванию планируемого реального эксперимента,

¹ А. П. Чернов, К вопросу об умственном экспериментировании. Уч. зап. Горьковского пед. ин-та иностр. языков, 1961, вып. XVII, стр. 123—143.

² Там же, стр. 123.

³ П. Е. Сивоконь, О происхождении и философском значении естественно-научного эксперимента, М., изд. МГУ, 1962, стр. 91—94.

⁴ См., например, О. Зих, Логические и методологические аспекты эксперимента, в сборнике «Мировоззренческие и методологические проблемы научной абстракции», ИЛ, М., 1960, стр. 330.

как полагает немецкий марксист Х. Корх.⁵ Мысленный эксперимент является относительно самостоятельной познавательной операцией. Если обдумывается и планируется реальный эксперимент, то исследователь строит свои калкуляции, исходя из наличной ситуации, стараясь охватить ее наиболее полным образом. Результаты такого рассуждения проверяются проведением самого реального эксперимента. В случае же мысленного эксперимента, как прибор, так и «экспериментальная» ситуация являются преднамеренно «искаженными», идеализированными и полученные выводы проверяются опосредованно, в ходе восхождения к конкретному. Мысленный эксперимент отличается от дискурсивного мышления, чисто логического умозаключения тем, что он протекает в одних только понятиях. Тут в познавательном процессе участвует конкретный чувственный образ — модель, идеальный объект (абсолютно твердое тело, идеальные газы и жидкости, адиабатические покрытия, абсолютно черное тело и т. д.).

С психологической точки зрения этот образ — общее представление. Но это не значит, что оно возникает в результате обобщения на ступени чувственного познания. Идеальному объекту свойственна наглядность, что является одной из черт, отличающих его от понятия. Но эта наглядность — не «природная» наглядность представления о чувственно воспринимаемом объекте, а «вторичная» наглядность, результат возвращения в сферу чувственной стороны содержания абстрактного мышления.⁶ Для мысленного эксперимента, совершаемого над идеальным объектом, характерно тесное взаимодействие мышления и воображения.⁷

Исходным пунктом в образовании идеального объекта-модели для мысленного эксперимента являются реальные объекты.⁸ В результате логической операции некоторые количественные характеристики объектов доводятся мысленно до крайних логически возможных значений, которые в действительности могут

⁵ H. Korch, Zur Kritik des physikalischen Idealismus C. F. v. Weizsöckers, Berlin, 1959, S. 244—245.

⁶ Детальнее эта проблема рассмотрена в нашей статье «О познавательной функции модельных представлений в современной физике». Вестник ЛГУ, 1961, № 5, стр. 75.

⁷ Даже в решении самых отвлеченных проблем мы часто успешно пользуемся «поддержкой» чувственных, модельных элементов. В последнее время это подчеркивается многими исследователями-психологами (С. Л. Рубинштейн, Б. Г. Ананьев, Я. А. Пономарев, Ж. Пиаже), а также математиками (С. А. Яновская, см. сборник «Применения логики в науке и технике», М., 1960, стр. 14), но возможности такой наглядной схематизации все же ограничены. Можно представить «идеальный газ», но, по-видимому, нельзя связать чувственного образа с понятием «энтропия» или «тензор». Из математиков только Ф. Клейн и Г. Рейхенбах заявили, что могут наглядно представлять четырехмерное пространство.

⁸ См. Д. П. Горский, Вопросы абстракции и образование понятий, М., 1961, гл. VIII.

быть достигнуты лишь более или менее приближенно (абсолютно черное тело имеет коэффициент поглощения 1, абсолютное зеркало же обладает таким же коэффициентом отражения. На практике и то, и другое строго неосуществимы, но они осуществимы приближенно). В результате идеализации та или другая сторона исследуемого явления выступает перед умственным взором в чистом виде. Это было очень глубоко понято и подчеркнуто уже Энгельсом. Характеризуя работы Карно по термодинамике, Энгельс писал: «Он изучил паровую машину, проанализировал ее, нашел, что в ней основной процесс не выступает в чистом виде, а заслонен всякого рода побочными процессами, устранил эти безразличные для главного процесса побочные обстоятельства и конструировал идеальную паровую машину (или газовую машину), которую, правда, так же нельзя осуществить, как нельзя, например, осуществить геометрическую линию или геометрическую плоскость, но которая оказывает, по-своему, такие же услуги, как эти математические абстракции: она представляет рассматриваемый процесс в чистом, независимом, неискаженном виде».⁹ Карно пользовался мысленной моделью тепловой машины, которая включила в качестве компонентов ряд идеальных объектов: идеальный газ, адиабатические оболочки и т. д., а также идеальный, квазистатический процесс. Математическая формулировка проделанного над ними мысленного эксперимента привела к установлению верхнего предела КПД любой тепловой машины. Оказалось также, что выводы, полученные для идеальной машины, на самом деле относятся к машинам с любой конструкцией и с любым работающим веществом, если лишь цикл их работы обратим (теорема Карно). Но в получении этого вывода большую роль играла удачно выбранная исходная идеализация.

В основе построения идеального объекта лежит так называемая абстракция потенциальной осуществимости, т. е. отвлечение от наших реальных конструктивных возможностей. Этот вид абстракции обычно рассматривается как специфический для математики, причем лимитизация конструктивных возможностей связывалось с пространственно-временной ограниченностью нашей жизни, ставящей предел выполнению определенных алгоритмически заданных операций.¹⁰ Но нам кажется, что фактически этой же абстракцией оперирует и физик при построении идеальных объектов. Абстракция потенциальной осуществимости — это и абстракция, находящая свое применение в физике. (Только само слово «конструктивное» приобретает здесь более непосредственный, «технический» оттенок.)

⁹ Ф. Энгельс, *Диалектика природы*, 1955, стр. 181—182.

¹⁰ См. А. А. Марков, *Теория алгоритмов*. Труды математического института АН СССР, т. 42, М., 1954.

Мысленные эксперименты имели и имеют в физике громадное эвристическое значение. Ни в коем случае нельзя сводить их роль к одной лишь иллюстративности, что попытался сделать в свое время Дюэм в своей известной книге «Физическая теория, ее цель и структура». Стоит напомнить хоть бы о мысленных экспериментах, связанных с проблемой «демона Максвелла». Эти мысленные эксперименты вели к фундаментальной идее связи энтропии с информацией и фактически послужили основой разработки одного из самых плодотворных направлений современной науки — теории информации. Мы имеем в виду работу Силарда,¹¹ где эта проблема возникла впервые. Его рассуждения основываются на типическом мысленном эксперименте над воображаемой моделью.

Мысленный эксперимент — многогранный прием, раскрытие всех его аспектов — тема крупного исследования. В частности, он может выступать как конкретный метод восхождения от абстрактного к конкретному. Исходным пунктом такого восхождения, как известно, служит наиболее абстрактная категория или закономерность;¹² но эта — и самая непосредственная, относящая к действительности без всякого промежуточного звена. Это всеобщее содержит в себе имплицитно все те противоречия, которые определяют развитие исследуемых конкретных процессов. Как раз это дает возможность теоретически воспроизводить противоречия, возникающие на различных этапах изменения соответствующих реальных систем.

Первым этапом восхождения является изучение общего в некоторой конкретной взаимосвязи, соотнесение абстрактного с «обстановкой», взятой в идеализированной, «модельной» форме. В физике это происходит обычно в форме требования инвариантности определенных величин или вообще в форме наложения некоторых условий, сужающих класс абстрактно-возможных событий. Путем синтеза абстрактного строится новое конкретное знание. В случае, если тут применяется мысленный эксперимент, может быть получено такое значение, которое не получается из данных абстрактных посылок путем силлогистического вывода. Так, исходя из второго начала термодинамики и совершая мысленный эксперимент над идеализированным прибором, можно сделать вывод о том, что свет оказывает давление на поверхность, с которой он отражается или на которой поглощается.¹³ Такой переход от абстрактного к конкретному не есть чисто

¹¹ L. Szilard, Ueber die Entropieverminderung in einem thermodynamischen System bei Eingriffen intelligenter Wesen. Zsch. f. Physik, Bd. 53, 1929, S. 840. См. тоже: Л. Бриллюэн, Наука и теория информации, М., 1960, стр. 213—241; J. Zeman, L'information, l'entropie et le temps dans la théorie de la connaissance, 2e Congrès international de cybernétique, Namur, 1958, p. 138—152.

¹² М. Н. Алексеев, Дialeктика форм мышления, М., 1959, стр. 7—92.

¹³ См., например, В. Е. Микрюков, Курс термодинамики, М., 1955, стр. 130—131.

дедуктивный процесс, конкретное знание не относится чисто экстенционально к абстрактным посылкам. Конкретизация путем синтеза абстрактного в методе восхождения предполагает дополнительные содержательные предположения о характере взаимосвязи тех свойств объектов, которые отражаются в исходных определениях, например предположение об их независимости, которое приводит к аддитивному сложению отдельных действий. Модель же является в процессе синтеза некоторым каркасом, внелогическим элементом, необходимым лишь в выведении конкретного знания. (Ее роль можно сравнивать с ролью строительных лесов.) Само восхождение к конкретному — процесс многоступенчатый, причем на каждой ступени включаются в рассмотрение все новые факторы, от которых абстрагировались на ранних этапах исследования данного сложного явления. Поскольку мысленный эксперимент не есть форма практики, а специальный метод теоретического анализа, то знания, полученные этим путем, подлежат проверке на практике.

Роль мысленного эксперимента в познании может быть раскрыто только исходя из диалектического материализма, из ленинской теории отражения. Махисты, как известно, сводят мысленный эксперимент к принципу «экономии мышления», и тем самым закрывают себе путь к всякому содержательному анализу проблемы. Сам Мах не идет в своей специальной статье¹⁴ дальше простой констатации того, что с представлениями мы можем оперировать легче и удобнее, чем физическими объектами. Крайний субъективизм характерен для фикционалистов, которые, от Файхингера до Ньюмана, утверждают, что модели и мысленные эксперименты — фикции, которые применимы независимо от степени искажения ими действительности, а об истинности их нельзя ставить и вопроса. Даже крупные физики, стихийные материалисты не могут понять, почему заведомо «искаженная» форма познания дает возможность глубже понимать действительность. Планк, например, удивлен тем, что «воображаемые опыты, которые в действительности не проходят так, все же приводят к правильным результатам».¹⁵ Такого же рода высказываний мы встречаем в работах Эйнштейна.¹⁶ С точки зрения диалектического материализма соответствие мысленных моделей и экспериментов действительности вполне понятно, так как модель — это приближенное отражение действительности (а не произвольная конструкция ума), мысленный эксперимент же есть такая умственная операция над ней, которая отражает реальный процесс, происходящий в самой природе по ее законам.

¹⁴ E. Mach, *Über Gedankenexperimente. Erkenntnis und Irrtum*, Leipzig, 1906, S. 183—200.

¹⁵ М. Планк, *Физические очерки*, М., 1925, стр. 5—32.

¹⁶ A. Einstein, *On the Method of Theoretical Physics*, Oxford, 1933, p. 3; *Mein Weltbild*, Zürich, 1953, S. 168—169.

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ НАРОДНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Р. Н. Блюм

Бурную эпоху ломки старых социально-экономических и политических отношений переживает человечество в настоящее время. «Социалистические революции, национально-освободительные антиимпериалистические революции, народные демократические революции, широкие крестьянские движения, борьба народных масс за свержение фашистских и иных тиранических режимов, общедемократические движения против национального гнета — все это сливается в единый мировой революционный процесс, подрывающий и разрушающий капитализм», — отмечается в Программе партии.¹ Вопрос о характере и специфических особенностях этих различных революционных движений несомненно имеет большой теоретический и практический интерес и неслучайно привлекает внимание исследователей.

Важное место в революционном движении после второй мировой войны занимают народно-демократические революции, произошедшие в ряде стран Восточной Европы и Азии. Следует подчеркнуть актуальное значение разработки вопроса о характере и особенностях народно-демократической революции.² Ведь положение, аналогичное обстановке, в которой разворачивались народно-демократические революции в европейских странах, может сложиться при известных обстоятельствах и в некоторых среднеразвитых капиталистических странах.

Проблема характера народно-демократической революции рассматривалась многими авторами. Нужно указать на содержательную работу чешских философов И. Гоушка и К. Кара «Характер народно-демократической революции» (М., 1958). Это, пожалуй, наиболее обстоятельная монография, исследующая с философско-социологических позиций сущность народно-демократической революции и особенности ее перерастания в ре-

¹ XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. III, М., 1962, стр. 256.

² Это обстоятельство отмечалось в статьях В. М. Хвостова и И. И. Удалцова в журнале «Новая и новейшая история», 1962, № 3.

волюцию социалистическую в европейских странах народной демократии. В советской печати с анализом характера народно-демократической революции выступали А. И. Соболев, Ф. Т. Константинов, П. К. Фигурнов, Ф. Д. Кретов, И. Т. Виноградов, А. М. Ковалев³ и ряд других авторов. Интересные соображения высказывались в некоторых книгах и статьях, анализирующих развитие народно-демократической революции в отдельных странах.⁴ Кроме того, философско-социологический аспект революции в странах народной демократии рассматривается в ряде диссертаций.⁵

В настоящей статье делается попытка охарактеризовать имеющиеся в марксистской литературе точки зрения на характер народно-демократической революции и вместе с тем выдвинуть дополнительные аргументы в пользу того взгляда, который кажется автору истинным.

По вопросу о характере первого этапа революции в европейских странах народной демократии и одновременно о характере народно-демократической революции высказываются следующие основные точки зрения:⁶

1. Народно-демократическая революция — это совершенно

³ Сборник статей «О народной демократии в странах Европы», М., 1956 (статьи А. И. Соболева и Ф. Т. Константинова); А. И. Соболев, Что такое народная демократия? М., 1957; Ф. Т. Константинов, Возникновение и развитие строя народной демократии в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. «СССР и страны народной демократии», М., 1957; П. К. Фигурнов, О двух этапах развития народно-демократического строя в европейских странах народной демократии. «Вопросы философии», 1954, № 4; Ф. Д. Кретов, К вопросу о всеобщих закономерностях завоевания власти рабочим классом. «Общие закономерности перехода к социализму и особенности их проявления в разных странах», М., 1960; И. Т. Виноградов, Строительство социализма в европейских странах народной демократии, «Вопросы истории КПСС», 1957, № 3. А. М. Ковалев, К вопросу о характере народно-демократической революции. «Вестник МТУ». Серия VIII. Экономика. Философия, 1961, № 4.

⁴ Иван Быстржина, Народная демократия в Чехословакии, М., 1961; Т. Д. Павлов, К вопросу о характере болгарской народно-демократической революции, «Вопросы философии», 1956, № 6; Г. П. Пушев, О возникновении народной демократии в Чехословакии, «Вопросы философии», 1958, № 9; В. Н. Ненов, О характере народно-демократической революции в Болгарии, «Общие закономерности перехода к социализму и особенности их проявления в разных странах», М., 1960; Szabó Bálint, A felszabadulás utáni formadalmi átalakulás jellege és szakaszai hazánkban. «Párttörténeti közlemények», 1960, 1—2 sz.

⁵ А. П. Бутенко, Особенности перерастания демократической революции в социалистическую на втором этапе общего кризиса капитализма, М., 1953; Т. М. Анбиндер, Перерастание демократической революции в социалистическую в европейских странах народной демократии, М., 1954; Ко Ен-сен, Народно-демократическая революция как революция нового типа, М., 1956.

⁶ И. И. Удальцов говорит о существовании в нашей литературе трех точек зрения. Первую из названных здесь он не упоминает. Кроме того, существуют, на наш взгляд, известные неточности в определении позиций отдельных авторов (например, А. И. Соболева, А. И. Пушкина и Л. Н. Нежинского). «Новая и новейшая история», 1962, № 3, стр. 17—18.

новая революция — не буржуазно-демократическая и не социалистическая, ее можно назвать общедемократической революцией.

2. Буржуазно-демократическая (общедемократическая) революция в европейских странах народной демократии закончилась либо сразу после перехода власти в руки народа (после освобождения стран от немецко-фашистской оккупации), либо после завершения в основном борьбы против феодальных пережитков и фашизма (т. е. в 1945 г.), а затем следует говорить об этапе или полосе перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Этот этап может быть охарактеризован как социалистическая революция.

3. Народно-демократическая революция — это одна из форм социалистической революции, разрешающая с самого начала противоречие между трудом и капиталом.

4. Народно-демократическая революция — это своеобразная форма буржуазно-демократической революции, значительно отличающаяся от буржуазно-демократических революций старого типа. Установление диктатуры пролетариата знаменует завершение процесса перерастания народно-демократической революции в социалистическую. Эта точка зрения разделяется и нами.

Проанализируем указанные точки зрения. Вначале вынесем, так сказать, за скобки те положения, с которыми согласны все авторы, стоящие на марксистских позициях. К ним относятся: признание народно-демократической революции как антифашистской и антиимпериалистической (по крайней мере на первом этапе ее развития), оценка ее исторического значения, как преобразования, подготавливающего широкое социалистическое строительство, гегемония пролетариата и руководство коммунистических партий с самого начала революций, наличие особой формы государственной власти — народной демократии, специфическая роль внешних факторов и некоторые другие.

1. При обосновании первой точки зрения подчеркиваются антиимпериалистические, антифашистские задачи народно-демократической революции, указывается на то, что она выходит за рамки буржуазного строя, вторгается в отношения капиталистической собственности, ведет не к буржуазной демократии, а к народной демократии. Все это, несомненно, верно. Именно этими особенностями народно-демократическая революция отличается от буржуазно-демократических революций домонополистического периода капитализма. Но с выводами из этих особенностей революции, которые делаются некоторыми авторами, трудно согласиться. Так, Ф. Т. Константинов пишет: «Уже эти особенности революции в странах народной демократии не позволяют считать ее даже в первое время буржуазно-демократической

революцией. С самого начала это — *новая революция*, революция особого рода, которая разворачивается в новой исторической обстановке. Это революция прежде всего антифашистская, антиимпериалистическая, антифеодальная. Одним словом, ее можно назвать в первое время революцией демократической или *общедемократической*, как называл и В. И. Ленин революционные движения подобного типа».⁷

Итак, народно-демократическая революция — это не буржуазно-демократическая, а общедемократическая революция (речь идет о первом периоде ее развития). Возникает вопрос, какое же социально-экономическое содержание вкладывается в понятие «*общедемократическая революция*»? Непременным требованием марксистского анализа революционного процесса является ответ на этот вопрос. Ведь всякая социальная революция, если это действительно *настоящая* социальная революция, по своему экономическому содержанию предполагает переход от одной формы производственных отношений к другой более высокой, по своему же социальному содержанию она есть борьба определенных классов, борьба, имеющая вполне реальные корни в области экономики. Но, как известно, никаких промежуточных производственных отношений, которые не были бы ни буржуазными, ни социалистическими, а чем-то третьим между ними, в истории до сих пор не существовало и существовать не может. На эти обстоятельства совершенно правильно указали И. Гоушка и К. Кара,⁸ а также И. Быстржина и А. М. Ковалев.

В связи с этим следует остановиться на критических замечаниях А. И. Соболева в его предисловии к русскому изданию книги И. Гоушки и К. Кара. А. И. Соболев обвиняет авторов в схематизме за то, что они отрицают возможность существования промежуточных и переходных типов революций. При этом он ссылается на примеры буржуазно-демократических револю-

⁷ СССР и страны народной демократии, М., 1957, стр. 47.

⁸ И. Гоушка и К. Кара, Характер народно-демократической революции, М., 1958, стр. 54, 236.

⁹ Иван Быстржина, Указ. соч., стр. 69—72; А. М. Ковалев, указ. статья, стр. 40. Следует отметить, что в дальнейшем изложении А. М. Ковалев вступает в противоречие с самим собою, поскольку он рассматривает народно-демократическую как незавершенную революцию, которая «не может быть поставлена в один ряд с социалистической, либо буржуазно-демократической, так как она является составной частью, фазой революционного переворота, а не самостоятельным переворотом» (стр. 45). Разве меняется суть дела от перемены названия? Ведь, в сущности говоря, перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую можно представить как фазы единого революционного процесса. Но разве это основание для отрицания однозначной характеристики социально-экономического и политического содержания этих двух революций? Да, и сам А. М. Ковалев в конце своей статьи вынужден определить народно-демократическую революцию либо как социалистическую, либо как антиимпериалистическую, антифеодальную (стр. 51—52).

ций, перерастающих в социалистическую, и на положение В. И. Ленина о невозможности «чистой» социальной революции.

Действительно, положение И. Гоушки и К. Кара о буржуазной революции как *только* разрушении феодального качества и утверждении буржуазного качества грешит известным схематизмом, и критика А. И. Соболева в этом пункте несомненно справедлива. Но разве наличие определенных своеобразных черт, выходящих за рамки буржуазных преобразований, дает нам право отказаться от строгой качественной оценки революционного процесса, от необходимости указать на основное противоречие, определяющее это качество? В. И. Ленин писал, что «чистой» социальной революции быть не может, что в каждой конкретной революции имеется переплетение различных элементов, но в то же время он требовал строгого определения характера революции: «Конечно, в конкретной исторической обстановке переплетаются элементы прошлого и будущего, смешивается та и другая дорога... Но это нисколько не мешает нам логически и исторически отделять крупные полосы развития. Ведь мы же все противопоставляем буржуазную революцию и социалистическую, мы все безусловно настаиваем на необходимости строжайшего различения их, а разве можно отрицать, что в истории отдельные, *частные* элементы того и другого переворота переплетаются?»¹⁰

В связи с указанной первой точкой зрения следует также проанализировать понятие «общедемократическая революция». В последнее время в нашей литературе стало уже почти аксиоматичным противопоставление понятий «буржуазный» и «демократический» или, по крайней мере, их резкое различие. Но это противопоставление совершенно незаконно. Ведь специфика демократических преобразований в отличие от социалистических состоит в том, что они как определенное качественное целое сохраняют основу буржуазного строя — частную собственность. В. И. Ленин указывал, что демократический переворот буржуазен,¹¹ буржуазен именно по своим экономическим основам.

Кроме того, понятие «буржуазный» вовсе не совпадает по своему объему с понятием «капиталистический». Не надо забывать, что кроме буржуазии — капиталистов — есть еще и демократическая буржуазия — крестьянство, способное на довольно решительные выступления против крупного капитала, заинтересованное в последовательных демократических преобразованиях. Вот, что писал В. И. Ленин, анализируя перспективы революции в Азии: «А в Азии есть еще буржуазия, способная представлять искреннюю, боевую, последовательную демократию, достой-

¹⁰ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 11, стр. 74.

¹¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 11, стр. 410—411.

ный товарищ великих проповедников и великих деятелей конца XVIII века во Франции. Главный представитель или главная социальная опора этой, способной еще на историческо прогрессивное дело азиатской буржуазии — крестьянин».¹²

Правильное понимание социально-экономического содержания демократических преобразований особенно важно в наши дни, когда многие лидеры национально-освободительного движения в странах, освободившихся от колониального ига, заявляют о строительстве «социализма национального типа», оценивают, происходящие в их странах, демократические изменения как социалистические. Смешивание демократических задач с социалистическими, а также попытки замаскировать буржуазный характер демократических преобразований играет отрицательную роль в развитии национально-освободительных революций, так как подобные взгляды дезориентируют народные массы, мешают им разобраться в действительной сути происходящих процессов. «Очень опасно для народа, — пишет руководитель индонезийских коммунистов тов. Айдит, — считать еще не законченную революцию уже завершенной, принимать призрачное или неполное национальное освобождение за реальное или полное. Такая ошибочная позиция ослабляет бдительность масс и их готовность к борьбе за достижение новой, более высокой ступени революции».¹³

Таким образом, все сказанное позволяет утверждать, что нет никаких оснований настаивать на существовании какого-то промежуточного типа социальной революции, находящегося между буржуазной и социалистической революциями.

2. Вторая из указанных выше точек зрения рельефно выражена в следующих словах: «С момента победы народа и установления в странах народной демократии революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, к участию в которой на первых порах в какой-то степени была привлечена и национальная буржуазия, с этого момента началось перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую. Значит, с этого момента начался этап не буржуазно-демократической революции (как все еще думают некоторые товарищи), а этап или полоса перерастания закончившейся в основном буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую».¹⁴ Такой же взгляд проводится и в сборнике статей «О народной демократии в странах Европы»,¹⁵ а также

¹² В. И. Ленин, Соч., т. 21, изд. 5, стр. 402.

¹³ «Коммунист», 1962, № 1, стр. 94.

¹⁴ Общие закономерности перехода к социализму и особенности их проявления в разных странах, М., 1960, стр. 102, (статья Ф. Д. Кретьова).

¹⁵ О народной демократии в странах Европы, стр. 50—52.

в ряде исследований, посвященных отдельным народно-демократическим странам.¹⁶

Таким образом, проводится довольно резкая грань между двумя этапами народно-демократической революции: этапом буржуазно-демократических (общедемократических) преобразований и этапом перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. При этом необходимо указать и на различия, существующие между авторами в вопросе о периодизации этих двух этапов. Ф. Д. Кретов, чье высказывание было процитировано выше, практически исключает буржуазно-демократический этап из народно-демократической революции, так как народно-демократическая революция, с его точки зрения, начинается после завершения этого этапа. В других работах завершение буржуазно-демократического этапа относят ко времени решения в основном задач антифашистской и антифеодальной революции (1944—45 гг.), т. е. рассматривают этот этап, как начальный этап народно-демократической революции.

Эта точка зрения не может ни вызвать ряда вопросов. Неужели существует такая резкая грань между двумя этапами революции? Допустим ли вообще столь недиалектический подход, отрывающий процесс завершения буржуазно-демократической революции от процесса ее перерастания в социалистическую? Наконец, неужели в эпоху империализма может быть какая-то буржуазно-демократическая революция, совершающаяся при гегемонии пролетариата (а именно таковой была народно-демократическая революция), которая бы не была в то же время революцией перерастающей? Достаточно поставить такие вопросы, чтобы ясно увидеть ошибочность подобной трактовки характера народно-демократической революции.

В первую очередь вызывает возражение разрыв между процессами завершения буржуазно-демократической революции и перерастания ее в социалистическую. Недопустимость такого разрыва становится очевидной, если мы проанализируем понятие «перерастание». Перерастание есть один из видов перехода от старого качества к новому, один из видов скачка. Можно, пожалуй, определить его как такое качественное преобразование (скачок), в котором данный процесс превращается в другой в ходе завершения своего развития. Нам уже приходилось указывать, что «специфика перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, как своеобразного проявления закона перехода количества в качество, состоит в том, что в процессе становления одного качественного состояния начинается становление другого, или, иными словами, когда еще не

¹⁶ Например, в работе Л. Н. Нежинского и А. И. Пушкинина, *Борьба венгерского народа за установление и упрочение народно-демократического строя (1944—1948)*, М., 1961, стр. 240, 286, 300. То же в ук. статье Балинта Сабо «Párttörténeti közlemények», 1960, 1—2 szám, стр. 60.

закончено оформление одного качества, (буржуазно-демократический строй) начинается создание нового высшего качества (социалистический строй)».¹⁷

Можно указать и на другой пример перерастания — перерастание социализма в коммунизм. Разве процесс постепенного перерастания социализма в коммунизм начался после завершения строительства социализма? Для каждого ясно, что нет. Вот, что по этому поводу говорил Н. С. Хрущев в докладе на XXII съезде КПСС: «Претворяя в жизнь решения XX съезда, партия уделяла большое внимание развитию и совершенствованию социалистических производственных и других общественных отношений. Наша партия видит в этом основной путь перехода к коммунистическим общественным отношениям».¹⁸

Таким образом, если речь идет о процессе перерастания, то он не может осуществиться после завершения буржуазно-демократической революции, так как в противном случае непонятным остается, что же тогда перерастает. С другой стороны, завершение буржуазно-демократической революции в период империализма, осуществляемой под гегемонией пролетариата, само есть процесс перерастания, так как последовательное осуществление демократических преобразований создает необходимые условия для перехода к социалистической революции. В том-то и состоит процесс перерастания, что он создает необходимые и достаточные условия для начала социалистических преобразований.

Все это полностью подтверждается историей народно-демократических революций в европейских странах народной демократии. Разве такие факторы, как гегемония пролетариата, участие представителей рабочего класса в правительстве и во всех главных органах государственной власти, влияние коммунистической партии на решение всех важных вопросов экономической и политической жизни, рабочий контроль на предприятиях, ограничивающий капиталистическую эксплуатацию, не свидетельствуют о начавшемся процессе перерастания? Но все это в Венгрии, например, происходило до лета 1945 г. Сторонники же критикуемой точки зрения утверждают, что перерастание началось только с лета 1945 г. Вряд ли можно с этим согласиться.

Такие мероприятия в той же Венгрии, как провозглашение республики, завершение аграрной реформы, чистка государственного аппарата от реакционных элементов — демократиче-

¹⁷ Ученые записки Тартуского государственного университета, Труды по философии III, Выпуск 89, Тарту 1960, стр. 44. Кстати, слово «перерастать», в том смысле как мы его здесь рассматриваем, в Словаре современного русского литературного языка определяется точно так же: «развиваясь, превращаясь во что-нибудь другое».

¹⁸ XXII съезд КПСС. Стенографический отчет, т. 1, стр. 93. Разумеется, эта аналогия касается самых общих принципов перерастания и не относится к сущности указанных процессов.

ские по своему существу, означающие завершение буржуазно-демократической революции, были проведены в 1946 г. Истиной, следовательно, является положение, что завершение буржуазно-демократической революции есть одновременно ее перерастание в социалистическую, а перерастание есть в то же время завершение.

Рассматриваемая проблема неизбежно приводит нас к вопросу о качественно-определенной социально-экономической характеристике этапа, называемого этапом перерастания буржуазно-демократической революции (общедемократической) в социалистическую. В статьях Ф. Д. Кретова, А. И. Соболева и некоторых других авторов прямо говорится о нем, как об этапе социалистической революции. Отсюда следует вывод о характере народно-демократической революции: она является революцией социалистической сразу (Ф. Д. Кретов) или на своем втором этапе, после 1945 г. (А. И. Соболев). Подобный взгляд сводится к третьей из указанных выше точек зрения.

3. Представление о социалистическом характере народно-демократической революции основывается на следующих главных аргументах:

а) Буржуазно-демократическая революция по своей сущности — антифеодальная революция. Поэтому, если в стране нет сколько-нибудь существенных феодальных пережитков или задачи борьбы с феодализмом исчерпаны, то говорить о ней бессмысленно.

б) «Когда основные задачи антиимпериалистической, антифеодальной революции были решены (хотя некоторые общедемократические вопросы еще ждали своего решения), на первый план уже выдвинулось и стало решающим противоречие между пролетариатом и буржуазией. Именно это противоречие определяло направление развития, перегруппировку классовых сил, содержание революционной борьбы. Решить это противоречие могла только социалистическая революция».¹⁹

Рассмотрим эти аргументы. Сторонники первого аргумента не допускают мысли о возможности решения в буржуазно-демократической революции иных задач, кроме антифеодальных. При этом ход рассуждений примерно следующий: раз в экономике (именно в экономике, политика практически сбрасывается со счета) нет или не осталось феодальных и полуфеодальных отношений, то революция не может быть буржуазно-демократической, а будет непосредственно социалистической. Не подлежит никакому сомнению, конечно, что основная историческая роль буржуазно-демократической революции, как одного из видов буржуазной революции, состоит в разрушении феодализма. Но это вовсе не означает невозможность буржуазно-демократических революций, происходящих на базе уже сложившегося бур-

¹⁹ О народной демократии в странах Европы, стр. 52.

жуазного качества. Например, буржуазно-демократическая революция 1848 г. во Франции не решала задачи борьбы с феодализмом, так как феодальные отношения были начисто уничтожены Великой французской революцией. Она имела цель в экономической области устранить единоличное господство одной из буржуазных группировок (финансовой буржуазии), в политической области обеспечить осуществление буржуазно-демократических свобод.

Возможность такого рода буржуазно-демократических революций тем более увеличивается в период империализма, когда резко обостряются все противоречия капиталистических общественно-экономической формации. Более того, диалектика истории такова, что, вследствие переплетения феодальных и капиталистических противоречий при решающей роли основного противоречия капитализма, последовательная буржуазно-демократическая революция не может не иметь антикапиталистической направленности. А это означает, что еще в пределах буржуазно-демократической революции осуществляется ряд мероприятий, ограничивающих и ослабляющих капитализм.

Этот вопрос подробно проанализирован В. И. Лениным. В статье «Один из коренных вопросов» он характеризует классовую и экономическую сущность демократических преобразований. Поскольку эта характеристика прямо бьет по критикуемому взгляду, рассматривающему буржуазно-демократическую революцию только как антифеодальную, это вынуждает нас привести из ленинской статьи длинную выдержку. «Может ли большинство крестьян в России потребовать и ввести национализацию земли? Несомненно, да. Есть ли это социалистическая революция? Нет. Это *еще* буржуазная революция, ибо национализация земли такая мера, которая совместима с капитализмом. Но это в то же время *удар* частной собственности на важнейшее средство производства...

Далее. Может ли большинство крестьян в России высказаться за слияние всех банков в один? за то, чтобы в каждой деревушке было отделение одного общенационального государственного банка?

Может, ибо удобства и выгоды для народа несомненны от такой меры...

Возможно ли экономически немедленно провести такое слияние всех банков в один? Несомненно, вполне возможно.

Есть ли это социалистическая мера? Нет, это *еще не* социализм.

Далее. Может ли большинство крестьян в России высказаться за то, чтобы синдикат сахарозаводчиков перешел в руки государства, под контроль рабочих и крестьян и чтобы цена сахара понизилась?

Вполне может, ибо это большинству народа выгодно...

Будет ли переход синдиката в руки демократически-буржуазного, крестьянского, государства социалистической мерой?

Нет, это еще не социализм...»²⁰

Таким образом, утверждение, что народно-демократическая революция носит социалистический характер, так как она выходит за рамки антифеодальных преобразований, в свете сказанного совершенно несостоятельно. Связывание демократической революции (в любой ее разновидности) только с антифеодальными задачами, как справедливо указывает Г. П. Пушев,²¹ приводит к отрицанию демократического этапа революции в высоко развитых капиталистических странах. Между тем, в Программе КПСС, а также в программах других коммунистических партий указывается на возможность развития революции в таких странах через демократический этап.²²

Обратимся ко второму аргументу, обосновывающему социалистический характер народно-демократической революции. Действительно, после разрешения антифашистских и антифеодальных задач народно-демократической революции главным противоречием становится противоречие между пролетариатом и буржуазией, которое, как известно, разрешается социалистической революцией. Но, по-видимому, следует различать характер этого противоречия до и после установления диктатуры пролетариата. Нам уже приходилось приводить аргументы в пользу этого различия,²³ повторим их коротко здесь.

Бесспорным для любого марксиста является положение, что без диктатуры пролетариата не может быть социалистической революции. Началом социалистической революции в строгом смысле слова следует считать завоевание пролетариатом политической власти, установление его диктатуры. Поэтому борьбу между пролетариатом и буржуазией, происходящую до прихода пролетариата к власти, неправильно не строго определять как революцию социалистическую. Между тем, в сборнике «О народной демократии в странах Европы» социалистической революцией называется «борьба за установление пролетарской диктатуры».²⁴ То же самое утверждают по сути дела и те авторы, которые характеризуют социалистическую революцию как

²⁰ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 31, стр. 302—303.

²¹ «Вопросы философии», 1958, № 9, стр. 99.

²² В Программе КПСС выдвигается положение о важном значении общедемократической борьбы против монополий (антимонополистическая революция) в современном революционном движении. См. XXII съезд КПСС, т. III, стр. 254—256. См. также программы компартии Италии, Франции, Зап. Германии в сборнике «Программные документы коммунистических и рабочих партий капиталистических стран Европы». М., 1960.

²³ Р. Н. Блюм, Роль гегемонии пролетариата в перерастании демократической революции в революцию социалистическую в Венгрии (Движение и разрешение противоречий революционного процесса), Ученые записки ТГУ, Труды по философии, Выпуск 90, 1960, стр. 37.

²⁴ О народной демократии в странах Европы, стр. 20.

преобразования, происходящие задолго до установления диктатуры пролетариата.

В литературе высказывается и другая, довольно крайняя точка зрения. Вот она: «если процесс разрешения противоречия между трудом и капиталом является достаточным условием социалистической революции, то социалистическая революция не может быть чем-нибудь обусловлена, в том числе и диктатурой пролетариата. Социалистическая революция имеет место не только там, где пролетариат свергает власть буржуазии и сам овладевает полнотой власти, но и там, где он этого сразу не достигает, а только добивается большего или меньшего перевеса над буржуазией. И в этом случае мы имеем дело с социалистической революцией, ибо здесь происходит разрешение противоречия между трудом и капиталом, а не какого-либо иного противоречия (разумеется как главного противоречия)». И далее те же авторы пишут, что диктатура пролетариата нужна только для победоносной социалистической революции.²⁵

Сформулируем свои возражения. Существует два возможных пути к началу социалистической революции. Один — через непосредственно-революционную ситуацию (революционный кризис), другой — через перерастание буржуазно-демократической революции. В первом случае начало социалистической революции (переход от непосредственно-революционной ситуации к революции) определить легче, так как до начала революции вряд ли возможно разрешение противоречий между трудом и капиталом. Во втором случае это сделать труднее, так как вполне вероятны определенные шаги в разрешении этого противоречия (национализация, рабочий контроль и т. п.). И в том и в другом случае период, непосредственно предшествующий социалистической революции, характеризуется ожесточенным столкновением между пролетариатом и буржуазией, выдвижением на первый план именно этого противоречия как главного противоречия.

Но, во-первых, это главное противоречие до социалистической революции существует при сохранении старого политического строя, т. е. при сохранении политической власти буржуазии или при ее активном участии во власти и значительном влиянии на нее. В социалистической революции это главное противоречие разрешается в условиях коренных изменений в политической надстройке, в условиях политической власти пролетариата. Во-вторых, трудно согласиться с И. Гоушка и К. Кара, что процесс разрешения противоречия между трудом и капиталом является достаточным условием социалистической революции. «Достаточным условием А для наступления какого-либо явления В мы называем такое условие, осуществление которого

²⁵ И. Гоушка и К. Кара, Указ. соч., стр. 111—112.

влечет за собой наступление этого явления».²⁶ Можно ли в свете этого определения назвать те или другие мероприятия против капитализма, проводимые во время демократической революции, которые несомненно являются шагами в разрешении противоречия между трудом и капиталом, достаточным условием социалистической революции. Конечно, нет. И это совершенно определенно показано В. И. Лениным в приведенной выше выдержке из статьи «Один из коренных вопросов». Указанное противоречие является условием необходимым,²⁷ но не достаточным. Необходимым и достаточным условием²⁸ социалистической революции следует считать диктатуру пролетариата.

Таким образом, только экономический подход к оценке характера революции совершенно недостаточен. «При решении вопроса о характере революции необходимо исходить из единства экономики и политики, ибо характер революционного процесса на отдельных его этапах определяется не непосредственно экономической основой социальной революции, общим соотношением производительных сил и производственных отношений или степенью зрелости капитализма, а отношениями классов, тем, какие классовые противоречия решает на данном этапе революция».²⁹

Общий вывод из нашего анализа можно сделать такой: народно-демократическая революция до тех пор, пока не установлена диктатура пролетариата, по своему характеру является демократической (особой разновидностью буржуазно-демократической революции), развивается в пределах именно этого качества. Завершение процесса перерастания народно-демократической революции в социалистическую, переход в новое качество происходит с установлением диктатуры пролетариата, которая обеспечивает строительство социализма.

В заключении еще одно замечание. Как было показано выше, в литературе, которая рассматривает проблемы революций в странах народной демократии, имеется большой разноречивой терминологии, характеризующей революционные процессы. Некоторые авторы пишут о двух этапах народно-демократиче-

²⁶ Г. Кребер, Категория условия и соотношение ее с категорией причины, «Философские науки», 1961, № 3, стр. 109—110.

²⁷ «Необходимым условием А для существования какого-либо явления В мы называем такое условие, без осуществления которого данное явление не может существовать... Наличие необходимого, но недостаточного условия не определяет данное явление с необходимостью, не гарантирует еще его действительность, а определяет всего лишь возможность его». Там же, стр. 108.

²⁸ «Необходимым и достаточным условием А для существования какого-либо явления В мы называем такое условие, без осуществления которого явление В не может существовать и при осуществлении которого существует и явление В». Там же, стр. 111.

²⁹ Г. П. Пушев, Указ. статья, «Вопросы философии», 1958, № 9, стр. 100.

ской революции — демократическом и социалистическом. Другие определяют ее в зависимости от конкретных условий отдельных стран как буржуазно-демократическую, либо как социалистическую. Следовательно, народно-демократическая революция рассматривается как форма, куда может быть вложено различное содержание.

Такое определение понятия «народно-демократическая революция» не может быть признано удовлетворительным; во-первых, оно слишком широко охватывает разнородные социально-экономические процессы, во-вторых, оно содержит противоречие — демократические (в социально-экономическом смысле) преобразования не могут быть в то же время социалистическими. Нельзя по этим же причинам согласиться и с определением понятия «народно-демократическая революция» по форме государственной власти (народная демократия). Такое определение, кроме того, не раскрывает содержания понятия. Не называем же мы Октябрьскую социалистическую революцию — советской революцией.

Думается, что понятие «народно-демократическая революция» должно употребляться однозначно для обозначения такой демократической революции, которая разрешает противоречия между иностранными империалистами (например, фашистскими оккупантами), внутренней крупной буржуазией и помещиками, с одной стороны, и широкой коалицией остальных классов, с другой, которая происходит под руководством пролетариата и его авангарда — коммунистической партии. Движущими силами ее являются пролетариат, крестьянство и отдельные отряды национальной буржуазии. По мере углубления народно-демократической революции во все больших масштабах происходит вторжение в капиталистические отношения, в то же время ограничивается и политическое влияние буржуазии. Осуществление глубоких демократических преобразований обеспечивает перерастание народно-демократической революции в социалистическую, установление диктатуры пролетариата.

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ПСИХОЛОГИЯ

А. И. Горячева

В период построения коммунистического общества в нашей стране приобретает особенно большое значение борьба партии, общественных организаций за развитие и правильное направление общественного мнения советских трудящихся. Последнее не только служит важным фактором в осуществлении текущих политических и народно-хозяйственных мероприятий партии и государства, но и является одним из средств воспитания, утверждения коммунистической морали и совершенствования психологии советского человека. Ему принадлежит огромное значение в борьбе с такими пережитками прошлого, как религия, индивидуализм и эгоизм, мелкобуржуазные настроения, нравы и обычаи старого общества. Общественное мнение играет огромную роль в деле формирования человека с коммунистическими чертами характера, привычками, взглядами, свойствами человеку, «психология которого будет свободна от пережитков капитализма».¹

Одновременно фактор общественного мнения приобрел небывалое значение в общемировом масштабе, в области международных отношений. Политика Советского Союза и других социалистических стран находит по ряду важнейших вопросов, и прежде всего в вопросе сохранения мира, широкую поддержку в общественном мнении трудящихся всех стран. Это отлично понимают правящие круги империалистических государств, прилагающие колоссальные усилия для дезориентации общественного мнения. Борьба за общественное мнение во всемирном масштабе выступает таким образом как проявление борьбы двух противоположных общественных систем.

Практическому значению общественного мнения отвечает большое внимание, которое уделяется категории общественного мнения, его формированию, методам его изучения в трудах бур-

¹ Приветствие ЦК КПСС II Всесоюзному съезду писателей, «Правда», 16 декабря 1954 г.

жуазных социологов, выполняющих классовый заказ своих хозяев. Надо заметить, что в буржуазной социологии этому вопросу внимание уделялось уже и раньше. Так, Габриэль Тард, французский социолог, один из основателей психологического направления в социологии, посвятил этому вопросу специальный труд «Общественное мнение и толпа» (Москва, 1902 г.), в котором он связывает, и не без основания, общественное мнение с общественной психологией. У. Мак-Дауголл в своей книге «Основные проблемы социальной психологии» писал: «Похвала и порицание наших близких, особенно, выраженные голосом общественного мнения, представляют главную и самую действенную санкцию нравственного поведения для огромной массы людей... Сила общественного мнения для большинства людей и значение, приписываемое ему всеми людьми, представляет одну из наиболее важных и трудных психологических проблем, лежащих в основе теории морали».²

У реакционнейших представителей буржуазной социологии можно найти признание, что увеличивающееся значение общественного мнения явилось с XIX века одним из последствий усиливающегося политического влияния народных масс.³ Богардус, Спротт, Эш, Сарджент, Дюрент, Хеннис, Сови, Берже и многие другие буржуазные социологи отражают в своих работах и исследованиях (во многих странах существуют специальные институты общественного мнения) ту борьбу, которая ведется в этих странах за формирование общественного мнения в пользу интересов господствующих слоев общества. В недавно переведенной на русский язык книге П. Лайнбарджера «Психологическая война» немалое место уделяется анализу общественного мнения и методам обработки его в целях подготовки агрессивной империалистической войны.⁴

Значение фактора общественного мнения в развитии советского общества, а также роль общественного мнения в международном плане обусловили то, что этот вопрос все чаще начинает привлекать внимание советских социологов, противопоставляющих работам апологетов буржуазии исследования, основанные на научной теории исторического материализма. Здесь надо назвать интересные работы А. К. Уледова.⁵ В них дается прежде всего постановка вопроса и выясняется круг проблем,

² У. Мак-Дауголл, Основные проблемы социальной психологии, Москва, 1916, стр. 138—139.

³ Книга о Шибболетах: прогресс, свобода, народ, общественное мнение, народное образование, права женщин, из сочинений Виллиама Самуэля Лилли, Москва, 1898, стр. 83.

⁴ П. Лайнбарджер, Психологическая война, Военное изд-во Министерства обороны СССР, Москва, 1962, стр. 143, 151, 181.

⁵ А. К. Уледов, Общественное мнение как предмет социологического исследования, «Вопросы философии», № 3, 1959; Социализм и общественное мнение, «Вопросы философии», № 6, 1960.

связанных с общественным мнением и требующих своего разрешения. А. К. Уледов подчеркивает то огромное значение, которое общественное мнение имеет в период перехода к коммунизму. В статье М. Игитханяна⁶ также показывается возрастающая роль общественного мнения в социалистическом обществе. Роли общественного мнения уделяется немалое внимание также и в ряде других работ, посвященных социологическим вопросам.⁷

В данной статье мы хотим обратить внимание прежде всего на связь общественного мнения как определенного явления сферы общественного сознания с общественной психологией.

Общей особенностью общественного мнения является то, что в нем обязательно имеется оценка, т. е. поощрение или порицание, с которыми невозможно не считаться. Закономерностью общественно-психологического порядка является способность общественного мнения одной лишь силой одобрения или порицания принуждать человека действовать в соответствующем направлении. Благодаря свойству оказывать психологическое принуждение, общественное мнение является действенным фактором, обеспечивающим соблюдение моральных и правовых норм поведения, поддержку политики государства и партий, поскольку они выражают интересы данного класса. Общественное мнение проявляется в действиях множества людей, направляя их на разрешение определенных практических задач.

С практической направленностью общественного мнения связан его конкретный характер. Оно относится к некоторому определенному событию, явлению, лицу и т. д., оценку которого оно выражает. Будучи связано с каким-либо конкретным явлением, событием, оно всегда эмоционально окрашено, включая в себя более или менее осознанное отношение, стремления, интересы, идеалы, в соответствии с которыми данное явление или событие одобряется или осуждается.

Определенные социальные группы, общественные классы к каждому явлению общественной жизни подходят с точки зрения своих интересов. Это выражается с необходимостью в классовой природе общественного мнения. Общественное мнение господствующего класса навязывается обычно значительной части других классов и групп. Существенную роль в этом играет то обстоятельство, что экономически и политически господствующий класс располагает средствами распространения и формирования общественного мнения. Буржуазия использует

⁶ М. Игитханян, Сила общественного мнения, «Коммунист», № 8, 1962.

⁷ Напр., о роли общественности и общественного мнения в воспитательной работе много говорилось на конференции в Военно-политической академии, которая происходила в декабре 1960 г. См. Труды Академии № 33, 1961 г. См. также: Общественное и личное. Сочетание общественных и личных интересов в условиях развернутого строительства коммунизма, Воронеж, изд-во Воронежского ун-та, 1961.

все средства, с помощью которых возможно формировать общественное мнение; «свобода печати во всем мире, где есть капиталисты, есть свобода покупать газеты, покупать писателей, подкупать и покупать и фабриковать «общественное мнение» в пользу буржуазии».⁸

Посредством формирования общественного мнения господствующему классу удастся в той или иной мере оказывать воздействие на психологию других классов. Анализируя состояние французского общества периода Июльской монархии, Маркс показал воздействие финансовой аристократии через общественное мнение на общественную психологию этого периода. «Так как финансовая аристократия издавала законы, управляла государством, распоряжалась всей организованной общественной властью, самым фактом своего господства и посредством печати подчиняла себе общественное мнение, то во всех сферах, начиная от королевского двора и кончая *café borgne*, царили та же проституция, тот же бесстыдный обман, та же страсть к обогащению не путем производства, а путем ловкого прикармливания уже имеющегося чужого богатства».⁹

Общественное мнение представляет собою сознательное отношение большинства активных представителей данного класса или общества к тем или иным действиям личности, коллективов, групп, других классов и государства. Отстаивая те же интересы, которые выражаются в политике класса, его организаций, общественное мнение обладает одновременно относительной самостоятельностью. Оно в состоянии в некоторых случаях гибче, конкретнее отражать условия данной ситуации. Его относительная самостоятельность расширяет основу политики государства и партии, делает более прочной связь последних с их классом, с другими классами, слоями и т. д.

И в социалистическом обществе, где складывается уже обще-

⁸ В. И. Ленин, Соч., т. 32, стр. 480. Вынужденные признания зависимости общественного мнения от интересов господствующего класса можно найти в достаточном количестве в работах самих буржуазных социологов. Спротт прямо пишет: «Когда сила была в руках лэндлордов, их мнение было более важным, чем — их противников». Если бы рабочие не организовали свое отношение, недовольство своей судьбой, они бы не были столь важны, как сейчас. W. J. H. Sprott, *Social Psychology*, London, 1952, p. 92. Говоря о том, кто делает общественное мнение, Богардус, наряду с официальными лицами, которые чаще выражают, чем делают общественное мнение, наряду с адвокатами и журналистами, которые по своей профессии связаны с «деланием» общественного мнения, наряду с университетами и церковью, которые он называет «бюро по созданию благоприятного общественного мнения» и т. д., называет и прессу. Богардус ссылается при этом на Голсуорси, который считал, что судьба людей в действительности находится в руках трех великих «держав»: науки, финансов и прессы. Из этого триумвирата главным Богардус считает финансы, которые покупают двух других. E. S. Bogardus, *Fundamentals of Social Psychology*, N. Y. — London, 1942, p. 442, 447.

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 7, изд. 2-ое, стр. 11.

народное общественное мнение, гармонично совпадающее с политикой и законодательством социалистического государства, возможно иногда в отдельных частных вопросах расхождение между общественным мнением и некоторыми законами. Это может иметь место в том случае, когда закон перестает отражать взаимоотношения между людьми, не учитывает возросшей сознательности. Так обстоит дело в настоящее время, например, с действующим законом о браке и разводах. На страницах наших газет появляется в связи с этим вопросом много материалов, освещающих состояние общественного мнения.

Общественное мнение может выражаться не только обществом в целом или классом общества, но и различного рода коллективами, члены которого связаны общими интересами, целями, зависящими от общих условий жизни. А. К. Уледов же признает за общественное мнение только мнение общества в целом или мнение общественного класса, коллективное же мнение иной определенной группы людей не является, по его мнению, «общественным мнением». «В строгом смысле слова термин «общественное мнение» применим или к обществу в целом, когда последнее выражает свое отношение к каким-либо вопросам, или к мнению общественного класса».¹⁰ В другом месте А. К. Уледов к мнению общества, мнению класса добавляет еще и мнение социальной группы, однако не разъясняет, что подразумевается под социальной группой. Общественное мнение в статье А. К. Уледова определяется следующим образом: «Общественное мнение при социализме есть суждение общества, связанное с практическим решением тех или иных вопросов социальной жизни».¹¹ Думается, что это определение неполно, однако и оно дает уже возможность применить термин «общественное мнение» к коллективному мнению группы людей, связанной общими условиями жизни, общими интересами, общими целями. А. К. Уледов сам же говорит о конкретности, о практическом характере общественного мнения. Конкретный характер и практическая направленность общественного мнения приводит к тому, что в рамках общих для класса интересов неизбежно складываются общественные мнения отдельных групп, коллективов людей по существенным для данных коллективов вопросам.

В каждой группе, будь то студенческий коллектив, коллектив школы, цеха, завода, того или иного предприятия и т. д., вокруг определенного, конкретного вопроса из различных мнений отдельных представителей коллектива в процессе общения и обсуждения чаще всего возникает то или другое мнение, более

¹⁰ А. К. Уледов, Общественное мнение как предмет социологического исследования, «Вопросы философии», № 3, 1959, стр. 48.

¹¹ А. К. Уледов, Социализм и общественное мнение, «Вопросы философии», № 6, 1960, стр. 31.

или менее общее для всех членов данного коллектива или, во всяком случае, для большинства членов коллектива. Это мнение, которое и можно назвать общественным мнением, имеет огромную силу в жизни и развитии данного коллектива, где меньшинство под давлением данного «общественного» мнения вынуждено свою деятельность, свое поведение соотносить с интересами коллектива. При этом, конечно, общественное мнение группы не находится в противоречии с классовыми или общественными интересами, но тем не менее своеобразное общественное мнение по *конкретному* вопросу может возникать в указанных группах. Подчеркивание значения общественного мнения коллективов (завода, колхоза, цеха, школы, класса и т. д.) отвечает действительным фактам нашей жизни. Общественное мнение групп — реальность, существование которой нельзя отрицать. Оно отвечает задаче развития активности советских трудящихся.¹²

Нельзя однако отождествлять общественное мнение и мнение общее, мнение большинства и т. д. Общественное мнение — нечто иное, чем простая сумма мнений. По любому вопросу имеется мнение и даже общее, но не по любому складывается общественное мнение, ибо сами вопросы могут быть различными по своей важности. Практически общественное мнение складывается по вопросам, имеющим политическое, экономическое, нравственное, художественное значение. В общественном мнении выражается отношение не только к настоящему и близкому прошлому, но и ближайшему будущему, поэтому общественное мнение может заключать в себе потенциальную оценку. В отличие от просто общего мнения общественное мнение обязательно должно обладать авторитетностью. Общественное мнение по какому-либо вопросу, сложившееся в том или ином коллективе, вынесенное на суд широкой общественности, становится более широким по своему объему, приобретает и большую практическую значимость.

Подводя итог сказанному, можно определить общественное мнение как особое надстроечное явление, пронизывающее собою формы общественного сознания, сферы идеологии и обществен-

¹² Кстати сказать, и среди буржуазных социологов имеются авторы, отрицающие существование «общественного мнения» по конкретному вопросу у группы людей, поскольку такое отрицание весьма выгодно для господствующего класса. Так, немецкий профессор Ф. Гольцендорф писал, критикуя тех, кто признавал, что общественное мнение может существовать в пределах общины, провинции и т. д.: «Теория, согласно которой каждое мнение местного кружка или сословного собрания должно быть признаваемо за мнение общественное, представляется в политическом отношении совершенно непригодным». В качестве единственного выразителя народного мнения, «за отсутствием в обществе других умственно и политически деятельных кругов», он признавал духовенство, дворянство, купечество. Ф. Гольцендорф, Общественное мнение, СП, 1899, стр. 44, 59.

ной психологии, включающее в себя в качестве необходимого признака оценку тех или иных общественных явлений, событий, имеющих политическое, экономическое, нравственное, художественное значение и разделяющееся всегда активной частью определенного коллектива людей, класса, ряда классов и т. д. Общественное мнение представляет собою динамическую структуру общественного сознания, совершенно иного порядка, чем такие «структуры», как формы общественного сознания и «слои» — общественная психология и идеология.

Важным условием развития и силы действия общественного мнения является существование хотя бы самых элементарных общедемократических условий.

И в прошлой истории известны случаи, когда передовому общественному мнению удавалось добиться успеха, приостановить действия реакционных правительств. Можно напомнить хотя бы «дело Дрейфуса» во Франции 90-х годов прошлого века, когда знаменитому писателю и публицисту Эмилю Золя удалось поднять общественное мнение народа на защиту демократических свобод от покушений реакции. Даже в полуфеодальной царской России прогрессивным силам удавалось в некоторых случаях вырывать при помощи давления общественного мнения уступки по отдельным вопросам. Например, в 1868 году царское правительство было вынуждено под воздействием статей в газетах «Голос», «Москва», перепечатанных и другими органами русской прессы, выступивших в защиту эстонских крестьян на острове Хийумаа, принять некоторые меры для ограничения дикого произвола тамошних помещиков. Известно выступление В. Короленко в защиту удмуртов, заставившее прессу обратить внимание на издевательства мракобесов над угнетенным народом и т. д.

В антагонистическом классовом обществе, где нет и не может быть единого общественного мнения, не исключена возможность некоторой общности общественного мнения различных и даже враждебных классов по определенным конкретным вопросам. Наличие этих общих моментов отнюдь не означает надклассовости общественного мнения. Подобные моменты могут в сознании одного класса быть органическим выражением его основных классовых интересов, вытекать из основ его классовой идеологии. У противоположного же класса в таком случае эти моменты являются привходящим элементом, отвечающим лишь данной, специфической ситуации. Различны также психологические основы общественного мнения различных классов. В некоторых случаях общественное мнение одного класса может временно охватить и сознание части других классов, оказать воздействие и на их идеологию.

Так по вопросу сохранения мира и предотвращения новой

войны сложилось мировое общественное мнение, разделяемое различными общественными классами и слоями. «В мире заинтересованы все народы, все слои общества, кроме узкой кучки монополистов».¹³ Люди с различными политическими, моральными, религиозными взглядами, выступая против войны, руководствуются своими взглядами и интересами, стремлениями и целями. Советский народ, руководимый партией, давшей программу коммунистического строительства, воспитывающей трудящихся в духе интернационализма и социалистического патриотизма, добивается решения международных проблем мирным путем. Интересные данные были опубликованы в «Комсомольской правде», открывшей на своих страницах «Институт общественного мнения». Газета провела массовый опрос по анкете, в которой первый вопрос был о том, удастся ли человечеству предотвратить войну? Заполнили анкету тысяча человек. Из них 96,8% утвердительно ответили на этот вопрос, в том числе 894 человека, тяжело пострадавших от войны. «Какая же должна быть сила духа у народа, сколь гуманна и благородна должна быть его мораль, если, несмотря на все это, его душа преисполнена такой уверенности в светлое будущее человечества!..»¹⁴

Вместе с советским народом выступает за мир и весь социалистический лагерь, успешно строящий социалистическое общество. Колониальные народы, освобождаясь от зависимости, хотят строить новую жизнь, и им тоже не нужна война. Рабочий класс капиталистических стран, борющийся за социальную справедливость, понимает, что ее можно достичь не путем войны. Наконец, прослойка буржуазии, связанная с производством продукции мирного времени и торговлей ею, не заинтересована в новой мировой войне, которая может привести ее только к разорению. К этому нужно еще добавить, что есть люди, которые в своем стремлении к миру руководствуются главным образом страхом за свою собственную жизнь. «Сегодня наиболее очевидным смыслом и интересом, стимулирующим все более расширяющиеся круги канадского народа присоединиться к общей борьбе за мир, является тот факт, что наше физическое выживание буквально зависит от этого».¹⁵ Чувство страха, чувство самосохранения — первая ступень в развитии общественной психологии при формировании общественного мнения, осуждающего новую войну, а также решающий и характерный момент для общественной психологии тех слоев буржуазии, которые выступают против мировой войны. Идеология и общественная психология

¹³ Н. С. Хрущев, Отчет ЦК КПСС XXII съезду партии, Госполитиздат, 1961, стр. 37.

¹⁴ «Комсомольская правда», 19 мая 1960 г.

¹⁵ «Moscow News», Nov., 7, 1960, Tim Buck, Canada, October and the Struggle for Peace.

играют в данном случае в формировании общественного мнения у разных социальных групп не одинаковую роль.

При формировании общественного мнения всегда имеет место стихийный момент. Однако соотношение стихийности и сознательности в процессе формирования общественного мнения было различным в различные исторические периоды. В общественном мнении, в создании которого основную роль играет стихийность, большое значение имеет общественная психология. Общественное мнение в таком случае непосредственно вырастает из чувств, настроений данной социальной группы. Общественное мнение может питаться так называемыми «слухами».¹⁶ В зависимости от того, каким путем складывается общественное мнение, оно может быть правильным или ложным. Общественное мнение может быть и предвзятым, если оно сложилось на основе полученной неправильной, искажающей действительность, информации.

В общественном мнении социалистического общества значительно большую роль играет идеология, сознательное мировоззрение. Однако соотношение между отдельными идеологическими и психологическими элементами, составляющими структуру общественного мнения, бывает различным. Психологический момент может не полностью совпадать с идеологическим и формирование общественного мнения может в отдельных случаях быть связано с известным подчинением эмоциональной стороны сознания его рассудочной стороне. Примером несовпадения идеологического, сознательного и психологического моментов является восприятие советским народом повышения цен на некоторые сельскохозяйственные продукты в 1962 году. «Народ понимает необходимость повышения цен, — говорил Н. С. Хрущев, — но я бы не сказал, что оно приятно для народа».¹⁷ «Мы обратились к рабочим, к народу, и они правильно нас поняли».¹⁸

В целом роль общественного мнения в истории возрастала, что являлось отражением возрастания роли сознательной деятельности народных масс. Одновременно с основным условием — подъемом активности масс, возрастание роли общественного мнения связано и с ростом культуры, просвещения, с развитием средств связи и информации, технических средств воздействия на общественное мнение и распространения его — печати, затем, в последние десятилетия, радио, кино, телевидения.

В противоположность эксплуататорскому обществу, одной

¹⁶ Спротт указывает на факт распространения слухов в состоянии кризисов. В первую мировую войну в США были созданы специальные «клиники слухов», которые порождали слухов больше, чем убивали. W. J. H. Sprott, *Social Psychology*, London, 1952, p. 98.

¹⁷ Н. С. Хрущев, Выступление на митинге советской и кубинской молодежи в Кремле, «Правда», 3 июня 1962 года.

¹⁸ Н. С. Хрущев, Речь на массовом митинге румыно-советской дружбы на заводе «Красная Гривица», «Правда», 20 июня 1962 года.

из особенностей общественной жизни в условиях социализма является единое в своей сущности общественное мнение. Это не означает, как уже говорилось, отсутствия общественных мнений отдельных коллективов по частным вопросам. Общественное мнение в социалистическом обществе играет качественно новую, неизмеримо большую роль, чем в предыдущих общественно-экономических формациях. Оно создается и направляется партией. Это возможно и необходимо потому, что партия выражает наиболее существенные интересы всего общества. Однако, культ личности, насаждавшийся Сталиным, препятствовал полному проявлению действия этого важного социального фактора. Мнение одного человека провозглашалось единственно правильным и возможным во всех областях общественной и научной жизни. Общественное мнение стремились подчинить задаче внедрения слепой преданности фантастически раздугой личности, которая должна была заслонить собою и родину, и партию, и сам народ. Лишь в последующий период ликвидации последствий культа личности, фактор общественного мнения получил свое полное развитие.

Важнейшим средством воздействия партии на общественное мнение является печать. В первые годы строительства советского общества В. И. Ленин указывал на необходимость использования прессы для формирования общественного мнения. Ленин писал, что пресса, «апеллирующая к общественному мнению трудящихся», способна формировать это мнение, содействовать искоренению недостатков в работе, излечивать жизнь страны от «язв», способствовать более быстрому и успешному строительству социалистического общества. Подчеркивая необходимость создания нового общественного мнения советских трудящихся, В. И. Ленин замечал: «Мы до сих пор находимся еще под значительным давлением старого общественного мнения буржуазии... мы должны превратить прессу... в орудие означения массы с тем, как надо налаживать труд по-новому».¹⁹

Общественное мнение развивается, предполагая определенную информированность класса или общества в целом. Информированность населения, снабжение его фактическими сведениями о происходящих событиях внутренней и международной жизни представляет собою существенную характеристику состояния общественного сознания. Буржуазия в значительной мере контролирует поток информации в обществе, определяя степень и характер информированности большинства населения капиталистических стран в желательном для нее направлении, лишая его порой информации относительно важнейших событий.²⁰

¹⁹ В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 177, 178—179.

²⁰ Отсутствие информации способствует возникновению неправильного мнения по тем или иным вопросам. Так в книге американского профессора Эша приводятся интересные данные, полученные с помощью анкет, показы-

Советская пресса обеспечивает информированность советских трудящихся. При этом основное значение информации заключается не просто в том, чтобы сообщить о чем-то, а в том, чтобы одновременно вскрывать глубокий смысл, значение происходящих событий. Последнее позволяет формировать общественное мнение. Раскрытие социального, политического, этического значения тех или иных явлений включает в себя неизбежно выражение отношения, оценку этих явлений. Яркое освещение трудовых подвигов людей нашей страны, распространение примера передовых трудящихся, «маяков» производства, а также резкая критика отрицательных явлений создает общественное мнение, стимулирующее к самоотверженному труду во имя высокого идеала нашего общества. При переходе к коммунизму должно коренным образом измениться отношение людей советского общества к труду. «В коммунистическом обществе человек не может не трудиться. Этого не позволят ни его сознание, ни общественное мнение».²¹

Общественное мнение может сознательно создаваться не только при условии правильного выражения коренных экономических и политических интересов, но и одновременно с этим при тщательном учете психологических предпосылок — настроений, чувств, вкусов и т. д. Такова объективная закономерность возникновения и развития общественного мнения, входящего, как уже говорилось, в своей существенной части в сферу общественной психологии. Газета имеет возможность оперативно реагировать на настроения, чувства и т. д. масс благодаря сети корреспондентов среди самих рабочих, крестьян, трудовой интеллигенции. Ленин в письме В. А. Карпинскому от 26 января 1922 года писал: «Не напишете ли мне кратко (2—3 странички максимум) сколько писем от крестьян в «Бедноту»? Что важного (особенно важного) и нового в этих письмах? Настроения? Злобы дня? Нельзя ли раз в два месяца получать такие письма... а) среднее число писем, б) настроения, γ) важнейшие злобы дня».²²

В этой связи можно было бы заметить, что, например, выходящая на русском языке газета Эстонского комсомола «Молодежь Эстонии» хорошо учитывает интересы, настроения

вающие извращенность представлений народа, когда они лишены информации. В 1942 году одна треть опрошенных считала, что Россия получает от Америки по ленд-лизу половину всего своего военного снабжения (20% ответили — «не знаем»). В 1942 году, после Атлантической Хартии, 65% опрошиваемых не слышали о ней совсем, 95% не могли назвать ни одного ее положения. В 1944 году более 50% опрошенных не знали, что США не были в Лиге Наций. В 1945 году четыре десятых опрошенных не знали, какой тип правительства в России и только три десятых знали, что в России заработки не уравнены. S. A. Asch, *Social Psychology*, N.-York, 1952, p. 549.

²¹ Программа КПСС, Госполитиздат, 1961, стр. 100.

²² В. И. Ленин, Соч., т. 35, стр. 466.

рабочей молодежи, быстро реагирует на них, создавая соответствующее общественное мнение. К сожалению, однако, она гораздо меньше умеет учитывать вопросы жизни студенческой молодежи и ее психологию. Данные анкет позволили выяснить, что значительная часть студентов Эстонской сельскохозяйственной академии и Тартуского государственного университета (группы с русским языком обучения) газету «Молодежь Эстонии» не читают совсем или читают нерегулярно. В большинстве анкет студенты пишут: «Хотелось бы видеть больше материалов о жизни студентов нашей республики, Советского Союза, зарубежных стран, узнать не только о том, как они учатся, но и отдыхают». «Чтобы газета стала более интересной, необходимо проводить дискуссии по письмам читателей.» Это ведь и дало бы возможность больше учитывать интересы, потребности, вкусы читателей и, воздействуя соответствующим образом на их психологию, формировать общественное мнение.

*

*

*

Общественное мнение теснейшим образом связано с общественной психологией. Оно создается на определенной психологической основе, включает в той или иной мере социально-психологические элементы. В практике изучения общественного мнения и борьбе за его формирование необходимо внимательно учитывать эту социально-психологическую сторону.

О МАТЕРИАЛЬНЫХ И МОРАЛЬНЫХ СТИМУЛАХ К ТРУДУ

Т. И. Рейнвальд

Данная статья рассматривает лишь вопрос о том, какое субъективное выражение принимают объективные побудительные силы человеческого труда в представлении людей, осуществляющих этот труд. Т. е. здесь рассматривается только один, идеальный аспект сложного целостного явления — стимулов важнейшей формы человеческой деятельности.

Вся человеческая деятельность носит сознательный характер, каждое действие преследует определенную сознательную цель, движимо определенными стимулами, «...у отдельного человека, для того, чтобы он стал действовать, все побудительные силы, вызывающие его действия, неизбежно должны пройти через его голову, должны превратиться в побуждение его воли».¹

В данном случае именно эти побуждения человеческой воли и являются предметом рассмотрения.

Рассматриваемый предмет относится, следовательно, к субъективному фактору общественного развития, к сфере общественного сознания.

Непосредственным источником всех видов человеческой деятельности, в том числе и трудовой деятельности, являются потребности. Человек может побуждаться к деятельности постольку, поскольку у него есть какие-то потребности. Удовлетворение потребности вызывает прекращение деятельности.

Маркс, анализируя роль потребностей в развитии производства, указывает, что потребности — это та причина, которая вызвала к жизни весь процесс общественного производства, а следовательно и всю совокупность видов человеческой деятельности. Потребность, говорит он, — это «...идеальное внутреннепобуждающее начало производства, которое есть его предпосылка»,² это его импульс, побуждение к нему, без которого не может быть производства: «Без потребности нет производства».³

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избр. соч., т. II, 1948, стр. 375.

² К. Маркс, К критике политической экономии, М., 1951, стр. 203.

³ Там же.

Поэтому вся совокупность видов деятельности людей, все их действия и поступки могут быть поняты только тогда, когда будут поняты потребности, лежащие в их основе. На эту роль потребностей в человеческом поведении указывает Энгельс: «Люди привыкли объяснять свои действия из своего мышления, вместо того, чтобы объяснять их из своих потребностей (которые при этом, конечно, отражаются в голове, осознаются)».⁴

Потребности, таким образом, являются непосредственной основой, дающей жизнь всем духовным побудительным силам человеческой деятельности, ее стимулам. При этом сами эти потребности, их содержание, их диапазон, степень их развития, богатства или бедности могут быть чрезвычайно различными.

Стимул человеческой деятельности — это ее внутренний побудитель, идеальная движущая сила, порожденная определенной потребностью или совокупностью потребностей, представляющая собой их отражение и направленная на их удовлетворение.

Стимулы человеческой деятельности различаются в зависимости от того, что является объектом потребности, легшей в основу деятельности человека. От того, каков объект этой потребности, зависит и отношение осуществляющего труд человека ко всем сторонам процесса трудовой деятельности.

Трудовой процесс включает в себя целый ряд компонентов, или, как их называет Маркс, «простых моментов процесса труда», которые «остаются одинаковыми для всех общественных форм развития».⁵ Сюда входят:

целесообразная деятельность или самый труд (акт труда); всякий труд предполагает также конкретную сознательную цель труда. При этом необходимо различать непосредственную цель труда — создание определенного продукта труда, потребительной стоимости — от стимула, мотива труда, которому подчинен труд данного труженика, производителя, ради которого он создается.

В сфере материального производства всякий труд предполагает наличие материальных предпосылок производства, куда в свою очередь входят: предмет труда, подвергаемый обработке в процессе труда, и средства труда, при помощи которых производится обработка предмета труда.

Отношение к труду включает в себя отношение ко всем компонентам процесса труда. То есть отношение к труду проявляется через отношение и к материальным условиям труда, и к самому акту труда, и к продукту труда, и к вознаграждению за труд.

Всякий индивидуальный труд есть в то же время часть об-

⁴ Ф. Энгельс, *Диалектика природы*, М., 1948, стр. 141.

⁵ К. Маркс, *Капитал*, т. III, 1949, стр. 897.

ственного труда, и поэтому независимо от степени осознания этого факта он имеет определенную общественную значимость, представляет собой большую или меньшую общественную ценность. Таким образом, через свой труд каждый производитель оказывается связанным с обществом, его труд оказывается поставленным на службу обществу (даже тогда, когда это не содержится в его намерениях). Поскольку же труд всякого человека есть в то же время труд индивидуальный, преследующий какие-то конкретные личные цели, то и отношение к труду не может не включать в себя одновременно определенного отношения трудящегося и к общественной значимости своего труда, и к самому себе в процессе труда.

Стимулы, побуждающие человека к трудовой деятельности, к определенному роду занятий, подразделяются в зависимости от того, что представляет собой объект потребности, лежащей в ее основе, на два вида: стимулы материальные и стимулы идеальные.

Исторически труд, как целесообразная деятельность человека, направленная на покорение сил природы, возник как средство удовлетворения важнейших жизненных материальных потребностей людей (в пище, питье, жилище, одежде и т. п.), или, как их называют Маркс и Энгельс, «первоначальных» потребностей человека. «... Первый исторический акт, это производство средств, необходимых для этих потребностей, производство самой материальной жизни. При том это такое историческое дело, такое основное условие всякой истории, которое (ныне также как и тысячи лет тому назад) должно выполняться ежедневно и ежечасно — уже для одного того, чтобы люди могли жить».⁶ То есть, исторически первыми и даже первичными стимулами к труду были стимулы именно материальные. Предки человека никогда не переступили бы грани, отделяющей обезьяну от человека, и не приступили бы к трудовой деятельности, если бы ее не вызвали к жизни их материальные потребности, удовлетворение которых иным путем в тех условиях, в которых они существовали, было исключено.

Трудовая деятельность, побуждаемая материальными стимулами, является средством удовлетворения лишь круга материальных потребностей человека, средством приобретения тех материальных предметов, при помощи которых эти потребности могут быть удовлетворены.

Необходимость удовлетворения материальных потребностей людей существует во всех общественных формациях; эта необходимость является причиной существования материального производства на всех этапах существования человеческого общества.

Отличительной чертой материальных стимулов к труду у от-

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 26.

дельного человека является то, что его побуждает к трудовой деятельности не интерес к самому процессу труда, к данному роду деятельности, не продукт труда сам по себе (если этот продукт не достается трудящемуся), не общественная значимость его труда, а лишь те материальные ценности, которые достаются ему в результате этого труда, поступят в его распоряжение, в его собственность. Это труд ради этих ценностей.

Человек, побуждаемый к труду только материальными стимулами, мобилизует свои силы и способности лишь в меру причитающегося ему материального вознаграждения. Соответственно труд прекращается в случае, если за ним не следует этого вознаграждения.

Труд, побуждаемый только материальным стимулом, не есть труд свободный по отношению к миру внутренних стремлений самого человека. Сам процесс труда носит вынужденный характер, т. к. он побуждается не внутренним стремлением к данному роду деятельности, а необходимостью удовлетворить потребности, которые сами по себе имеют мало общего с этим трудом. Человек работает «ради вещи, которая ничего общего не имеет с самой работой; он работает, потому что вынужден работать...».⁷

Причина, побуждающая человека к труду, — внешняя необходимость, а не внутренняя тяга к данному труду. Поэтому даже свободный в социальном смысле труд, т. е. труд свободный от эксплуатации, может быть внутренне несвободным в случае, если необходимость трудиться не совпадает с внутренним стремлением человека именно к данному роду деятельности.

Такой стимул к труду является материальным потому, что предмет потребности материален (непосредственный продукт труда в натуральном хозяйстве; вознаграждение труда в натуральной или денежной форме).

Различные исторические формы материальных стимулов различаются в зависимости от различия общественных условий осуществления заключенных в них целей. То есть, содержание материальных стимулов у различных социальных групп формируется не произвольно, а определяется положением данной социальной группировки в системе производственных отношений.

Поэтому социальное содержание материальных стимулов представляет собой не проявление особенностей индивидуального характера данного человека, его каких-то положительных или отрицательных черт, а является выражением особенностей способа производства, в рамках которого осуществляется его деятельность, и положения социальной группы, к которой он принадлежит в исторически определенной системе общественного производства.

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 2, стр. 351.

Так, содержание материального стимула капиталиста, его неутолимая страсть к наживе не представляет собой плода его индивидуальности (хотя он и не перестает быть ею), а диктуется с неумолимостью всеобщего закона природы самим развитием капиталистического производства.

«То, что у собирателя сокровищ было индивидуальной манерой, то для капиталиста является действием общественного механизма, одним из колесиков которого он является. Кроме того, развитие капиталистического производства делает постоянное возрастание капитала, вложенного в промышленное предприятие, необходимостью, а конкуренция навязывает каждому индивидуальному капиталисту имманентные законы капиталистического способа производства как внешние принудительные законы. Она заставляет его постоянно расширять свой капитал для того, чтобы его сохранить, а расширять свой капитал он может лишь посредством прогрессирующего накопления».⁸

В механизме капиталистического производства как капиталист, так и рабочий с их субъективными стремлениями выступают лишь как персонификации определенного экономического отношения. Аналогичным образом обстоит дело и с содержанием материальных стимулов всех других классов и социальных групп. Поэтому у различных социальных групп, классов различен и характер материальных стимулов, побуждающих их к трудовой деятельности, а в пределах одной группы, одного класса материальные стимулы по своему существу однотипны. Поэтому каждому способу производства свойственны свои специфические материальные стимулы.

Условием осуществления целей, заключенных в материальных стимулах, присущих эксплуататорским классам, является эксплуатация, присвоение неоплаченного прибавочного продукта труда эксплуатируемых классов, социальный паразитизм.

Условием осуществления цели, заложенной в материальном стимуле к труду у раба, крепостного, наемного рабочего, является труд на эксплуататора, труд подневольный, труд несвободный в социальном смысле, труд как средство эксплуатации.

Условием осуществления цели, заложенной в материальном стимуле честного труженика социалистического общества, является свободный от эксплуатации, честный труд на себя и на общество.

В этом принципиальное различие социального содержания материальных стимулов к труду у различных классов в разные эпохи.

Однако трудовая деятельность может стимулироваться не только материальными стимулами, хотя исторически труд и возник как средство удовлетворения материальных потребностей

⁸ К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 597.

людей, и хотя до социализма труд всех трудящихся классов, занятых в материальном производстве, стимулировался в основном материальными побуждениями наряду с имевшим место в рабовладельческой и феодальной формациях внеэкономическим принуждением к труду рабов и крепостных крестьян.

По мере исторического совершенствования производства возникают, развиваются и дифференцируются различные виды духовной деятельности. Происходит накопление знаний о природе, возникает искусство, религия. Позднее накопленные знания о природе оформляются в науку, появляются политика, право.

Вызванные к жизни материальным производством и первоначально «вплетенные» в производственный процесс различные виды духовной деятельности по мере общественного развития приобретают относительную самостоятельность и сами уже обуславливают порождение отличных от материальных, духовных запросов и соответственно духовных стимулов человеческой деятельности.

Духовные стимулы возникают благодаря необходимости решения в процессе трудовой деятельности (а также в процессе участия в других сферах общественной жизни) интеллектуальных, эстетических, моральных, позднее политических и юридических задач для осуществления тех целей, которые стоят перед определенной социальной общностью, классом или человеком как членом этой социальной общности соответственно его положению в обществе.

Сам этот процесс решения духовных задач приобретает для человека самостоятельную притягательную силу, особую привлекательность и тем самым порождает принципиально новые специфические человеческие, отсутствующие в животном мире, духовные потребности, которые ложатся в основу духовных стимулов к труду.

Духовные стимулы различаются в зависимости от того, кто является носителем потребности, которую они выражают — общество в целом, класс, нация, группа людей, производственный коллектив, семья или отдельный индивид (все они тесно связаны друг с другом, взаимообусловлены, но тем не менее различны). Соответственно различаются и стимулы как общественные, коллективные (подобно приведенному делению) и индивидуальные.

Если взять духовные стимулы индивидуальной деятельности, т. е. то, что составляет субъективный смысл деятельности для данного отдельного человека, то здесь деление на материальные и духовные будет выглядеть следующим образом. Деятельность во имя удовлетворения материальных потребностей данного индивида ради материальной ценности, которая должна поступить в его индивидуальное распоряжение, побуждается материальным стимулом. Деятельность

ради удовлетворения его духовной потребности, во имя того, что представляет для него духовную ценность, независимо от материального вознаграждения этой индивидуальной деятельности, помимо него, побуждаема стимулом духовным, идеальным.

Тем самым между двумя главными видами стимулов (материальным и идеальным) существует принципиальное различие.

Аналогично обстоит дело с делением общественных духовных стимулов — это отраженная в сознании общественная необходимость в создании какой-то суммы материальных благ, перемен в обществе, которая ложится в основу деятельности. Деятельность во имя создания необходимых для общества в целом материальных благ — это деятельность, руководствуемая общественным материальным стимулом. В основе ее лежат потребности материальной жизни общества.

Деятельность, руководствуемая сознанием необходимости общественно необходимых духовных благ в осуществлении каких-то духовных перемен, побуждаема общественным духовным стимулом, в ее основе лежит духовная потребность общества в этих благах и осознание этой потребности как ее источника.

Мотивы индивидуальной деятельности, побуждаемой идеальными стимулами, могут быть различны.

Человека может субъективно побуждать к деятельности, к труду особая привязанность именно к данному роду труда, к самому процессу деятельности, потребность в ней.

Его тянет к этой деятельности, потому что он ощущает, что живет в подлинном смысле слова только тогда, когда он захвачен своей деятельностью, потому что испытывает от своего труда высшее наслаждение и поэтому в ней видит смысл своего существования, потому что в ней он получает удовлетворение самых властных своих потребностей — интеллектуальных, эстетических, физических (хотя эти моменты могут быть и разделены). Такой труд поглощает человека целиком, способен порождать и порождает творческое вдохновение.

Таким может быть труд в любой сфере деятельности. Вдохновение композитора, живописца, писателя; творческие искания, кропотливый труд ученого, захваченного увлекательностью самого процесса познания; увлечение общественно-политической деятельностью, творческое вдохновение, порождаемое высококвалифицированным трудом в сфере материального производства — все это отдельные проявления такого рода потребности в труде.

Так, К. Э. Циолковский с раннего детства питал настолько сильную страсть к конструированию всяческих механизмов, настолько велика была у него жажда обменяться очередными пла-

нами с кем-либо, что он даже приплачивал своему брату, чтобы тот выслушивал его.

А вот что пишет об отношении к своему труду представитель сферы материального производства — рабочий, токарь, мастер скоростной резки металла П. Быков:

«Труд мой доставляет мне глубокое удовлетворение. Я бы даже сказал — радость». «Моя профессия — токарь... При этом слове я невольно вспоминаю скульптора. Есть что-то общее между искусством токаря и творческим трудом ваятеля». «Много лет стою я у токарного станка. Обработал тысячи и тысячи деталей. И всякий раз с волнением открываю новый чертеж...».⁹

Ценность труда для этого человека не способна быть измерена рублем, в ней содержится нечто несоизмеримое с деньгами, нечто несравненно более значительное. Сам процесс труда для него — источник все новых и новых волнений. В своем труде — труде рабочего — он ощущает себя художником, ваятелем, создателем эстетических ценностей.

Такое отношение к процессу труда возможно лишь в тех случаях, когда человек находит в своем труде свое призвание. Именно в такой деятельности наиболее явно обнаруживается тот общесоциологический факт, что труд есть потребность здорового человеческого организма.

В качестве духовного стимула индивидуальной деятельности может выступать не только потребность именно в данном виде деятельности, но и такая деятельность, в которой в качестве главной побудительной силы выступает не привлекательность самого процесса деятельности, а деятельность во имя ее общественного результата, труд ради плодов этого труда. Не сам акт труда представляет для человека ценность, обладает притягательной силой, а осознание его общественных последствий.

Такой духовный стимул может иметь место либо вследствие осознания его действительной общественной ценности (или заинтересованности в нем какого-то коллектива, социальной группы), либо вследствие ложного представления, что это так.

Когда труд осуществляется ради общественно полезного результата труда, человек может оказаться способным на труд, в котором как таковом он не только не испытывает потребности, но который для него очень тяжел, даже может быть неприятен, и не только не сулит ему никаких материальных ценностей, но и требует от него больших личных жертв. Человек идет на него потому, что эта деятельность обладает для него духовной ценностью.

Таков самозабвенный труд революционера, способного перенести и тюрьмы, и пытки, и каторгу, и рисковать жизнью, и

⁹ П. Быков, Первая комплексная бригада, М., 1952, стр. 5.

преодолевать самые жестокие трудности и лишения ради осуществления идеи, за которую он борется.

Таков и «труд» солдата, участвующего в справедливой войне, убивающего врага совсем не из потребности в убийстве и не от того, что он испытывает от этого наслаждение.

Не может быть измерен заработной платой и трудовой энтузиазм первых поколений строителей социализма в нашей стране в восстановительный период и в период первых пятилеток, труд, базировавшийся первоначально на чрезвычайно отсталой технике и сам по себе крайне тяжелый, даже физически изнурительный. Этот труд смог стать трудом вдохновенным благодаря своему высокому, гуманному общественному смыслу, в котором видел и личный смысл каждый из его участников.

Но подобного противоречия в отношении к акту труда и его результату может и не быть. Между актом и результатом труда может иметь место и соответствие. Важно, что при таком духовном стимуле в качестве ведущего побуждения выступает деятельность во имя общественно-полезного результата труда.

Как духовный стимул к труду может выступать труд ради создания определенной духовной ценности (научное открытие, труд на почве народного просвещения, культурная деятельность, создание художественного произведения) и труд ради общественно-политического результата деятельности (труд революционера, общественно-политическая деятельность), когда такой труд осуществляется не ради его материального вознаграждения.

Но духовный стимул может преследовать и непосредственно материальную цель (создание материальных ценностей для общества: средств производства, предметов потребления, повышение производительности труда, забота об охране общественной собственности и т. п.).

В том случае, когда непосредственной побудительной силой индивидуального труда является общественно необходимый материальный результат, стимул деятельности, направленной на его достижение, выступает в индивидуальном сознании как духовный.

По отношению к индивидуальному сознанию общественный материальный стимул выступает как духовный постольку, поскольку он не преследует цели непосредственного материального вознаграждения данного труда. Для человека субъективно он представляет лишь духовную ценность, удовлетворение сознанием общественной пользы, приносимой его личным трудом. Именно это воодушевляет его на этот труд, сообщает ему увлекательность, придает силы, энергию, одухотворяет его. И такой труд может порождать творческий энтузиазм, вызывать вдохновение.

Два названных духовных стимула к труду (труд как потребность в данном роде деятельности и осознание общественной его значимости) могут сочетаться различным образом.

В труде, который выступает как потребность, как жизненное призвание человека, общественная значимость его может иметь для человека различный субъективный смысл.

Человек может быть субъективно безразличен к тому, что несет обществу его труд. Его привлекает к труду то, что процесс труда доставляет лично ему наслаждение, безотносительно к общественной его ценности.

Человек может осуществлять свой труд и вопреки осознанию его пагубных следствий для общества, вполне отдавая себе отчет в ее роковом исходе. Вот, например, рассуждение на этот счет «отца атомной бомбы» Ю. Р. Оппенгеймера: «Мое суждение сводится к тому, что если перед вами возникает технически интересная проблема, то вы стремитесь к ее решению, не раздумывая о том, что будет с этим потом. Так было и с атомной бомбой».¹⁰

Сам труд может выступать как потребность, как жизненное призвание для человека именно потому и только потому, что в общественной пользе, приносимой этим трудом, он видит и его субъективный смысл. Так, для величайшего из современных мыслителей Карла Маркса, совершившего самостоятельные открытия в каждой области, которую он исследовал, наука сама по себе была далеко не самым главным, отнюдь не самоцелью. Наука для него прежде всего была исторически движущей революционной силой.

«... Маркс был прежде всего революционер, — говорил Ф. Энгельс на могиле К. Маркса, — Принимать тем или иным способом участие в ниспровержении капиталистического общества и созданных им государственных учреждений участвовать в деле освобождения современного пролетариата — вот что было в действительности его жизненным призванием. Борьба был его стихией. И он боролся с такой страстью, с таким упорством, с таким успехом, как борются немногие».¹¹

Во всех названных случаях мы имеем дело с несоизмеримым различием нравственной ценности человеческой личности, осуществляющей этот труд.

И наконец, в качестве духовного стимула индивидуальной деятельности может выступать также деятельность во имя определенного идейного принципа, во имя какой-то вдохновляющей человека идеи, если эта деятельность также не преследует цели материального ее вознаграждения.

¹⁰ См. Р. Юнг, Ярче тысячи солнц, М., 1961, стр. 248.

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избр. соч., т. II., стр. 158.

Духовными побудителями человеческой деятельности могут стать идеи и принципы, лежащие в основе любого из видов духовной деятельности, деятельности и во имя политической идеи, и во имя служения истине, праву, нравственной, эстетической или даже религиозной идее.

Однако такого рода духовные стимулы по существу сводятся к тем стимулам деятельности, которые в качестве своей цели преследуют определенный объективный результат (т. е. к уже вышеприведенным стимулам), хотя это может субъективно и не осознаваться человеком, осуществляющим данную деятельность. Он может свято верить в то, что посвящает себя именно служению идее. Поэтому в данном случае в качестве силы, субъективно побуждающей к деятельности, выступает сама идея. По существу же это только видимость. Так, по убеждению Аристотеля, теоретическая научная деятельность чистого мышления проводится ради ее самой. Человек получает наивысшее удовольствие, высшее наслаждение от самого процесса познания. Поэтому он считает служение истине наиболее совершенной добродетелью.¹² Научная деятельность выступает у Аристотеля как самоцель, наука как чистая наука.

Или, например, когда в 1932 г. в связи с крупными успехами ядерной физики газеты стали шуметь о практическом применении атомной энергии, известный английский физик Резерфорд заявил: «Так не бывает, чтобы экспериментаторы вели свои поиски ради открытия нового источника энергии или ради получения редких или дорогих элементов. Истинная побудительная причина лежит глубже и связана с захватывающей увлекательностью проникновения в одну из глубочайших тайн природы».¹³ Великого физика побуждает к творческим исканиям не связь науки с ее практическим применением, а сама увлекательность процесса познания, поиск истины. Связь науки и практики как побудительная сила для него лично не существует, хотя объективно и главным образом именно эта связь и обуславливает развитие самой науки, совершенно независимо от того, отражена она или нет в головах действующих лиц.

Поэтому Маркс и Энгельс, критикуя в «Немецкой идеологии» идеалистическую концепцию истории, подчеркивают, что представление людей относительно того, что действительные побудительные мотивы их деятельности — это нравственные, политические, религиозные и прочие идеи сами по себе, является иллюзией.

«...если какая-нибудь эпоха воображает, что она определяется чисто «политическими» или «религиозными» мотива-

¹² См. Аристотель. Этика, гл. I, § 3.

¹³ См. Р. Юнг, Ярче тысячи солнц, М., 1961, стр. 57.

ми, — хотя «религия» и «политика» суть только формы ее действительных мотивов, — то ее историк усваивает себе это мнение. «Воображение», «представление» этих определенных людей о своей действительной практике превращается в единственно определяющую и активную силу, которая господствует над практикой этих людей и определяет ее».¹⁴ (Подчеркнуто мной — Т. Р.)

Духовные стимулы человеческой деятельности, труда не самоцель. Социальная функция сознания (в том числе и духовных стимулов) в сложном комплексе общественных связей заключается в том, что оно является духовным средством решения практических жизненных задач, которые стоят перед людьми, и в конечном счете средством удовлетворения совокупности материальных и духовных потребностей людей, духовным средством борьбы за их интересы.

Поэтому духовные стимулы, как и все человеческое сознание не обладают и никогда не могут обладать абсолютной самостоятельностью; они всегда являются лишь выражением каких-то объективных потребностей и звеном на пути к их удовлетворению, т. е. к достижению определенных объективных результатов, каких-то изменений в объективной действительности, даже тогда, когда эта связь непосредственно не видна и самими людьми не осознается.

«Люди всегда были и всегда будут глупенькими жертвами обмана и самообмана..., пока они не научатся за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать интересы тех или иных классов»,¹⁵ — замечает Ленин.

Поэтому самостоятельность духовных целей деятельности может носить лишь относительный характер.

Эта самостоятельность заключается в том, что духовные цели сами по себе обладают силой стимулировать человеческую деятельность субъективно и тем самым содействовать изменению окружающей человека природной и общественной среды в его интересах. Зависимость духовных стимулов от материальных корней, их породивших, и их практическое назначение совершенно не меняется от того, что они обладают относительно самостоятельной силой побуждать поступки, деятельность, труд человека. Эта связь может лишь ускользать от самих людей.

Это значит, что субъективный смысл и объективное содержание и назначение деятельности людей могут не совпадать. Но они же могут совпадать и совпадают лишь в том случае, когда стимулы деятельности основываются на правильном отражении объективных и субъективных условий и объективных результатов деятельности.

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 38.

¹⁵ В. И. Ленин, Соч., т. 19, стр. 7—8.

Чистое познание, познание ради познания, чистое искусство, «искусство для искусства», чистая мораль, мораль ради морали (категорический императив Канта), чистая религия ради религии и т. д. могут существовать только в представлении.

Само представление о том, что это возможно, результат того, что связь между отдельными звеньями в цепи причин и следствий, ведущих от материальных корней духовной деятельности к их объективным результатам, очень сложна, запутана и легко ускользает от наблюдателя. Духовная деятельность и ее побудительные силы, идеи, лежащие в ее основе, отрываются воображением от их корней и объективных результатов и абсолютизируются.

Открыть эту связь и ее закономерности оказалось под силу только марксизму.

Духовные стимулы человеческой деятельности могут сочетаться самым различным образом.

Однако в данном случае среди них интересуют нас именно стимулы моральные и при том не всех человеческих действий и поступков, а в отношении людей к их трудовой деятельности.

Важнейшим составным элементом нравственного сознания являются принципы и нормы общения между членами общественных коллективов, принципы и нормы отношения людей к коллективу, к обществу, т. е. соотношение общественного и личного в поведении людей.

Каждый человек является членом общества, входит в целый ряд социальных общностей (первоначально он является членом рода, племени, затем — класса, сословия, государства, семьи, позднее — нации, может быть членом производственного коллектива и т. д.).

У каждой из названных социальных общностей имеются свои потребности, свои интересы, перед каждой из них стоят определенные общественные проблемы, разрешение которых входит в интересы ее членов. Имеются и проблемы общечеловеческие и классовые, и национальные и групповые, и семейные. Тем самым каждый член общества волей-неволей включен в сложную совокупность общественных отношений между названными видами социальных группировок.

«Индивид есть общественное существо. Поэтому всякое проявление его жизни — даже если оно и не выступает в непосредственной форме коллективного, совершаемого совместно с другими, проявления жизни — является проявлением и утверждением общественной жизни».¹⁶

Поэтому всякая индивидуальная деятельность, в том числе и всякий труд, имеет вполне определенное (большее или меньшее) объективное общественное значение, находится в опре-

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произведений, М., 1956, стр. 510.

деленном отношении к интересам тех социальных общностей, в которые он включен (или в отношения, с которыми он включен), независимо от того, каковы при этом его личные намерения, и от того, как он сам оценивает свою роль.

Всякий труд как абстрактно-всеобщий труд, замечает Маркс, принадлежит к общественной связи, которой не создает отдельный производитель.¹⁷

Но вместе с тем всякая деятельность, всякий труд человека имеет для него и вполне определенный личный смысл, благодаря которому эта деятельность совершается субъективно.

Именно потому, что всякая индивидуальная деятельность включена в определенную общественную связь, является ее частным проявлением, и личный смысл деятельности не может не включать в себя определенного решения человеком для самого себя вопроса о соотношении общественного и личного.

Вот в этом-то определенном типе соотношения общественных и личных интересов, содержащемся в личном смысле деятельности каждого человека, и заключено нравственное содержание его деятельности, ее нравственное качество. Это нравственное содержание деятельности человека проявляется во всем его поведении, во всех поступках, в отношении ко всем сторонам жизни.

Это соотношение личных и общественных интересов в представлении человека о смысле его деятельности и в самой этой деятельности и составляет суть морального стимула его деятельности, его труда.

Определенный принцип отношения к окружающим, к обществу, к коллективу, членом которого является человек, определенный принцип соотношения общественного и личного содержится в каждом стимуле деятельности — и в духовном, и в материальном, к какой бы сфере деятельности он не относился. То есть каждый стимул деятельности имеет определенный нравственный аспект (если рассматривать деятельность человека как целое, и не вырывать из целостной связи отдельных незначительных действий, составляющих звенья общей цепи, и не противопоставлять их целому).

Поэтому нравственной оценке подлежат все виды и все стороны человеческой деятельности, включенные в сферу общественных отношений, но лишь постольку, поскольку в них включен определенный принцип отношения человека к окружающим.

Так отношение к труду в любом обществе выступает как нравственное отношение постольку, поскольку в нем проявляется определенный принцип отношения трудящегося к интересам

¹⁷ К. Маркс, К критике политической экономии, стр. 22.

своего производственного коллектива и класса, членом которого он является, и к классу — владельцу средств производства, и к своему народу, и к общественному и государственному строю, и даже к обществу в целом. Это отношение присутствует даже тогда, когда оно отрицательное, когда интересы общества в труде субъективно игнорируются.

Это нравственное отношение проявляется через отношение трудящегося ко всем компонентам процесса труда. И через отношение к материальным условиям труда, и к самому акту труда, и к продукту труда, и к вознаграждению его, и к тем требованиям, которые трудящийся предъявляет сам к себе и к членам трудового коллектива в труде, проявляется нравственность человека. Соотношение личного и общественного содержится здесь прежде всего в тех мотивах, которым подчинен труд, а затем уже в самой деятельности, в самом труде.

Подобным образом обстоит дело со всеми видами человеческой деятельности. Всякая политическая, юридическая, религиозная, эстетическая и научная деятельность имеет аналогичное указанному нравственное содержание.

Соотношение общественного и личного интересов в мотиве деятельности и соответственно в самой деятельности может быть очень различным. При этом духовные стимулы могут заключать в себе самые разные моральные побуждения, а отнюдь не только высокие моральные мотивы.

Развитие общества явило нам целый ряд различных исторических форм нравственности, каждому из которых свойственен свой тип соотношения общественного и личного интереса. Соответственно нравственное содержание деятельности (к какой бы сфере она не относилась) может составлять тип соотношения личного и общественного, свойственный любой из существовавших и существующих форм нравственности.

Поэтому в качестве нравственных побудителей человеческой деятельности могли и могут выступать могивы и великие и ничтожные, и высокие и низкие, и прекрасные и омерзительные.

Побудительными силами деятельности, составляющими ее главный смысл для человека, могут служить и личная ненависть, и погоня за славой, и карьеризм, и честолюбие, и просто прихоть или каприз. Все это качества, относящиеся к сфере нравственного сознания.

Объективно нравственная ценность любой человеческой личности измеряется тем, чьим интересам сознательно ставит себя на службу своей деятельностью данный человек. Является ли он сам центром собственной вселенной, поставил ли он себя на службу какому-либо узкому кругу лиц (скажем, семье, детям) или же сознательно подчиняет свою деятельность интересам более широкого общественного коллектива, своего класса, нации, народа или общества в целом. (В таком случае

ставится вопрос: что это за коллектив и в каком отношении находятся его интересы с объективным ходом общественного развития).

Самым ничтожным и жалким в нравственном отношении является человек, для которого конечная цель мира — это он сам, который весь мир измеряет узкими рамками своего личного интереса.

Поэтому глубоко прав А. С. Макаренко, когда пишет: «Самое важное, что мы привыкли ценить в человеке, — это сила и красота... Если он удовлетворяется только перспективой своей собственной, хотя бы и далекой, он может представляться сильным, но он не вызывает у нас ощущения красоты личности и ее настоящей ценности. Чем шире коллектив, перспективы которого являются для человека перспективами личными, тем человек красивее и выше».¹⁸

О моральных стимулах к труду, свойственных личности коммунистического склада, свойственных коммунистической морали, может идти речь только тогда, когда источником энергии в труде является сознательное подчинение всей трудовой деятельности человека идее построения коммунизма, когда эта идея действительно стимулирует труд, одухотворяет его.

Подчинение всей трудовой деятельности человека идее создания коммунистического общества является высшим из всех возможных моральных стимулов деятельности потому, что то, что создает такой человек своим трудом, он создает сознательно не ради себя лично и не ради «ближних», а ради «дальних», с ним непосредственно не связанных людей, ради всего общества в целом, десятков и сотен миллионов людей».¹⁹

Это высший из всех возможных стимулов деятельности потому, что здесь осуществляется высшая форма подчинения личного общественному и что это нравственное качество определяет собой, как производные, все остальные качества личности коммунистического склада.

Поэтому не случайно, что партия в своей программе называет «преданность делу коммунизма» первым и важнейшим нравственным принципом строителя коммунизма.²⁰

¹⁸ А. С. Макаренко, О воспитании молодежи, М., 1951, стр. 199.

¹⁹ В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 394.

²⁰ Программа КПСС, стр. 119.

ПРЕДМЕТ МОРАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ

Я. З. Хайкин

Обычное определение морали гласит: «Нравственность или мораль — одна из форм общественного сознания. Нравственность представляет собой совокупность принципов и норм поведения, охватывающих отношения людей друг к другу и к обществу».¹

Как справедливо отмечалось в нашей литературе,² такое определение (как и подобные ему), давая общую характеристику морали, совсем оставляет в стороне вопрос о том, что и как отражает эта форма общественного сознания, что лежит в основе образования определенной группы идеологических отношений, называемых моральными. Хотя вышеприведенное определение не выясняет этого вопроса, мы все же возьмем его в качестве первого приближения.

Итак, принципы и нормы морали охватывают отношения людей друг к другу и к обществу. Вполне понятно, что отношения людей друг к другу (как сфера, в которой наиболее рельефно и ощутимо применение норм морали) являются реализацией отношения человека к обществу, так как при этом в отношение вступает *общественный* человек с *общественным* человеком. «Индивид *есть общественное существо*. Поэтому всякое проявление его жизни — даже если оно и не выступает в непосредственной форме *коллективного*, совершаемого совместно с другими, проявления жизни, — является проявлением и утверждением *общественной жизни*.»³ Следовательно, предметом этического рассмотрения должно быть взаимоотношение человека и общества. Именно из этого взаимоотношения рождаются такие понятия как индивидуализм, эгоизм, коллективизм, альтруизм.

Но взаимоотношения человека и общества определяются прежде всего закономерностями социально-экономического раз-

¹ БСЭ, т. 30, стр. 205.

² См. Г. М. Гак, Учение об общественном сознании в свете теории познания, М., 1960, стр. 87.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произведений, М., 1956, стр. 590.

вития. Поэтому необходимо, хотя бы кратко проследить эту зависимость.

Первобытно-общинный строй с его низким уровнем развития производительных сил имел коллективный характер производства и общественную форму организации труда в виде простой кооперации. Основой первобытно-общинного строя была коллективная собственность на средства производства. В общей собственности той или иной группы людей находилась определенная производственная территория, орудия производства, жилища и т. п. Продукты производства, и прежде всего пищевые продукты, распределялись между всеми членами данного коллектива. По мере роста производительных сил и усложнения производственной жизни усложнялись и формы человеческих коллективов. В них упорядочиваются брачные отношения; коллектив принимает характер родовой общины, основанной на общей собственности на средства производства. В ходе дальнейшего исторического развития возникла и новая форма общности⁴ людей — племя, внутри которого родовые общины были основными общественными и производственными ячейками. В условиях совместного пользования средствами производства и коллективного труда при наличии лишь примитивных орудий труда индивидуальное существование целиком зависело и определялось степенью обеспеченности общественного существования. В этих условиях существование отдельной личности вне коллектива было немыслимо. Но в то же время низкий уровень развития производительных сил ставил границы общности людей. Такие социальные единицы как род, племя противопоставляли себя другим коллективам как чужим и даже первоначально чуждым.

Таким образом, общинный способ производства привел к тому, что «отдельный человек не становится самостоятельным по отношению к общине...»,⁵ а общины (род, племя) выступают как самостоятельные и даже изолированные единицы. В этих условиях господствует принцип, если так можно сказать, *коллективного индивидуализма*. Здесь нет места иному проявлению личности как индивидуальному выражению общности коллектива; здесь нет иной индивидуальности, чем индивидуальность коллектива.

Переход к классово-антагонистическим формациям знаменовал собой качественные изменения во взаимоотношениях личности и общества. Возникновение частной собственности и рас-

⁴ Под общностью понимается любая объективно оформленная социальная единица общества (род, класс, нация и т. п.). «Общность является объективным и не зависящим от сознания и воли людей порождением исторического развития». (Г. М. Гак, Учение об общественном сознании...», стр. 67).

⁵ К. Маркс, *Формы, предшествующие капиталистическому производству*, М., 1949, стр. 18.

кол общества на враждебные классы определили решающую роль новой социальной общности людей (класса) во всех общественных явлениях, придали всем социальным отношениям новое качество — быть политическими отношениями, классовыми. Теперь господствующий класс (будь то рабовладельцы, феодалы или буржуазия) стремится выступить по отношению к эксплуатируемым классам как единое целое. Но частная собственность стимулирует конкуренцию между отдельными представителями господствующего класса (или его группами). «Отдельные индивиды образуют класс лишь постольку, поскольку им приходится вести общую борьбу против какого-нибудь другого класса; в остальных отношениях они сами враждебно противостоят друг другу в качестве конкурентов».⁶ Отдельный представитель господствующего класса стремится ради наживы максимально противопоставить себя общности социальной группы, к которой он принадлежит. Степень этого противопоставления зависит от экономических условий той или иной общественной формации; кроме того, это противопоставление в силу объективных законов общественного развития не беспредельно. Но оно является безусловно тенденцией развития всех эксплуататорских формаций, а капитализм — вершиной развития этой тенденции и ее концом.

Таким образом, для членов господствующего класса характерен принцип *индивидуалистического коллективизма*. Здесь каждая личность выступает по отношению к другой с позиции индивидуализма; и только против враждебного класса рабовладельцы, феодалы или буржуазия выступают как коллектив.

Но если для господствующих классов эксплуататорских формаций коллективизм порождали условия их господства, а конкурентная борьба была способом их существования, то для эксплуатируемых коллективизм мог быть результатом только революционной борьбы против угнетателей, тогда как индивидуализм служил преградой на пути к этому.

Уже первый эксплуатируемый класс — рабы, с первыми проблесками сознания своего бесправия стихийно становился на путь сплочения и единства в борьбе против рабовладельцев (восстания рабов в Сицилии во II в. до н. э., восстание Спартака, восстание против циньской династии в Китае в III в. до н. э. и др.) Но эта борьба эпизодична, она не выходит за рамки местного значения, ибо рабы жили в условиях воспроизводства конкурентной изолированности. Они не были носителями новых общественных отношений и могли только идеализировать утраченное прошлое. Поэтому и идеалы их обращены назад, в «золотой век» первобытной жизни.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 54.

Шире и глубже выступления крепостных против феодалов (Жакерия во Франции, крестьянские войны под руководством Болотникова, Разина, Пугачева и др.). Но и их борьба обречена на поражение. В качестве класса, не имевшего объективной возможности изменить характер общественных отношений, они могут только желать «свободно развивать и укреплять свои уже имевшиеся налицо условия существования»,⁷ то есть опять-таки остаться в условиях воспроизводства той же конкурентной изолированности.

И только появление на мировой арене пролетариата создает материальные условия для формирования подлинной классовой солидарности. «Конкуренция изолирует друг от друга индивидов — не только буржуа, но еще более пролетариев, несмотря на то, что она сводит их вместе. Поэтому проходит не мало времени, пока эти индивиды сумеют объединиться, не говоря уже о том, что для этого объединения, — если ему не предстоит остаться лишь местным, — крупная индустрия должна сперва создать необходимые средства, а именно крупные промышленные города и дешевые, быстрые пути сообщения».⁸ Мучителен и долготен этот непрекращающийся, все развивающийся процесс превращения индивидов в классово-сознательную армию, процесс формирования подлинного коллективизма угнетенных.

Развитие пролетарской солидарности в недрах капиталистического общества проходит два этапа: первый — созревание пролетарского сознания солидарности и дружеской взаимопомощи в ходе стихийной классовой борьбы до создания марксистской партии; второй — с создания марксистской партии, когда коллективные цели и задачи борьбы против буржуазии становятся осознанно политическими целями и задачами.⁹

Таким образом, для пролетариата характерно развитие принципа *коллективизма* в его самом последовательном выражении. Здесь каждая личность в состоянии противостоять эксплуататорам только в коллективе своего класса. Но до завоевания политического господства пролетариат делает лишь первые шаги к полному коллективизму. «Сила пролетариата в том и состоит, что его численность и сплоченность увеличивается в силу самого процесса экономического развития, тогда как среди крупной и мелкой буржуазии все усиливается разрозненность и раздробленность интересов».¹⁰ Из сказанного видна диаметрально противоположность тенденций развития буржуазии и пролетариата. Если для буржуазии характерно стремление к индивидуализму с максимальным «освобождением» от

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 78.

⁸ Там же, стр. 61.

⁹ См. Г. Цонков, Коллективизмът — основна черта на комунистическия морал, «Философска мисъл», 1960, № 6.

¹⁰ В. И. Ленин, Соч., т. 6, стр. 198.

коллективизма, то для пролетариата характерно стремление к коллективизму, условием расцвета которого является «обуздание» индивидуализма отдельных членов своего класса.

Завоевание пролетариатом политического господства придало его коллективизму новое качество. Установление диктатуры пролетариата и союз пролетариата с крестьянством знаменовали собой новый этап в упрочении солидарности большинства (трудящихся) в борьбе против эксплуататоров (меньшинства). Победа социализма и развернутое строительство коммунизма превратили все общество в такую ассоциацию, где каждый человек обретает свободу посредством всех форм коллективности, а сама ассоциация является частью союза ассоциаций — лагеря социализма. Таким образом, эти новые взаимоотношения личности и общества стали выражаться постепенно развивающимся принципом, так сказать *всеобщего коллективизма*.

После этого краткого рассмотрения проблемы соотношения личности и общества в различных социально-экономических формациях нам кажется необходимым обратить внимание на следующее. В научной литературе по философии иногда встречаются положения, различно трактующие значение проблемы соотношения личности и общества для этики. Так, например, С. С. Уткин в курсе лекций по этике пишет, что вопрос о соотношении личности и общества является необходимым условием существования этических проблем, но, что «сосредоточивая внимание этики на нем, невозможно научно раскрыть сущность морали, ее классовый характер...».¹¹ В то же время автор вынужден обращаться к этическому аспекту взаимоотношений личности и общества, признанных им бесполезными для исследований морали. Думается, что отрыв проблем этики от проблемы соотношения личности и общества свидетельствует скорее о незавершенности анализа, чем о порочности исследования, основывающегося на органической их связи.¹²

Взаимоотношения личности и общества представляют собой тот стержень, на который нанизываются свойства всех общественных отношений людей. Эти общественные отношения и являются предметом моральной оценки. Но предмет моральной оценки и сама моральная оценка не одно и то же. Сущность морали можно понять только тогда, когда мы установим специфику предмета моральной оценки. Важный вывод в этом направлении сделал Ф. А. Селиванов, поставив вопрос о мораль-

¹¹ С. С. Уткин, Основы марксистско-ленинской этики, Ростов н/Д, 1961, стр. 21.

¹² Проф. А. Ф. Шишкин пишет: «Отношения личности к обществу, сочетание личного и общественного интереса всегда были главной проблемой этики». («Основы марксистской этики», ИМО, 1961, стр. 10).

ном качестве общественных отношений.¹³ Значит, для того, чтобы вскрыть сущность морали, нужно установить, какую сторону (свойство) общественных взаимоотношений людей (соотношения личности и общества) она как форма общественного сознания отражает.

Принципиальный ответ на этот вопрос был дан основоположниками марксизма. Еще в «Немецкой идеологии» К. Маркс и Ф. Энгельс писали: «Одни и те же условия, одна и та же противоположность, одни и те же интересы должны были в общем повсюду создать также одни и те же нравы».¹⁴ Этим была установлена зависимость нравов от материальных условий существования общества и интересов, господствующих в нем. Но интересы сами производны от экономических отношений: «Экономические отношения каждого данного общества проявляются прежде всего как *интересы*».¹⁵ В. И. Ленин прямо выводил мораль из классовых интересов: «Наша нравственность выводится из интересов классовой борьбы пролетариата».¹⁶

Мы уже видели, что экономические отношения каждой общественной формации обуславливают соответствующее этим отношениям соотношение личности и общества. Теперь мы должны будем сделать уточняющий вывод: это соотношение личности и общества имеет одной из своих сторон (свойств) соотношение интересов, которое и придает всем общественным отношениям моральное значение.

Моральное свойство общественных отношений объективно. Эта объективность есть проявление объективного характера общественно-исторической практики, в процессе которой люди не только взаимодействуют с объективным миром, но и находятся в определенных общественных отношениях. Эти общественные отношения и все их свойства определяются объективно-закономерными процессами общественного развития. От человеческого сознания, отражающего свойства общественных отношений, зависит степень адекватности отражения и, следовательно, успех сознательно-целесообразной преобразующей деятельности. Выступая как определенная сторона общественных отношений в форме производных от экономических отношений «интересов», моральное свойство проявляется независимо от сознания и воли участников взаимоотношения. Разумеется, это не исключает, а, наоборот, предполагает сознательный и волевой характер морального поведения, которое отражает объективное свойство общественного отношения.¹⁷

¹³ См. Ф. А. Селиванов, *Этика. Очерки*, Томск, 1961, стр. 34.

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, *Соч.*, т. 3, стр. 53.

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, *Избранные произведения*, т. 1, стр. 575.

¹⁶ В. И. Ленин, *Соч.*, т. 31, стр. 266.

¹⁷ Нельзя согласиться с выводом Я. Энгста («Некоторые проблемы научной этики», ИЛ, М., 1960) о том, что «общественные отношения являются

В этой статье мы не будем специально останавливаться на раскрытии сущности интереса, так как это довольно подробно и убедительно сделано проф. Г. М. Гаком и А. Г. Здравомысловым.¹⁸ Однако, для достижения цели нашего анализа крайне необходимо вскрыть связь между интересами личности и интересами общности, то есть вскрыть сущность соотношения интересов в обществе. По этому поводу К. Маркс и Ф. Энгельс писали: «Коммунисты-теоретики... открыли тот факт, что всюду в истории «общий интерес» создается индивидами, которые определены в качестве «частных людей». Они знают, что эта противоположность является лишь *кажущейся*, потому что одна из ее сторон, так называемое «всеобщее», постоянно порождается другой стороной, частным интересом, а отнюдь не противостоит последнему как самостоятельная сила, имеющая самостоятельную историю, — так что эта противоположность практически все снова уничтожается и вновь порождается. Мы имеем здесь, следовательно, не гегелевское «отрицательное единство» двух сторон противоположности, а материально обусловленное уничтожение прежнего, материально обусловленного, способа существования индивидов, с исчезновением которого исчезает и эта противоположность с ее единством».¹⁹

Это значит, что: во-первых, соотношение интересов личности и общности материально обусловлено и потому подлежит изменению с изменением способа производства; во-вторых, это соотношение интересов имеет постоянный «уровень», который соответствует данному способу производства; в-третьих, соотношение

лишь предметом нашей моральной оценки, но вовсе не носителем морального качества, независимого от человеческого сознания», «...а то, что мы приписываем им моральное качество, является результатом *нашей* моральной оценки, приписыванием нами им морального качества только *ex post*» (стр. 85).

Думается, что автор допустил две ошибки: во-первых, критикуя объективный идеализм, он забыл об опасности субъективного идеализма, ибо порок объективного идеализма не в признании им объективного, а в превращении всякого объективного в духовную субстанцию. В данном случае идеализм объективирует моральные идеи (в том числе оценки). Он открывает их от материального бытия, которое для идей *должно* иметь объективно реальные свойства, стороны (дело не в названии), т. е. тот объективный мир, субъективным образом которого (снимком, слепком и т. п.) являются моральные оценки, если они в руках философа не хотят превратиться в субъективистские. Во-вторых, автор не учел, что оценка *ex post* есть только субъективный момент в диалектической связи субъективное-объективное.

¹⁸ См. Г. М. Гак, Общественные и личные интересы и их сочетание при социализме, «Вопросы философии», 1955, № 4; Г. М. Гак, Учение об общественном сознании в свете теории познания, М., 1960, стр. 63—72; А. Г. Здравомыслов, Категория интереса в марксистской социологии, канд. дис., 1959. А. Г. Здравомыслов определяет интерес как «непосредственное выражение производственных отношений данного общества в практической деятельности людей, причем, если производственные отношения представляют собой содержание интереса, то идеальные, побудительные силы являются необходимой формой его существования» (стр. 197).

¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 236.

интересов личности и общности представляет собой соотношение «всеобщего» и «единичного». Всеобщее не является стороной, оторванной от единичного.

Последнее нуждается в разъяснении. Интерес общности (например, класса) существует объективно и является продуктом природы и условий существования данного класса. Но интерес класса не является самостоятельной, противостоящей силой по отношению к интересам личностей, являющихся членами этого класса. «Общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое отдельное есть (так или иначе) общее. Всякое общее есть (частичка или сторона или сущность) отдельного. Всякое общее лишь приблизительно охватывает все отдельные предметы. Всякое отдельное неполно входит в общее и т. д. и т. д.»²⁰ Отсюда должно быть ясно, что без объективной связи между интересами индивидов и интересами общности нельзя было бы и говорить об интересе класса. Поэтому интересы индивидов имеют определенную объективную сторону, принимающую участие в формировании общего интереса. Диалектика общего и отдельного в данном случае раскрывает сущность соотношения интересов личности и общности и позволяет выделить из интересов личности ее субъективную сторону — личные интересы. (Мы говорим о личных интересах как о субъективных только в отношении интереса общности. В других же отношениях эта субъективная сторона сама объективно обусловлена: объективными условиями жизни данного индивида, его воспитанием и т. п.) Эта же диалектика позволяет нам вскрыть два главных противоречия внутри интереса личности: а) противоречие индивидуального и общественного, б) противоречие субъективного и объективного.

Итак, мы установили:

1) Специфика морали как формы общественного сознания коренится в соотношении интересов личности и общности или интересов личностей; последнее представляет собой частный случай первого.

2) Соотношение интересов личности и общности является стороной (свойством) общественных взаимоотношений людей; те взаимоотношения людей, у которых эта сторона отсутствует, к сфере морали не относятся.

3) Соотношение интересов личности и общности имеет определенный исторический характер.

Эти выводы позволяют нам рассматривать мораль как форму общественного сознания, отражающую ту сторону общественных взаимоотношений людей, которая проявляется в форме соотношения интересов личности и общности в определенно-исторических условиях.

²⁰ В. И. Ленин, Соч., т. 38, стр. 359.

НОРМЫ ПРАВА И МОРАЛИ И ИХ СВЯЗЬ ПРИ ПЕРЕХОДЕ К КОММУНИЗМУ

Я. З. Хайкин

В социальной области развернутое строительство коммунизма в нашей стране означает дальнейшее перерастание социалистических общественных отношений в коммунистические. «К коммунистическим общественным отношениям нет иного пути, кроме развития и совершенствования социалистических отношений».¹ В связи с этой закономерностью общественного развития вполне очевидна все возрастающая роль «сознательной организации производства и всей общественной жизни» (Программа КПСС). В качестве мощного оружия для воздействия на все сферы жизни общества выступают социальные нормы, приобретающие такую регулирующую, творческую силу, о которой в эксплуататорских, стихийно развивающихся, формациях не могло быть и речи.

Ведущую роль в сознательной деятельности партии, государства, народных масс по преобразованию общества играют нормы права и морали. Эффективность этих инструментов в строительстве коммунизма будет тем больше, чем слаженнее и четче они будут решать одни и те же задачи. Поэтому вопрос о соотношении норм права и морали в период перехода к коммунизму приобретает особое значение.

Рассмотрение характера соотношения норм права и морали включает в себя два взаимосвязанных аспекта: во-первых, установление единства и противоположности (единства и различия) этих норм и, во-вторых, раскрытие характера взаимодействия, которое делает нормы права и морали одновременными регуляторами определенных общественных отношений. В данной статье мы рассмотрим только первый аспект соотношения норм права и морали. Ясно, что для этого нам необходимо предварительно установить все те качества и свойства норм (как в их форме, так и в содержании), которые определяют взаимную связь моральных норм с правовыми.

¹ Н. С. Хрущев, Отчет ЦК КПСС XXII съезду КПСС, Материалы XXII съезда КПСС, стр. 82.

ХАРАКТЕРИСТИКА НОРМ ПРАВА

Хотя нормы морали исторически предшествуют нормам права, последние обладают большей формальной определенностью, отличаются сравнительно четкой фиксацией отражаемых и закрепляемых объектов регулирования.² Поэтому анализ мы начнем с норм права.

Норма права — правило поведения, выражающее волю господствующего класса в определенных исторических условиях (в социалистическом обществе — волю всего народа) и охраняемое принудительной силой государства. Общеизвестны формальные признаки правовой нормы: она устанавливается только государством, имеет определенную форму выражения (закон, постановление, указ и т. п.), введение ее в действие сопровождается определенной процедурой (опубликование, установление времени и места применения и т. д.), выполнение обеспечивается силой государственного принуждения.

Многие наши юристы уже давно пришли к выводу, что каждая норма права состоит из трех частей: гипотезы, диспозиции и санкции. В связи с тем, что норма права, как правило, не совпадает со статьями закона, элементы правовой нормы не всегда бывают очевидны. Однако правильный логический анализ правовых актов обязательно раскроет все элементы правовой нормы.³ Но степень определенности элементов правовой нормы может быть различной.

Для норм права эксплуататорских государств характерны три степени определенности их элементов: определенные, относительно определенные, неопределенные. Эти степени определенности, сосуществуя рядом, являются результатом исторического развития каждого типа эксплуататорского права. Когда тот или иной господствующий класс творит право в период восходящего развития, он склонен вполне определенно формулировать свои правовые требования; но стоит только ему почувствовать угрозу своему благополучию, как он переходит к правовому регулированию на основе относительно определенных или совсем неопределенных элементов норм права. Особенно ярко эта тенденция проявляется в период разложения эксплуататорской формации. Здесь наиболее заметно использование неопределенных частей правовых норм. Неопределенная гипотеза позволяет господ-

² Под регулированием мы понимаем все формы воздействия общества или определенной общности посредством социальных норм на сознательную деятельность людей. Регулирование — один из аспектов обратного воздействия общественного сознания на бытие.

³ Проф. П. Е. Недбайло пишет: «Только при наличии всех трех элементов мысль законодателя, хотя бы и высказанная в разное время, является правовой нормой. В противном случае это будет или часть нормы, или положение неправового характера». (Применение советских правовых норм, Госюриздат, 1960, стр. 67.)

ствующему классу использовать свою власть в любых условиях, пренебрегая формальными определениями права; неопределенная диспозиция — квалифицировать любое действие как преступное; неопределенная санкция — чинить расправу над своими классовыми противниками по произволу. Яркой иллюстрацией сказанного являются такие диспозиции в нормах права США как «подрывная деятельность» (закон Маккарэна-Вуда 1950 г.), «явно и налицо существующая опасность» (решение Верховного суда США в 1951 г., признавшее конституционность закона Смита). Не отстают от своих заокеанских коллег и боннские мракобесы. В 1951 г., например, был принят так называемый «Блитц-закон», введший состав преступления — «действия, угрожающие государству.»

Но какой бы характер ни носила структура нормы права, сущность ее остается неизменной: выражая волю господствующего класса, она требует определенного поведения, служит мерой и критерием оценки поведения с позиций интересов этого класса. Выражение этой сущности нормы права не всегда очевидно. Дело в том, что наиболее глубоко и всесторонне сущность права проявляется в целом, то есть во всей системе права, тогда как каждая отдельная норма права может быть либо более особенным, либо более всеобщим выражением своей «родовой жизни», то есть системы права. Если нормы права регулируют существенные, коренные отношения общественной жизни (отношения собственности, политические и др.), то враждебность этих норм интересам эксплуатируемых достаточно ясна. Но есть такие нормы права, которые регулируют как бы нейтральные для классовых интересов отношения (например, отдельные процессуальные, административные действия) или даже направлены против антиобщественного поведения отдельных лиц (например, хулиганов). Классовая сущность этих норм, обнаруживается, как правило, в процессе их применения. Тогда вдруг оказывается, что хулиган может быть безнаказан, если он выполняет волю своих хозяев (пример — расистские выступления в США), что простое «техническое» правило вдруг «мешает» трудящемуся осуществить свои права и т. д. Иными словами, как только та или иная «безобидная» правовая норма становится фокусом столкновения классово-враждебных интересов, она показывает оскал эксплуататора, стоящего на ней.

Каждая норма права регулирует не однократно возникшее отношение, а рассчитана на неопределенное число типичных случаев. То есть норма действует всякий раз, когда возникнут обстоятельства, предусмотренные нормой. Это определяет характер отвлечения (абстрагирования) нормы права от конкретных условий ее применения. Норма права абстрактна, так как она отвлекается от этих условий; она является общим правилом

для всех лиц или лиц определенной категории. Для нее безразлично, кто (в пределах субъектов права), когда (в пределах времени действия нормы) подпадает под ее действие. Но эта абстракция такого уровня, предела, который позволяет сравнительно легко перейти к конкретному представлению о регулируемом отношении, к представлению об обстоятельствах, при которых только и возможно применение нормы. Но лишь в процессе своей реализации, в возникшем правовом отношении норма права приобретает конкретно-практический характер.

Предметом правового регулирования являются общественные отношения. В эксплуататорских формациях естественно стремление господствующего класса «проникнуть» во все сферы жизни общества. В то же время, поскольку норма права выступает как внешняя сила, она объективно ограничена спецификой регулируемого отношения. Имея дело только с явлениями, норма права может воздействовать лишь на те аспекты общественных отношений, которые по своей природе обладают внешней стороной. (Юридическое выражение связи нормы права с общественными отношениями — юридический факт.) Законодатель может «привязать» норму права только к таким общественным отношениям, где возможна четкая фиксация событий и действий, выступающих в качестве явлений, связь которых с сущностью данного общественного отношения выступает как единственно необходимая. Ясно, что всякая попытка пренебречь этой границей правового регулирования ведет к несправедливости, произволу. По существу это и делают империалистические государства, стремясь избавиться от своих же «незыблемых» принципов былого «демократического» права.

Связь правовой нормы с внешней стороной общественного отношения определяет и критерий правовой оценки. Норма права всегда требует определенного поведения (действия или воздержания от действия) от участников регулируемого отношения. «Лишь постольку, поскольку я *проявляю себя*, постольку я вступаю в область действительности, — я вступаю в сферу, подвластную законодателю. Помимо *своих действий* я совершенно не существую для закона, совершенно не являюсь его объектом. Мои действия — это единственная область, где я сталкиваюсь с законом... и в силу чего я, таким образом, подпадаю под власть *действующего права*».⁴ Это, естественно, не значит, что для действующего права безразличны мотивы, внутренние побуждения, участников отношения; но внутренние побуждения сами по себе, независимо от действий, не могут сделать человека объектом права, они могут учитываться правом только после подпадения действий под его власть. Поэтому основанием

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 14—15.

для оценки поведения людей с точки зрения нормы права являются их действия.

Общественные отношения многосторонни. Они выступают в самых различных связях и направлены на удовлетворение самых различных потребностей общественно-исторической практики человека. Для регулирования этих отношений государство при помощи норм права должно поставить участников отношений под свой контроль. С этой целью оно наделяет участников отношения формальными правами и обязанностями, связывая их таким образом невидимой нитью между собой и подчиняя обоих своему классовому интересу. Обращая внимание на специфику правового регулирования, Ф. Энгельс писал: «Внутри родового строя не существует еще никакого различия между правами и обязанностями; для индейца не существует вопроса, является ли участие в общественных делах, кровная месть или ее выкуп правом или обязанностью; такой вопрос показался бы ему столь же нелепым, как и вопрос, что такое еда, сон, охота — право или обязанность?»⁵ Установление связи нормы права с общественным отношением формирует последнее, придает ему форму правового отношения. Здесь норма права переходит от своего абстрактного существования к конкретным условиям жизни общества. Этот «механизм» правового регулирования общественных отношений позволяет нам утверждать, что содержанием нормы права является правило поведения, регулирующее общественное отношение в форме государственного предписания.⁶ Элементами содержания являются субъекты, объект отношения, права-обязанности.

Специфическую часть содержания норм права составляют права-обязанности. Именно здесь должна обнаружить себя внутренняя диалектическая противоречивая сущность норм права.

В домарксистской философии наиболее глубоко вскрыл диалектическую связь права и обязанности Гегель. Во-первых, он подметил, что «человек обладает... правами постольку, поскольку у него есть обязанности, и у него есть обязанности постольку, поскольку он обладает правами». И далее: «Если бы у одной стороны были все права, а у другой — все обязанности, то целое распалось бы...».⁷ Так Гегель фиксировал единство права и обязанности. Во-вторых, рассматривая обязанность как поведение человека в отношении всеобщего права, а субъективное право как проявление всеобщего права, Гегель констатировал распределение формальных прав и обязанностей между различными сторонами или лицами. На этом основании Гегель

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, стр. 291—292.

⁶ Заметим, что если в качестве элементов содержания нормы права рассматривать ее логические части (гипотезу, диспозицию, санкцию), то формой их связи будет правило поведения.

⁷ Гегель, Философия права, Соцэкгиз, 1934, стр. 188, 189.

фиксировал противоположность субъективных прав и обязанностей. Но то, что государство требует как обязанность, по Гегелю, есть одновременно непосредственное право личности. Так Гегель устанавливал переход обязанности в право.⁸ Однако эти положения Гегеля покоились не только на искусственной идеалистической конструкции саморазвития абсолютного духа, но и выражали стремление представить государство как гармоничное единство «всеобщности и особенности», как силу, выражающую «народный дух».

Только марксистская философия смогла вскрыть действительный характер соотношения права и обязанности, действительное противоречие между ними в классовом антагонистическом обществе. Ф. Энгельс писал: «Конечно для буржуа закон свят: ведь он является его собственным творением, издан с его согласия для защиты его личности и его интересов. Буржуа знает, что если один какой-нибудь закон и причиняет ему неудобства, то все законодательство в целом направлено к защите его интересов, а главное, что святость закона, неприкосновенность порядка, установленного активным волеизъявлением одной части общества и пассивным другой, является самой надежной опорой его социального положения. Английский буржуа находит в законе, как и в своем боге, самого себя и потому закон для него свят, потому и дубинка полицейского, которая в сущности является его дубинкой, обладает такой поразительной умиротворяющей силой в его глазах. Но, конечно, не в глазах рабочего. Рабочий слишком хорошо знает, он слишком часто испытал на опыте, что закон для него — кнут, сплетенный буржуазией, и потому он прибегает к закону только в том случае, когда его к этому вынуждают... Рабочие не почитают закона, а лишь подчиняются ему, когда они не в силах изменить его...»⁹

Норма права, формально адресуемая ко всем членам общества, провозглашает равенство всех перед ней. Но она выражает интерес эксплуататоров. Поэтому отношение к ней членов классового общества различно. Реализуя общий интерес господствующего класса, норма права преследует цель навязать свою волю эксплуатируемым, заставить их подчиниться интересу своих классовых противников. Это цель принуждения и устрашения. Будучи же обращенной к представителям того класса, чьим творением она является, норма права не противостоит им, так как она служит им дважды: как защитница общего интереса и как гарант достижения личного. Коллизия индивидуального и общего интереса, субъективного и объективного в данном случае несущественна.

Это положение участников правового отношения определяет

⁸ См. там же, стр. 271, 273.

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 2, стр. 451.

характер связи предписываемых им нормой права действий с их внутренними побуждениями. Для эксплуататора его субъективное право есть способ достижения своего личного интереса и поэтому лежит в сфере желаемого. Обязанности же, которые возлагаются на него нормой права, если даже и причиняют ему неудобство, по существу, принимают смысл защиты его же интереса и поэтому лежат в сфере должного. В этом случае прав Гегель, утверждая, что субъективная обязанность переходит в объективное право. С точки зрения этики здесь мы наблюдаем положение, при котором соотношение интересов личности и общности, возникающее в правоотношении, в глазах буржуа является моральным, соответствующим его моральным представлениям.

Иное дело, когда речь идет об эксплуатируемых. Для пролетария его субъективные права остаются формальными; он испытал на опыте, что им желаемое фактически недостижимо. Поэтому он старается не прибегать к закону. Что же касается его обязанностей, то он вынужден их выполнять не потому, что он хочет этого, а потому что его принуждают к этому. Становясь фактически носителем только обязанностей, он чувством познает лишь диалектику перехода прав в обязанность. Здесь мы наблюдаем положение, при котором интересу личности пролетария враждебно противостоит интерес общности эксплуататоров, а это не может не служить основанием для признания пролетариатом аморальности буржуазной нормы права.

Мы не рассматриваем того важного комплекса вопросов, который раскрыл бы сущность правоотношения как одного из видов идеологических отношений.¹⁰ Однако вопрос о порядке формирования норм права и правоотношений в свете задач настоящей работы имеет определенное значение. Важно установить, что чему предшествует — норма права правоотношению или наоборот. Этот вопрос иногда поднимается в юридической литературе. Наряду с безапелляционными утверждениями о первичности норм права и вторичности правоотношений, некоторые авторы не могут не считаться с фактами, противоречащими этой схеме.¹¹

Однако, все авторы единодушны в том, что и норме права и правоотношению, независимо от порядка их возникновения, должно предшествовать правовое сознание. Это безусловно правильно. Но обязательно ли норма права должна возникнуть прежде правоотношения? По-видимому, решение этого вопроса заключается в следующем. Идеально функционирующее право

¹⁰ Подробный анализ идеологических отношений см. В. П. Тугаринов, Соотношение категорий исторического материализма, изд. ЛГУ, 1958, стр. 75—93.

¹¹ См., например, С. Ф. Кечекьян, Правоотношения в социалистическом обществе, изд. АН СССР, 1958, стр. 27.

творится по схеме: правовое сознание — норма права — правовое отношение. (При этом конечно ясно, что правовое сознание не падает с неба, а есть специфическая форма отражения бытия.) Но если законодатель в силу объективных или субъективных причин отстает от требований времени, то в этой схеме могут произойти перебои. Правовые отношения являются идеологическими отношениями. Но они могут осуществляться как в сфере общественного бытия, так и в сфере духовных процессов жизни. Сфера бытия первична по отношению к той части надстройки, в которую входят нормы права. Поэтому правовые отношения, возникшие здесь, могут предшествовать нормам права. Опыт показывает, что именно в области экономических и социальных отношений возникали в ходе крупных социальных преобразований новые правовые отношения до формулирования соответствующих правовых норм. Иначе обстоит дело с формированием правоотношений в сфере духовной жизни. И сама эта сфера, и нормы права производны от общественного бытия. Поэтому здесь для признания того или иного отношения правовым необходима норма права. В самом деле, трудно представить себе, скажем, правоотношение, возникшее по поводу диффамации, без соответствующей нормы права.

ХАРАКТЕРИСТИКА НОРМ МОРАЛИ

Норма морали — правило поведения, сложившееся в определенной социальной общности (в классовом обществе — главным образом внутри класса) и определяющее характер взаимоотношения людей на основе требований, предъявляемых к ним данной общностью. Легко можно усмотреть такие формальные признаки нормы морали: она складывается в общности постоянно в процессе общежития; не имеет определенной формы выражения (содержится в сознании людей); возникнув, распространяется и закрепляется постепенно, по мере осознания ее полезности членами данной общности; выполнение обеспечивается воздействием общественного мнения.

Для характеристики норм морали целесообразно представить их в какой-либо определенной форме выражения. Богатый материал дают народные пословицы. Среди них очень много правил поведения, содержащих моральные повеления. Правда, нужно учитывать, что не каждая пословица отвечает требованиям нынешнего времени, но это сосуществование умиравшего старого и формирующегося нового только подчеркивает процесс развития морали в борьбе с пережитками прошлого и чуждым классовым влиянием.

Анализ норм морали в форме пословиц (да и не только в этой форме) приводит к выводу, что каждая норма имеет свою внутреннюю структуру. Взять, например, правило: «Сам про-

падай, а товарища выручай». Норма требует помощи товарищу в беде всеми силами, вплоть до самопожертвования. Легко эту норму представить в таком виде: если мой товарищ попал в беду (гипотеза), то я должен всеми силами, даже не щадя своей жизни, помочь ему (диспозиция). Если я так не поступлю, то буду морально осужден (санкция). Норма морали здесь как бы сжата в формулировке, но применяющий всегда имеет возможность ее развернуть.

Понятно, что норма морали является отвлеченным, абстрактным выражением того правила, которое она предписывает. Такое обстоятельство и позволяет применить норму ко всем аналогичным случаям. Но за этим отвлечением стоит конкретное представление о конкретной жизненной ситуации, в которой только и может быть применена эта норма.

В связи с этим следует отграничить нормы морали, с одной стороны, от обычаев и принципов морали, с другой. Норма морали в процессе своей реализации приобретает конкретно-практический характер. При первобытно-общинном строе эти нормы посредством многократного повторения однообразных поступков людей приобретали самостоятельную жизнь — становились обычаем, традицией, входящей в привычку. В этом случае нормы морали приобретают конкретную форму, а «если форма просуществовала в течение известного времени, она упрочивается как обычай и традиция...».¹² В классовом обществе природа обычая остается прежней. В нашей литературе принято рассматривать обычай как самостоятельный вид социальных норм. Такая постановка вопроса правильна, если учитывать только различия между социальными нормами по форме. Но по содержанию обычай не может быть оторван от того корня, на котором он вырастает, то есть от норм морали. В результате приобретенной самостоятельности обычай может показаться независимым от морали. Но раскрытие его сущности всегда приведет к раскрытию тех общественных и моральных отношений, которые дали ему жизнь. Иначе обстоит дело с привычками. Привычки так же закрепляются в силу их многократного повторения. Но будучи автоматизированным элементом поведения человека, они могут и не иметь морального содержания.

Принципы морали — это ее исходные требования и руководящие начала. Они представляют собой высшую степень абстракции тех свойств общественных отношений, на которые непосредственно опирается мораль данной общности или общества в целом; они выводятся методом изолирующей абстракции. При этом отвлечение в нормах морали представляет собой более конкретное построение по сравнению с отвлеченностью принци-

¹² К. Маркс, Капитал, т. III, изд. 1951, стр. 806.

пов. Поэтому, будучи более абстрактными по сравнению с нормами, но абстрагируясь от той же основы, на которой формируются эти нормы, принципы как бы пронизывают собой все закрепляемые моралью отношения; они выражают различные аспекты этих отношений. Их значение заключается в том, что они, являясь наиболее глубоким выражением сущности моральной системы, служат критерием для оценки конкретных норм морали и помогают их формированию.

В качестве предмета регулирования для норм морали выступают общественные отношения. Но в сферу морали они попадают не по сознательному установлению (как это происходит с правом), а независимо от желания людей, в силу проявления в общественных отношениях объективных интересов. Характер проявления интересов определяет сам характер регулирования, осуществляемый нормами морали. Известно, например, что отношение к труду является одним из важнейших критериев морали. Многочисленные нормы морали регулируют это отношение. Но сам процесс труда не является предметом морали. Здесь через труд, опосредованно, оценивается и регулируется отношение человека к человеку, человека к обществу. То же можно сказать и о природе, когда она становится предметом общественного интереса.

Иногда предмет норм морали может быть скрыт еще глубже. Например, истязание животных всегда рассматривается как поведение аморальное. Может быть животные находятся под покровительством интересов общности? Иногда бывает и так. Но, как правило, общность или общество безразличны к ним. В этом случае человек, истязая животных, ставит под контроль морали свои душевные качества, он как бы демонстрирует потенциальные возможности садизма, жестокости и в отношениях с человеком. Так моральная оценка дается поведению человека вне непосредственного общественного отношения.

В ряде случаев нормы морали рассматривают свой предмет менее дифференцированно, чем нормы права. Моральная норма из предмета регулирования берет под свой контроль самое главное, существенное, то есть то, что является «моральным стержнем» данного отношения. Поэтому для нее важны не детали, не побочные обстоятельства, а главное — нравственно или аморально то или иное поведение. Можно, например, сопоставить четкость регламентации ответственности, устанавливаемой нормами права, за воровство, исходя из видов хищения, различной роли лиц, которые могут прямо или косвенно участвовать в хищении, с моральными оценками: «Лучше свое отдать, чем чужое взять», «Вору потакать — все равно, что воровать». Таким образом, можно утверждать, что нормы морали имеют не только свой предмет регулирования (совпадающий или несовпадаю-

щий с правовым), но и во многих случаях специфически подходят к нему.

Всякая норма морали требует определенного поведения. Человек, стремящийся выполнить это требование, *должен* поступить в соответствии с данным требованием. На страже этого требования стоит общность. Общность или общество в целом рассматривает поведение индивидуума в моральном плане только как выполнение или невыполнение долга перед нею. Таким образом, специфическим элементом содержания любой нормы морали является требование долга.¹³

Домарксистская философия тщетно пыталась раскрыть сущность долга.¹⁴ Решение проблемы долга оказалось под силу только марксистской этике. Кладя в основу понимания долга определяющую роль объективных условий, марксистская этика рассматривает должное как общественное необходимое. Нравственный долг — «это осознанная необходимость определенных поступков, диктуемая потребностями общественных отношений».¹⁵

Выражая общественную необходимость, долг имеет свою объективную сторону или объективное содержание — это то, что фактически, реально представляет тот или иной поступок, то или иное поведение. На этом базируется критерий нравственной оценки, то есть соответствие или несоответствие поведения объективному процессу общественного развития. Выражая сознательное отношение к общественно необходимому, долг имеет свою субъективную сторону или субъективное содержание — это побуждение, которым руководствуется человек в своем поведении (внутреннее стремление) и проявление этого побуждения во вне (внешний поступок).

Внутреннее субъективное содержание долга включает в себя стремление личности, ее интерес и осознание необходимости определенного поведения (цель — как осознание интереса). Психологическими компонентами субъективного содержания долга являются нравственные чувства и воля как способность сознательно и целенаправленно регулировать свое поведение.

Интерес личности определяется объективной связью данного человека как совокупности общественных отношений с интересом той общности, в состав которой он входит. Общность прямо или косвенно оказывает на интерес личности формирующее

¹³ Содержанием нормы морали является правило поведения, регулирующее общественное отношение. Элементами содержания выступают: субъект, объект и долг. Форма этого содержания — требование общности, выражающее способ связи элементов содержания.

¹⁴ О развитии взглядов на долг в домарксистской философии см. И. С. Кон, Марксистская этика и проблема долга, «Вопросы философии» № 3, 1954; H. Reinhardt u. J. Schmollack, Zur sittlichen Pflicht in der DDR, «Deutsche Zeitschrift für Philosophie», 1962, № 2, S. 166—168.

¹⁵ И. С. Кон, указанная статья, стр. 71.

влияние. Осознание интереса определяет индивидуальную способность дифференцированно-оценочно воспринимать моральные ситуации. Оно характеризует данную личность как способную или неспособную объективно правильно представлять интерес общности. Связь этих моментов порождает личный интерес.¹⁶

Взаимодействие личного морального опыта с моральным опытом окружающих (процесс нравственного воспитания личности) может и должно внести в субъективное содержание долга качества общественного значения. От характера этого взаимодействия зависит, в какой мере интерес личности будет содержать в себе «частицу, или сторону, или сущность» интереса общности. От характера этого взаимодействия зависит, в какой степени субъективное отражение объективной действительности приведет к правильному соотношению личного интереса с интересом личности.

Все сказанное определяет основное противоречие внутри субъективного содержания долга — противоречие между требованием долга со стороны общности и стремлениями данной личности. Нравственные чувства, так же формируемые в процессе воспитания, закрепляют, цементируют осознание интереса, придавая последнему качество убеждения, и делают долг внутренней потребностью личности.¹⁷ Таким образом, субъективное содержание долга требует совпадения интересов личности и общности в таком объеме, который позволил бы личности действовать в соответствии с интересом общности, достигая правильно понятого своего интереса и сохраняя при этом свои специфические, субъективные черты. Следует особо подчеркнуть, что речь идет о таких субъективных чертах интереса личности (характеризующих личный интерес), которые не нарушают правильного соотношения интересов данной личности и общности. В противном случае нужно говорить о субъективистском отношении к общему интересу.

Субъективное содержание долга внешне проявляется в соответствующих действиях личности. Естественно, что поведение человека может служить важнейшим критерием моральной оценки. Именно об этом и писал В. И. Ленин: «...по каким признакам судить нам о *реальных* «помыслах и чувствах» *реальных* личностей? Понятно, что такой признак может быть лишь один: *действия* этих личностей».¹⁸ Значит ли это, что для моральной оценки безразличны «помыслы и чувства» действующей

¹⁶ Характеристику интереса личности и личного интереса см. Г. М. Гак, *Общественные и личные интересы и их сочетания при социализме*, «Вопросы философии», 1955, № 4. Думается, кратко можно сказать, что личный интерес есть индивидуальное и субъективное выражение объективного интереса личности.

¹⁷ См. Л. И. Котов, *Развитие нравственных убеждений и привычек в процессе коммунистического воспитания*, изд. ВПШ и АОН, 1961.

¹⁸ В. И. Ленин, *Соч.*, т. 1, стр. 385.

личности? Отнюдь нет. Для морального отношения важно, чтобы действия личности (выражение, признак субъективной стороны долга, ее внешнее проявление) соответствовали тому, признаком чего они являются.

Для реализации субъективного содержания долга во вне решающую роль играет воля. Положительные моральные качества без воли в лучшем случае ведут к маниловщине. Сильная же воля без соответствующей моральной основы способна привести человека к аморальному поступку (даже преступлению).

Только через внешнее проявление субъективного содержания долга устанавливается связь с его объективным содержанием. Требования нормы морали будут выполнены лишь тогда, когда практически будут реализованы обе стороны нравственного долга — объективная и субъективная. Эта реализация осуществляется в моральном отношении. Оно есть форма общественного отношения, в которой проявляется соотношение интереса личности и общности в определенной жизненной ситуации. Моральное отношение возникает всякий раз, когда тот или иной человек в силу сложившихся обстоятельств стоит перед проблемой выполнения своего нравственного долга.¹⁹ Моральное отношение двухсторонне. Но вторая сторона — интерес общности — скрыта. На поверхности явления реально выступают субъекты морального отношения. При этом каждый из субъектов отношения должен свой интерес согласовать с интересом не другого субъекта, а с интересом общности. Если каждый из субъектов отношения сделает это правильно, то оба субъекта выполнят свой долг и по отношению друг друга. Эта специфика морального отношения находит свое отражение и в содержании норм морали: норма морали требует должного поведения не от «сторон», участвующих в общественном отношении, а от каждого человека, оказавшегося в определенной жизненной ситуации. Поэтому нормы морали и выступают как односторонне-обязывающие.

Моральное отношение требует от человека гармонии объективной и субъективной сторон нравственного долга. Гармония может быть достигнута как в результате «борьбы мотивов», так и в результате выработанной привычки (моральный поступок без размышлений). При соответствии поведения объективному

¹⁹ В этом смысле можно говорить о выполнении морального долга общностью или объединением как перед другой общностью (объединением), так и перед отдельными лицами. Поэтому вполне правомерна моральная оценка деятельности партий, классов, государства и т. п. Однако, думается, что эта оценка по своей сущности этическая, так как она выводится не из критериев, даваемых нормами морали, а из требований принципов данной моральной системы, то есть этики. По-видимому этот переход от моральных критериев к этическим будет иметь место всякий раз, когда субъектом отношения (называемого нами этическим) становится объект морального отношения, то есть не отдельная личность, а общность или объединение.

требованию долга возможна завуалированная дисгармония. При этом поведение может заслужить положительную моральную оценку, пока не будут обнаружены подлинные мотивы (лицемерие, обман и т. п.). В последних случаях поведение становится признаком других, несоответствующих нравственному долгу, «помыслов и чувств» и заслуживает отрицательной моральной оценки. Для буржуазной морали характерен отрыв внешнего от внутреннего, объективного от субъективного. В одних случаях в моральном отношении все сводится к внешнему с полным пренебрежением к внутреннему (форма, этикет — мерило моральности); в других — сами «благие намерения» без внешнего проявления их возводятся в ранг «моральных» и подвергаются моральной оценке. Во-вторых, сами моральные отношения выступают, как двуликий Янус. Внешне моральному отношению в глазах эксплуатируемых придается вид «порядочности», «человечности». Это показатель морального лицемерия. Но за показным маскируется сущность. Здесь раскрываются подлинные мотивы поведения, которые не могут быть иным выражением конкурентной борьбы, чем цинизм.

Рассмотренная нами связь норм морали с моральными отношениями привела к вопросу о порядке их формирования. В процессе общегития к человеку предъявляются различные требования. Эти требования вытекают из необходимости согласования поведения членов данной общности, направлены на поддержание и развитие ее. Те требования, которые носят характер индивидуальных, являющихся результатом специфических потребностей данной личности, не могут рассчитывать на длительное существование; они не попадут в сферу общественного сознания данной общности. Но зато требования, вытекающие из потребностей общественных условий, приобретут право на жизнь (поскольку эти условия продолжают существовать). Эти требования предъявляются к отдельным личностям регулярно. Пройдя через общественное сознание, они приобретают значение нормы поведения. Усложнение общественной жизни и развитие общественного сознания приводят к более общему выражению норм морали, более высокой степени абстрагирования, значительно уменьшая роль обычаев. Но этот процесс не изменяет того положения, что без установившихся отношений не могла бы идти кристаллизация норм, а без абстрагирования норм нельзя было бы закрепить целесообразные для общности отношения. Таким образом, следует считать, что нормы морали и моральные отношения формируются параллельно.²⁰ И только для последующих поколений, застающих уже готовые нормы морали или при переходе этих норм из сферы общественного сознания в индивидуальное в пределах одного поколения, создается видимость

²⁰ См. А. Ф. Шишкин, Основы марксистской этики, ИМО, 1961, стр. 8.

первичности норм морали и вторичности моральных отношений. В этом соотношении и проявляется регулирующая роль норм морали.

*

*

*

Подведем некоторые итоги сказанному выше.

1) Норма права — проявление нормативного права в единичном. Она выражает сущность общего — волю господствующего класса. Норма права формируется государственным предписанием, устанавливающим связь участников общественного отношения (субъекты) по определенному поводу (объект) путем распределения между ними прав и обязанностей. Связь каждого участника общественного отношения с интересом господствующего класса становится опосредованной интересами участников регулируемого отношения, и поэтому норма права носит двух- или многосторонне обязывающий характер. Вся внутренняя диалектическая противоречивость нормы проявляется в полярной противоположности прав и обязанностей, выступающих как внешнее предписание. Будучи распределенными между различными участниками общественного отношения, обязанности противостоят правам. И если для представителей господствующего класса такое противопоставление может быть осознано как необходимо-должное, то для эксплуатируемых обязанность выступает как «кнут» (Ф. Энгельс), а право как иллюзия.

2) Норма морали формируется как предписание общности (класса), обращенное к каждому своему члену (субъекту) и требующее от него выполнения нравственной обязанности (долга) в интересах общности (объекта поведения). Связь каждого участника общественного отношения с другими лицами опосредуется прямой связью каждого из них с интересом общности, например, класса. Поэтому норма морали носит односторонне-обязывающий характер. Выражением внутренней противоречивости нормы морали служит противоречие между требованием общности (объективная сторона долга) и стремлениями отдельной личности (субъективная сторона долга). Для эксплуатируемых переплетение внутренних противоречий норм права и морали (обязанность и должное, право и стремление) ведет, как правило, к неразрешимой коллизии.

3) Основное внутреннее противоречие норм права господствующего класса и морали эксплуатируемых, выражающее антагонизм классовых интересов, определяет и характер воздействия норм на поведение людей: нормы права выступают как внешняя сила (насилие), неспособная убедить эксплуатируемых, а нормы морали последних, опираясь на силу внутреннего убеждения, не могут получить поддержки от государственной власти и вынуждены функционировать во враждебном окружении.

4) Единство норм права и морали в их сущности имеет место только для господствующего класса. Но и это единство не стабильно. Условия конкурентной борьбы внутри господствующего класса часто обнажают различные степени противоречия (вплоть до конфликта) между официальным правом и нормами морали различных групп и слоев эксплуататоров. Однако всегда в борьбе со своими классовыми противниками оформляется консолидация норм права и морали.

5) Являясь разновидностями правил поведения, нормы права и морали имеют одинаковую, хотя и выраженную различным образом, внутреннюю логическую структуру (гипотеза, диспозиция, санкция). Однако это сходство норм никакого отношения к их противоречивой сущности не имеет.

КАЧЕСТВЕННО НОВАЯ СВЯЗЬ НОРМ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ МОРАЛИ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ПРАВА

Революционные социально-экономические преобразования в нашей стране установили связь норм права и морали на совершенно новой основе. Эти изменения коренным образом преобразовали не только сущность норм, но и наложили отпечаток на их формальные признаки.

Рассмотрим важнейшие моменты этой связи.

1. Источники формирования норм права и морали.

Требования социалистической законности не просто сохранили правомочие за государством издавать *нормы права*, но и четко конкретизировали функции различных органов государства в области правотворчества. Формирование норм права социалистическим государством происходит на научной основе. Знание законов развития общества позволяет государству своевременно оказывать регулирующее влияние нормами права на ту или иную область общественной жизни. При этом издание норм права обычно сопровождается научно-политической аргументацией. Четкая работа органов государства позволяет формулировать нормы права до возникновения правовых отношений. Однако иногда возможна сознательная задержка в издании определенных норм права из-за отсутствия предшествующего опыта, из-за желания точнее установить объем и границы вновь возникших общественных отношений (разумеется, если они подлежат правовому регулированию). Примером этому может служить возникшее в ряде колхозов правовое отношение в связи с изменениями порядка оплаты труда. Осуществление новых правовых отношений временно без соответствующих норм права представляет собой демонстрацию силы творческой инициативы масс и действенности норм морали. Конечно, все сказанное не исключает ошибок субъективного порядка при форми-

ровании норм права: неточности в формулировках, пробелы, несогласованность норм и др. Но подобные недостатки являются исключением и благодаря гибкости в деятельности государства могут быть быстро устранены.

Нормы морали переходного периода от социализма к коммунизму по времени рождения можно разделить на три группы. Первая — нормы морали, возникшие в предшествующих формациях. Сюда относятся все нормы трудящихся масс, закрепляющие лучшие их традиции (коллективизм и товарищеская взаимопомощь, гуманные отношения и взаимное уважение между людьми, взаимное уважение в семье, забота о воспитании детей и др.). Эти нормы морали значительно изменились по содержанию, наполнились более глубоким смыслом, стали шире и глубже отражать требования общества. Вторая группа — нормы морали, утвердившиеся в борьбе за победу социализма. Это те нормы, которых раньше не могло быть у трудящихся; они выражают моральные принципы народных масс, ставших хозяевами страны (любовь к социалистической Родине, добросовестный труд на благо общества, и др.). Эти нормы в ходе строительства коммунизма непрерывно обогащают свое содержание, и, отражая более высокую ступень развития общества, становятся более зрелыми и значимыми. Третья группа норм — нормы морали, которые рождаются в ходе строительства коммунизма; это те нормы, которые обогащают все принципы утверждающейся коммунистической морали (нормы, регулирующие социалистическое соревнование на его высшем этапе, новые отношения в колхозной деревне, отношения с братскими странами социалистического лагеря и др.). В настоящее время все нормы морали, независимо от времени их появления, по точности отражения потребностей общественного развития значительно приблизились к уровню государственного правотворчества.

2. Способ выражения норм права и морали.

Нормы права — записанные нормы. Они издаются государством в форме законов и подзаконных актов и четко выражают не только главное требование государства, но и все уточняющие атрибуты правила поведения.

Нормы морали живут в сознании людей. Но в условиях строительства коммунизма они постепенно и по четкости выражения своих требований приближаются к нормам права. Этому способствуют: единство критериев, выдвигаемых правовым и нравственным сознанием, широкая фиксация в документах, имеющих общенародный характер (Конституции, программа КПСС, уставы Партии и общественных организаций и др.), целенаправленная и действенная агитация и пропаганда. Все это создает необходимые условия для закрепления в сознании людей по существу целого морального кодекса. Принципы мо-

рального кодекса строителя коммунизма, изложенные в Программе и Уставе КПСС, правильно отражающие уровень коммунистической морали в наше время, свидетельствует о качественных изменениях, которые претерпевают нормы морали, развивающиеся по пути своей конкретизации, формальной определенности и разнозначности для всех.

3. Порядок формирования норм права и морали.

Введение *норм права* в действие обусловлено определенными процедурами, а именно: законодательная инициатива, обсуждение, принятие, опубликование, установление времени и места действия. Однако для общенародного государства становятся обязательными такие методы правотворчества, которые начинают стирать границу между порядками формирования норм права и морали. Широкое обсуждение законопроектов, предшествующее их принятию, позволяет государству еще шире и глубже учитывать общественное мнение. Превращение этого порядка в систему, проведение по важнейшим законопроектам всенародного голосования (референдумов), предоставление законодательной инициативы массовым общественным организациям — все это значительно сблизит процесс формирования норм права и морали.

Новые *нормы морали* возникают закономерно в процессе развития общества. Прогрессивное развитие на основе социально-политического единства обеспечивает формирование только новых прогрессивных норм морали. В этих условиях возможны рецидивы оживления или некоторого пробуждения старых отживших норм морали у отсталых или неустойчивых лиц. Но это лишь своеобразное напоминание об отставании общественного сознания от бытия подчеркивает в ходе последовательной борьбы с подобными явлениями непрерывность процесса «очищения» общественного сознания от всего того, что противоречит законам нового бытия. Новые нормы морали возникают в среде передовой части общества как требования более высокого характера в сравнении с общепринятыми. В этот период новые нормы для остальной части общества выполняют роль программы, требования, обращенного к будущему.²¹ Но в условиях развернутого строительства коммунизма максимально сокращаются сроки всех общественных преобразований, и это будущее делается не так отдаленным. Новые нормы морали сравнительно быстро стано-

²¹ Очевидно этот момент имел в виду Я. Энгст, когда характеризовал нормы морали как устанавливающие то, что должно быть, но чего в действительности еще нет. (Некоторые проблемы научной этики, Москва, 1960, стр. 33). В более широком смысле программность характерна не для норм морали, а для идей, составляющих нравственный идеал.

Эта программность ничего общего не имеет с положением в эксплуататорском обществе, где, как справедливо отмечает автор, «господствующий класс никогда не добьется того, чтобы была принята его мораль». (стр. 35)

вятся общепризнанными и получают возможность занять прочное место в моральном кодексе.

4. Обеспечение выполнения требований норм права и морали.

Выполнение *норм права* обеспечивается мерами государственного принуждения, которое является одной из форм принуждения, ибо «...принудительная власть есть во всяком человеческом обществении, и в родовом устройстве, и в семье...»²² Принуждение выступает как метод внешнего воздействия на внутренние побуждения человека через его поведение. Отрыв принуждения от убеждения ведет к насилию, что свойственно буржуазному праву, не способному к убеждению. Для социалистического права характерен процесс все более широкого перехода от принуждения к убеждению, благодаря чему среди норм права все больший удельный вес занимают такие, которые государственное принуждение делают только возможным. При этом меры государственного принуждения-убеждения широко сочетаются с общественным воздействием на нарушителей многих норм права. Сила общественного мнения приобретает все большее значение в воздействии на правонарушителей и в предупреждении правонарушений.

Эффективность *норм морали* зависит от убеждающей силы общественного мнения. Убеждение здесь выступает как метод внешнего воздействия на поведение человека через его внутренние побуждения. Нормы морали утратят эффективность своего действия, если в процессе их применения убеждение будет оторвано от принуждения. Убеждение, таким образом, превратится в «уговаривание», «морализацию» и т. п.

В этом отношении принципиальное значение имеет мысль Н. С. Хрущева: «В. И. Ленин говорил так: «...Мы можем и должны достигнуть того, чтобы сила примера стала в первую голову моральным, а затем и принудительно вводимым образцом устройства труда в новой Советской России». В. И. Ленин предвидел, что внедрение нового не всегда пойдет гладко. Он предвидел, что и принуждать людей будет необходимо. Однако мы должны правильно понимать В. И. Ленина. Принуждать — значит настойчиво обучать новому, внедрять это новое в практику... Если не захотят перенимать опыт, заставить организационными мерами сделать это. Это — правильный метод».²³

Барьер между убеждением и принуждением снимается ростом силы и единства коллективов трудящихся, общественное мнение которых становится все более действенным, принуждаю-

²² В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 399.

²³ Н. С. Хрущев, Речь на совещании работников производственных управлений районов центра Российской Федерации в г. Москве 27 июня 1962 г., «Правда» от 30 июня 1962 г.

щим. Для норм коммунистической морали в наши дни характерен процесс усиления принудительного момента в диалектике убеждения-принуждения.²⁴

5. Структура норм и характеристика ее элементов.

Существенные изменения претерпела структура *норм права*. Формально нормы права сохранили свою старую структуру — гипотезу, диспозицию, санкцию. Да это и понятно, так как нельзя было бы говорить о регулирующей роли нормы права, если бы было не известно в каких условиях эта норма должна действовать, как люди должны поступать и к каким последствиям может привести неисполнение нормы. Отдельные наши юристы оспаривают наличие у многих норм права санкции или гипотезы.²⁵ Однако многочисленные примеры, приводимые сторонниками различных точек зрения, не могут поколебать того простого факта, что без гипотезы никто не мог бы руководствоваться нормой в определенных условиях, и норма превратилась бы либо в абстрактное правило, либо в мерку, прилагаемую в ненадлежащем месте; а без санкции норма права превратилась бы в мертвую букву закона. (Наличие диспозиции в норме пока никем не оспаривается).

Другое дело — определить гипотезу или санкцию в отдельных нормах права, ибо они не всегда четко формулируются или могут быть в данной норме совсем опущены, чтобы избежать ненужных длинных формулировок при очевидности условий применения нормы. Наибольшую трудность вызывает отыскание гипотез в нормах уголовного законодательства. Но каждое правонарушение возможно только в определенных условиях. Достаточно напомнить замечательный анализ К. Марксом различия между клеветой и оскорблением, между кражей леса и собиранием валежника, чтобы стала очевидной эта истина. Или взять квалификацию такого преступления как хулиганство. Разве не ясно, что нормы права, предусматривающие наказание за это преступление, могут быть применены только за действия, грубо нарушающие общественный порядок, проявляющие неуважение к обществу? Характер гипотез этих норм определяется именно неуважением к обществу, коллективу, а не отдельному лицу. В последнем случае речь могла бы идти о других преступлениях: оскорблении, причинении телесных повреждений и т. п. Таким образом, описательные диспозиции

²⁴ Иногда в нашей литературе можно заметить определенную «боязнь» упоминания о принуждении в сочетании с понятиями морали. Однако принуждение в том смысле, как мы его понимаем (в неразрывной диалектической связи с убеждением) является принадлежностью любого человеческого общества.

²⁵ В этом отношении показательны взгляды, изложенные в сборнике «Вопросы общей теории советского права», Госюриздат, 1960. См., например, Н. П. Томашевский, О структуре правовой нормы и классификации ее элементов.

норм уголовного права всегда содержат в себе гипотезы.

Отрицание санкции (главным образом у норм гражданского и процессуального права) также основывается на недоразумении. Санкция — это указание на те последствия, которые могут наступить для лиц или органов, нарушающих требования нормы права. Характер этих последствий, конечно, может быть различен, но государство, издавая ту или иную норму, всегда исходит из возможности добиться выполнения любой нормы права, независимо от желаний участников правоотношения. Санкция гарантирует реализацию нормы права. Недоразумение возникает тогда, когда отдельные нормы права рассматриваются как правила, которые не могут быть нарушены и, следовательно, они не могут содержать санкции. Но таких правил среди норм права нет. Среди многочисленных примеров подобных правил приводят такие: «неявка сторон, извещенных о дне слушания дела, не является препятствием к рассмотрению его» (ст. 243 ГПК) или «купля-продажа за наличный расчет может быть совершена в устной форме без ограничения суммы» (ст. 184 ГК). Но стоит только представить себе, в каком положении окажется народный судья, скажем, при ревизии его деятельности, если он будет откладывать рассмотрение дела из-за неявки извещенных сторон, или в какое положение попадет тот же судья, если он потребует письменный документ, подтверждающий куплю-продажу за наличный расчет (конечно, в тех случаях, когда это документальное оформление не оговорено в других нормах права), то сразу станет ясно, что и эти нормы права могут быть нарушены и что они обеспечены санкцией.

Мы не уделили бы этому вопросу столько внимания, если бы за ним не стояла попытка философского обоснования отсутствия у норм права всех ее элементов. Так Н. П. Томашевский пишет, что «...необходимость принудительных санкций в системе права вовсе не означает, что они необходимы в каждой правовой норме».²⁶ При этом автор анализирует соотношение системы права и отдельной нормы как соотношение целого и части, забывая диалектическую связь общего и отдельного. А без установления связи отдельного и общего нельзя вскрыть сущность связи целого и части. Сущность связи общего и отдельного в данном аспекте заключается в принудительности права (воля государства). Это свойство целого должно быть и свойством его частей, если мы не хотим рассматривать связь целого и части механически. Конечно, если рассматривать связь целого и части не по ее существенному основанию, то есть не по связи общего и отдельного, то может оказаться, что отдельные признаки части (например, диспозитивный характер норм) не являются признаками целого.

²⁶ Н. П. Томашевский, указанная статья, стр. 223.

Но сохранив форму, нормы права изменили качество своих элементов. Требования социалистической законности придали всем элементам нормы определенный характер. Социалистическому праву чужды не только неопределенность, но даже и относительная определенность норм. В большинстве случаев юридический анализ приводит авторов к выводу о наличии среди норм права определенных, относительно определенных, недостаточно определенных, неопределенных, абсолютно-определенных, диспозитивных и т. п. элементов.²⁷

Думается, что противоречивость мнений о характере выражения элементов правовой нормы является результатом различного понимания термина «определенность». Понятие определенности включает в себя два момента: во-первых, качественную и количественную характеристику предмета и, во-вторых, соответствие мысли ее предмету. Оба эти момента связаны между собой и должны рассматриваться как целое. Вполне понятно, что этот критерий определенности должен быть положен в основу характеристики сущности норм права — воли законодателя, выраженной в них. С этой точки зрения при анализе элементов нормы права нужно поставить два вопроса: содержит ли в себе тот или иной элемент качественные и количественные показатели в определении воли законодателя и соответствует ли мысль законодателя предмету регулирования. Положительный ответ на эти вопросы может означать, что элемент нормы определен. Если норма права предоставляет заинтересованным лицам самим уточнить свои права и обязанности, то это не значит, что диспозиция такой нормы недостаточно или относительно определена. Здесь воля законодателя распространяется только до известного предела. И эта воля вполне определена, иначе такая норма не могла бы быть мерой (единством качественной и количественной характеристик) поведения. Иной вывод был бы ошибкой, являющейся результатом выхода за пределы воли законодателя, за пределы его мысли и включения в объем рассмотрения содержания всего отношения, а не той его стороны, которая регулируется данной нормой. Иными словами, недостаточная или относительная определенность выводится при таком подходе из тех обстоятельств, которые нормой права не регулируются. Так, например, «определяя размер вознаграждения за вред, суд во всех случаях должен принять во внимание имущественное положение потерпевшего и причинившего вред» (ст. 411 ГК). Здесь вполне определенная диспозиция, являющаяся мерой поведения суда. Что же касается размера фактического вознаграждения, то установление его судом

²⁷ См., например, П. Е. Недбайло, Применение советских правовых норм, Госюриздат, 1960; А. С. Пиголкин, Нормы Советского социалистического права и их структура, сб.: «Вопросы общей теории советского права», Госюриздат, 1960.

не входит в характеристику предмета регулирования, то есть лежит вне данной нормы права.

Относительная определенность имеет место тогда, когда тот или иной элемент нормы права не имеет достаточно ясной качественной или количественной характеристики правила. Примером относительно определенной диспозиции может служить одна из редких в социалистическом праве норм, предусматривающая, что суд может «в случае признания необходимости расторгнуть брак». (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г., ст. 26.) Здесь диспозиция не содержит критериев «необходимости» расторжения брака, хотя правомочие суда («может расторгнуть брак») и условие применения нормы («по заявлению одного или обоих супругов» — ст. 18 КЗоБСиО) вполне определены. Такие нормы — исключение в Советском праве. И не случайно, что советская общественность обращает на них внимание, вносит свои предложения по совершенствованию таких норм.

Санкции норм социалистического права всегда определены. Эта определенность имеет место и тогда, когда норма прямо ее и не указывает (в этих случаях, как правило, следует либо непризнание возникшего отношения, либо реституция) или когда она предусматривается хотя бы в диспозитивной или альтернативной форме. Вообще диспозитивность и альтернативность элементов нормы вполне определенно характеризует волю законодателя, ибо «дело не в том, чтобы исчерпать все различия, а в том, чтобы определенные различия установить».²⁸ В связи со сказанным следует отметить, что анализ норм по их диспозитивности, альтернативности, определенности (как это делается в юридической литературе) есть анализ формально-логический, который, разумеется, имеет свое значение для применения норм права.

Неопределенность и относительная определенность, возведенные в систему, свойственны реакционному законодательству империалистических государств. Мы уже приводили примеры неопределенных диспозиций, в которых отсутствует качественная и количественная характеристика требуемого (или запрещенного) поведения. Парадоксальна судьба гипотез норм права так называемого «антитрестовского» законодательства США. Неопределенный характер этих норм позволяет в настоящее время применять эти законы против профсоюзов, то есть против тех, под чьим давлением законы были приняты.

Важным моментом является изменение сущности санкций советских правовых норм. Особенно это видно на санкциях уголовного законодательства, которое наиболее четко показывает силу принуждения в форме наказания. Арсенал этих санкций

²⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 124.

от смертной казни до общественного порицания позволяет разумно использовать систему предусмотренных кар за преступление вплоть до морального воздействия. Таким образом, даже в уголовном праве возможен переход правовой санкции в моральную.

Особое место занимают нормы социалистического права, регулирующие хозяйственную деятельность. Их особенность вытекает из необходимости дать отправные, исходные данные для хозяйственных органов; последние же должны сами, исходя из конкретных условий, разрешать задачи, поставленные в нормах общесоюзного (или общереспубликанского) значения. Это нормы-директивы. Они всегда вполне определены. Их гипотезы сливаются с описательной частью, которая включает в себя изложение цели, причины и политической оценки нового мероприятия. Эти нормы не имеют специально записанных санкций, так как ответственность лиц, невыполняющих нормы, наступает в объеме ответственности за соответствующие правонарушения (например, должностные преступления, материальная ответственность, ответственность административная и т. п.), а так же перед общественными организациями и прежде всего перед партией. Разумеется, роль таких правовых норм непрерывно растет. Эти нормы по своему директивному характеру близко соприкасаются с нормами морали, придавая им организационно-структурное оформление.

Мы уже отмечали, что *нормы морали* переходного периода к коммунизму непрерывно обогащаются и конкретизируются. Это делает их структуру более определенной. Важным шагом в этом направлении является включение в Программу КПСС, принятую XXII съездом партии, важнейших принципов морали строителей коммунизма. Глубокое знание и понимание этих принципов позволяет каждому человеку с большей определенностью руководствоваться нормами морали, поскольку каждая норма должна соответствовать принципам. Однако санкции норм морали еще не приобрели достаточной определенности. Они еще во многом зависят от местных условий, от зрелости и силы коллектива, который должен их применить, от уровня воспитательной работы, от силы той или иной партийной, профсоюзной, комсомольской и др. общественной организации. Только там, где коллектив представляет собой боевую, слаженную, морально высокую единицу общества, — там общественное воздействие на нарушителей норм морали приобретает конкретные, определенные формы, и нормы морали приобретают действенность, иногда большую, чем нормы права.²⁹

6. Предмет регулирования.

²⁹ См., например, М. Россовский и С. Григорьев, На заводе коммунистического труда, Профиздат, М., 1961.

Предметом регулирования для *норм права* являются те общественные отношения, которые остаются главными, коренными для всего общества. Это прежде всего экономические и политические отношения. Закрепляя социалистические производственные отношения, социалистический принцип «От каждого по его способностям, каждому по его труду», регулируя деятельность органов государства, право не может оставить без своего контроля и такие отношения как семейные, личные неимущественные и некоторые др. Однако это регулирование подчинено одному — все для человека. При полном социализме не может иметь место искусственное расширение границ правового регулирования, так как интересы общества и законодателя едины. Кроме того, такое расширение могло бы даже причинить вред, ибо оно сковывало бы инициативу народа, глушило бы действительность норм морали. Советскому праву чуждо также безразличное отношение и к так называемым «техническим» нормам (в процессуальной, административной областях). Каждая норма права, поскольку ее существование необходимо, должна соответствовать интересам общества. Такого, например, установление порядка приема на работу, в Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по устранению канцелярско-бюрократических извращений при оформлении трудящихся на работу» от 25 февраля 1960 г.

Нормы морали регулируют все общественные отношения. В период развернутого строительства коммунизма под влиянием общенародного права нормы морали стали более дифференцированно подходить к предмету своего регулирования. Рост правосознания уже сегодня позволяет нормам морали различать отношения к государственной и личной собственности, к ударнику коммунистического труда и работнику, выполняющему производственный план, но пассивному в общественной жизни и т. п. Для норм морали социалистического общества характерно «проникновение» во все сферы жизни. Это естественный процесс, обусловленный непрерывным ростом общественного значения человека, ибо только на пути к коммунизму «человек присваивает себе всестороннюю сущность всесторонним образом, то есть как целостный человек».³⁰ Под контролем норм морали оказались новые области трудовых отношений, отношения к природе, ряд отношений, связанных с воспитанием подрастающего поколения и др. Шире стала область взаимопроникновения морального и эстетического.

7. Специфическое содержание норм.

Права и обязанности, устанавливаемые социалистическими *нормами права*, имеют совершенно новую качественную определенность. Прежде всего они постепенно начинают терять свой

³⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произведений, М., 1936, стр. 591.

формальный характер. Это обусловливается той новой связью, которая устанавливается как между субъектами права, так и между ними и государством. Новая связь между человеком, обществом и государством изменила природу юридических прав-обязанностей. Право государства регулировать деятельность граждан в интересах всего общества становится условием определения юридических обязанностей членов общества, а обязанность государства охранять установившееся соотношение интересов личности и общества — условием определения юридических прав членов общества. Этим делается первый шаг к переводу юридических прав-обязанностей в сферу должного для каждого субъекта права. Кроме того, сами субъекты правоотношения оказываются под контролем общества, заинтересованного в точном соблюдении норм права. Это создает возможность рассматривать выполнение требований норм права как требований общественного долга.

Требование долга, предписываемое *нормами морали*, в условиях социалистического коллективизма становится более четким посредством выведения из него прав и обязанностей члена того или иного коллектива. Это широко применяется в различных объединениях трудящихся (КПСС, комсомол, профсоюзы и т. д.). Этот переход от долга к правам-обязанностям не является переходом от норм морали к нормам права. Однако он показывает, во-первых, что регламентация прав и обязанностей может быть свойственна не только правовым нормам, и, во-вторых, что любая ассоциация для нормального функционирования должна класть в основу своей деятельности определенные правила, которыми должны руководствоваться ее члены. Этим нравственный долг приобретает ярко выраженное общественное значение.

8. Характер противоречия внутри норм права и морали.

Антагонистическое противоречие внутри *нормы права* между субъективными правами и обязанностями в результате победы социализма оказалось снятым. Социально-политическое единство общества поставило всех в равное положение перед законом. Это равенство означает не только применение единой мерки к людям, независимо от их социального, национального и т. п. положения, но и слияние прав и обязанностей в равной правоспособности каждого члена общества. Правоспособность при социализме выражает возможность каждого быть носителем прав и обязанностей. Система права обеспечивает превращение этой возможности в действительность.

По форме определения прав и обязанностей отдельные нормы могут носить различный характер. Одни из них предусматривают только правомочие субъекта права (например: «Собственник имеет право истребовать свое имущество из чужого незаконного владения» — ст. 28 Основ гражданского законодательства

СССР и союзных республик.); другие — только юридическую обязанность (например: «Каждый депутат обязан отчитываться перед избирателями в своей работе и в работе Советов депутатов трудящихся» — ст. 142 Конституции СССР); третьи — и правомочие, и юридическую обязанность (например, ст. 188 ГК).

Различная форма установления прав и обязанностей в нормах права обусловлена необходимостью изложить специфическое правило поведения, для выполнения которого обязательным элементом является прямо указанное в норме содержание (правомочие, обязанность или то и другое). Каждая норма права исходит из постулата неразрывности права и обязанности, ибо в обществе нельзя осуществить право без чьей-либо обязанности обеспечить его, также как нельзя выполнить обязанности без права требовать их выполнения. Поэтому, подчеркивая ведущее обстоятельство в регулируемом отношении, норма права всегда подразумевает (если прямо не указывает) другую сторону с ее правами и обязанностями. Например, норму ст. 28 Основ гражданского законодательства СССР и союзных республик можно было бы сформулировать так: «Незаконный владелец чужого имущества обязан вернуть его собственнику». Ясно, что такая норма равнозначна по содержанию установленной в законе. Но она потеряла выразительность ведущего момента правоотношения — права собственника на защиту. Именно этим подчеркивается специфичность взаимоотношений собственника и других лиц, предусмотренных этой нормой.

Таким образом, каждая норма права всегда устанавливает известное распределение прав и обязанностей между участниками регулируемого ею отношения. Но это распределение не абсолютно. Норма вне практической деятельности людей не имеет никакого значения. Когда же она реализуется в правовом отношении, то его субъекты, став носителями субъективных прав и обязанностей, не лишаются качеств общественного человека. То, что в одном отношении является обязанностью, выступает как право в другом и наоборот. Образно говоря, правоотношение есть лишь малая частичка всеобщей связи в общественной жизни. Будучи одной из форм выражения этой жизни, правоотношение позволяет человеку социалистического общества рассматривать свои права как обязанность, а обязанность как права в отношении других лиц и общества. Такое сближение прав и обязанностей в период строительства коммунизма не исключает эксцессов в повседневной жизни. Но они не имеют социальных корней. Поэтому коммунистическое воспитание должно обеспечить не только выполнение требования «Кто не работает, тот не ест», но и такого правила: «Кто не имеет обязанностей, тот не имеет прав».

Стираются внутренние противоречия и в *нормах морали*. Изменение характера стремлений личности является решающим

условием для этого процесса. Под влиянием научного мировоззрения интерес общества стал точнее и глубже выражать закономерности исторического развития; под влиянием растущей социальной значимости человека интерес личности стал шире и глубже выражать интерес общества. Личный интерес стал более полно выражать целое, то есть интерес личности. Все это обусловило возможность расширить сферу приложения индивидуальных способностей каждого человека, и, с другой стороны, снять те перегородки, которые разобщали требования общности и стремления личности.

Разумеется, жизнь сложна и нельзя себе представить людей в роли роботов, не считающихся со своими индивидуальными стремлениями. Но социалистический строй дает возможность каждому человеку рационально использовать его личные склонности в интересах общества. Для этого необходимы идейная зрелость и волевые качества. Иное поведение человека может свидетельствовать только о его невоспитанности. Совпадение требований долга и стремлений отдельного человека становится законом нравственного развития строителя коммунизма. Все сказанное создает условия для гармоничного сочетания как юридических прав, так и обязанностей с нравственным долгом. Главным здесь, конечно, является выполнение человеком своих обязанностей как общественного долга.

9. Связь внутреннего (побуждений) и внешнего (поведения) при реализации норм права и морали.

В переходный период к коммунизму большее значение для *норм права* стали иметь внутренние побуждения в поведении человека. Новое качество — принуждать и убеждать — требует от норм права всесторонней оценки действий личности. Но сами нормы права, будучи правилами, отвлеченными от конкретных условий их применения, не в состоянии учесть все разнообразие субъективных свойств людей, могущих оказаться под воздействием нормы. Поэтому в нормы права включаются только такие показатели внутреннего мира человека, которые являются условием существования данного правила. (Формы вины, душевное состояние, характер побуждений и т. п.). Полный же учет побуждений и стремлений человека возможен только в процессе применения норм права, когда в конкретных условиях раскрывается их фактическая связь с поведением. Для социалистического права стало законом всестороннее изучение личности правонарушителя в таком объеме, который позволял бы не только правильно установить характер правонарушения (юридическую квалификацию), но и раскрыть «внутреннее содержание» человека (его психологию, условия жизни, склонности характера и т. п.). Такой учет позволяет в ряде случаев даже отказаться от формальных требований нормы права и передать дело правонарушителя на рассмотрение обществен-

ности. А это, в свою очередь, может стать действенной мерой для воспитания и исправления правонарушителя.

Нормы морали сохраняют свое требование единства объективной и субъективной сторон поведения человека. Но и здесь условия бытия зрелого социалистического общества создают новые возможности. Обычным путем достижения нравственной целостности человека является путь от сознания (внутреннего убеждения) к поведению (внешнему проявлению долга). Но социализм уже создал высоко организованный, поддерживаемый дисциплиной, ритм всей жизни общества. Возросла требовательность общества к своим членам. Поэтому человек, вынужденный подчиниться требованиям дисциплины, внешне выполняющий требования долга, но не понимающий его общественного значения, не может выйти из поля зрения коммунистической морали. Общество не может ограничиться констатацией факта моральной неполноценности такого поведения. Создаются условия для внутреннего воспитания человека через раскрытие общественного значения того внешнего поведения, которое пока им соблюдается формально. Внешнее принятие требований коллектива (под воздействием общественного мнения), связанное с соблюдением их в поведении, постепенно накапливает положительный моральный опыт, что в конечном счете должно привести к внутреннему принятию этих требований. Этим путем достигается гармония внутреннего и внешнего при выполнении требований норм морали.

Таким образом:

1) Победа социалистической революции создала все необходимые предпосылки для формирования единства норм права и морали на совершенно новой основе. Революционное устранение старого единства, ограниченного рамками норм права и морали эксплуататоров, означало в то же время ликвидацию оснований для всякой противоположности норм права и морали. Полная и окончательная победа социализма сделала это единство прочно опирающимся на социалистические общественные отношения во всех сферах жизни нашего общества. Переход к решению конкретных задач строительства коммунизма поставил нормы права и морали на путь дальнейшего упрочения и углубления их взаимосвязи.

2) Единство норм коммунистической морали и социалистического права есть единство в их основании, то есть единство их социальной сущности, их общественных функций. Выражение воли всего общества, закрепление правильного соотношения интересов личности и общества, равнозначные требования к каждому члену общества, тождество критериев для оценки поведения, защита интересов общества сочетанием убеждения и принуждения — таковы главные показатели единства норм права и морали.

3) Единство норм коммунистической морали и социалистического права в коренном, главном, одновременно предполагает и их различие. Эти различия занимают подчиненное положение по отношению к единству норм. Они касаются второстепенного, не главного. Степень их проявления, процесс их устранения полностью определяются развитием единства. Основное различие между нормами права и морали в период строительства коммунизма есть различие между специфическими элементами содержания правовых и моральных норм. Это различие между правами и обязанностями, закрепляемыми нормами права, и нравственным долгом, выражающим требования норм морали. Вместе с другими аспектами различий, производными от основного, они представляют собой источник противоречия на определенном уровне. Изменение сущности норм создало объективные условия как для органического соединения прав-обязанностей внутри норм права и элементов нравственного долга внутри норм морали, так и для взаимопереходов первых во вторые и наоборот. Однако, пока существует противоречие между ними («Я должен, но не обязан» или «Я обязан, но не должен»), оно фиксирует и различие. Другие различия — в форме, в соотношении убеждения и принуждения, в четкости регламентации общественных отношений, в характере связи внутреннего и внешнего — взаимосвязаны с основным. Устранение всех различий будет означать полное преодоление противоречий между нормами права и морали, и слияние их в единые нормы коммунистического общежития.

ОПЫТ ПОСТРОЕНИЯ МОДЕЛИ ЭСТЕТИЧЕСКОГО ОТНОШЕНИЯ

Л. Н. Столович

Проблема эстетического отношения человека к действительности является одной из наиболее остро дискуссионных в современной эстетике. В ходе дискуссии было предложено несколько концепций эстетического отношения: «природническая» концепция, по которой объект эстетического отношения — чисто природные качества и свойства явлений действительности; «общественная» концепция, считающая общество, общественные взаимоотношения людей обязательным компонентом объекта эстетического сознания; концепция, полагающая, что без воспринимающего субъекта не может существовать какое-либо эстетическое свойство. Таким образом, полемика разворачивается, в основном, вокруг вопроса о соотношении объективного и субъективного в эстетическом отношении человека к миру.

Решение этого вопроса, на наш взгляд, в значительной степени тормозится тем, что в философской литературе чрезвычайно мало изучены сами категории «объективное» и «субъективное». Существующая же диалектическая взаимосвязь между ними, их взаимопереходы доставляют немало хлопот исследователю эстетического отношения. Поэтому часто бывает в спорах об эстетическом диспутанты вкладывают различный смысл в понятия «объективное» и «субъективное» и уже в силу этого не в состоянии просто понять друг друга.

Нельзя не согласиться с мнением Н. А. Дмитриевой, что для решения вопроса об объективности эстетического и его сущности необходимы «реальные доказательства», но мы не можем разделить ее скептического отношения к логической стороне суждений об эстетическом.¹ Эта сторона, к сожалению, в работах некоторых наших эстетиков не безупречна. Очевидно, логика сама по себе не в состоянии разрешить интересующую нас эстетическую проблему, но без нее никакие «реальные доказательства» не будут иметь значение доказательств.

¹ См. «Вопросы литературы», 1961, № 7, стр. 73.

Нам думается, что одним из средств изучения сложного взаимоотношения объективного и субъективного в эстетическом отношении человека к действительности может явиться попытка модельного представления этого отношения. Построение различных моделей (вещественных, мысленных, или идеальных) является распространенным познавательным приемом в различных отраслях науки.²

Моделью в самом широком смысле называется объект А, исследование которого дает информацию о некотором другом объекте В. При использовании метода моделирования в эстетике объектом модели могут быть разные связи в эстетическом отношении человека к действительности, в эстетическом сознании, в искусстве. Сама модель может быть выражена как наглядными образами или схемами, так и при помощи системы знаков, символов. Так, например, немецкий эстетик Вальтер Безенбрух следующим образом представил свое понимание взаимоотношения искусства и действительности:³

В книге Г. Шпета «Эстетические фрагменты» дается знаковая, или символическая модель эстетического восприятия слова, которую сам автор называет «пародийно-математической формой эстетического восприятия слова»:

$$S \left[\frac{\sum u_n \Pi (1 + u_n) M_f}{m l g} \right]^e \pm s \pm r,^4$$

² Гносеологическим проблемам моделирования посвящены такие интересные и ценные работы, как статьи В. А. Штоффа «К вопросу о роли модельных представлений в научном познании» (Ученые записки Ленинградского университета, № 248, 1958), «Гносеологические функции модели» («Вопросы философии», 1961, № 12), статья А. А. Зиновьева и И. И. Ревзина «Логическая модель как средство научного познания» («Вопросы философии», 1960, № 1), статья Л. Апостеля «Towards the Formal study of Models in the Non-formal sciences» («Synthese», 1960, № 2/3), статья Л. Вальта «О познавательной функции модельных представлений в современной физике» (Вестник Ленинградского университета, № 5, серия экономики, философии и права, вып. I, Л., 1961).

³ Walter Besenbruch, *Dialektik und Aesthetik*, Berlin, 1958, S. 17.

⁴ Густав Шпет, *Эстетические фрагменты*, III, Петербург, 1923, стр. 90.

где Σu_n — эстетические впечатления от формальных элементов слова; $\frac{1}{m}$ — роль морфем в эстетическом восприятии; $\frac{1}{l}$ — роль логического в эстетическом восприятии; $\Pi(1 + u_n)$ — положительное эстетическое значение наслоения образов, как внутренних форм поэтической речи, прибавляемых к некоторой логической единице; $\pm s$ — личная поправка к объективному эстетическому восприятию; M_i — «идейность» содержания, как смысловое ядро всего мыслимого содержания; $\frac{1}{g}$ — роль чистого предмета; $\pm g$ — субъективно-психологическое отношение к предмету; e — эстетическое впечатление от экспрессивности; S — эстетическое значение восприятия личности автора слова.⁵

Мы не касаемся вопроса о правильности или неправильности рассмотренных моделей, так как анализ концепций, которые они выражают, не является нашей задачей в настоящей работе. Мы подчеркиваем лишь правомерность использования моделей в эстетических исследованиях.⁶ Безусловно, любая модель представляет собой значительное упрощение изучаемого объекта, она не в состоянии охватить и представить этот объект во всем богатстве его реальных элементов и их взаимоотношений. Однако, несмотря на эти неизбежные ограниченности метода логического моделирования, модель дает возможность наглядно представить определенную систему связей и отношений. Модель позволяет четко сформулировать ту или иную концепцию и тем самым добиться логической ясности. Немаловажно и эвристическое значение моделей. В процессе моделирования исследователь может обнаружить еще не изученные связи и отношения, прийти к новым мыслям. Хотя никакая модель не отражает оригинал во всех его связях и отношениях, однако некоторые черты оригинала модель может представить исчерпывающе. Познавательная функция модели существует благодаря тому, что она воспроизводит определенные связи и отношения действительности, находится с ними в однозначном соответствии, которое называется изоморфизмом.

Ниже будет предпринята попытка построить знаковую, или символическую модель, с целью выявить взаимоотношение эстетически оцениваемого предмета, общества и личности в системе

⁵ Там же, стр. 20, 22, 28, 45, 55, 68, 74, 84, 90.

⁶ В статье «О красоте» К. Зелинский стремится, по его словам, использовать принцип логического моделирования. Подводя итог своим рассуждениям, он пишет: «Вот моя логическая модель красоты: красота — это решение цели через борьбу» («Вопросы литературы», 1960, № 11, стр. 130). Но вне зависимости от того, истинно или нет это определение красоты, оно никак не может рассматриваться в качестве модели.

эстетического отношения, что, как нам представляется, позволит четко показать диалектику объективного и субъективного в эстетическом.⁷

*

*

*

Прежде всего определим объект эстетического отношения. Он, на наш взгляд, состоит из следующих элементов. Во-первых, в него, несомненно, входят те предметы, те явления, которые непосредственно воспринимаются и оцениваются эстетически. Эти предметы, эти явления могут быть как природными, так и общественными, но в любом случае они должны носить конкретно-чувственный характер, быть доступными органам чувств, главным образом, зрению или слуху. Во-вторых, по нашему глубокому убеждению, в объект эстетического отношения включается общество, общественные отношения, в системе которых находится данный предмет или явление, в связи с которыми он эстетически воспринимается.

Правда, в процессе эстетического переживания мы часто не замечаем этот второй компонент, в результате чего возникает иллюзия, будто бы объект эстетического отношения и есть не что иное, как предмет, явление, которое мы непосредственно воспринимаем. Эта иллюзия и представляет собой гносеологические корни «природнической» концепции эстетического, полагающей, что эстетическое свойство заложено в природе как таковой. Однако и чисто природное явление эстетически не может восприниматься иначе, как в своем объективном взаимодействии с обществом, с общественным человеком. Много путаницы и недоразумений происходит в результате того, что не различают понятия «предмет», «явление», с одной стороны, и «объект эстетического отношения», с другой. Вместе с тем, последнее безусловно шире, чем первые.⁸

Обозначим предмет, явление, подлежащее эстетической оценке, знаком «П»; общество, общественные отношения — знаком «О»; взаимодействие — символом « \leftrightarrow »; модальность взаимодействия — знаками «+» и «—». При этих обозначениях взаимоотношение эстетически оцениваемого предмета, явления с

⁷ В процессе работы над данной статьей автор получил ценную консультацию по вопросу о гносеологической сущности модели, а так же о символическом выражении предлагаемой модели эстетического отношения от преподавателя кафедры философии Тартуского университета Л. О. Вальта.

⁸ Этот вопрос более подробно освещался в наших статьях «Проблема объекта эстетического отношения» («Философские науки», 1961, № 4), «О двух концепциях эстетического» («Вопросы философии», 1962, № 2), «Природа эстетического и эстетическое в природе» («Философская мысль», София 1962, № 2).

обществом в объекте эстетического отношения можно выразить следующей формулой:

$$П \overset{\pm}{\longleftrightarrow} 0.$$

Взаимоотношение предмета, явления с обществом осуществляется в процессе общественно-исторической практики, которая, таким образом, выступает как основной объект эстетического отношения человека к действительности.

Подчеркнем, что общественно-историческая практика представляет собой объективный процесс, хотя она и складывается из действий людей, обладающих сознанием и волей. Объективность общественной практики обусловлена тем, что она существует как действия людей по объективным законам природы и общества, в соответствии с которыми образуются объективные результаты практической деятельности людей.⁹

Однако еще находятся авторы, полагающие, что признание в качестве объекта эстетического сознания общественно-исторической практики, единства природного и общественного безоговорочно означает субъективизм. Так, с точки зрения П. Строкова, «нетрудно понять, что объявлять этот объект «сплавом» природного и общественного — значит провозглашать неразрывность объективного и субъективного, действительности и сознания, отображаемого и отображения», что означает оказаться «полностью в объятиях субъективных идеалистов».¹⁰

Какая железобетонная логика! Неразрывность природного и общественного для П. Строкова равнозначно... неразрывности объективного и субъективного, действительности и сознания, отображения и отображаемого. То есть, по П. Строкову, само «общественное» означает лишь «субъективное», «сознание», «отображение». Итак, общественное бытие (а именно оно по концепции, подвергаемой Строковым ostrакизму, выступает как общественное в эстетическом объекте) под пером П. Строкова превратилось... в сознание.

Впрочем, П. Строков не оригинален. «Социальность нераздельна с сознательностью. *Общественное бытие и общественное сознание, в точном смысле этих слов, тождественны*», — утверждал А. Богданов. Вероятно не бесполезно напомнить, что по этому поводу писал В. И. Ленин: «Общественное бытие и обще-

⁹ В советской философской литературе неоднократно обосновывалось положение об объективном характере общественно-исторической практики. См. П. П. Чупин, Диалектика общего и отдельного в категории «практика», «Философские науки», 1962, № 1, стр. 82; Ю. Ф. Бухалов, Соотношение субъективного и объективного в практике, «Философские науки», 1961, № 1, стр. 65; Н. М. Дмитриенко, О категориях объективного и субъективного, Вестник Ленинградского университета, № 23, серия экономики, философии и права, вып. 4, стр. 45.

¹⁰ «Октябрь», 1961, № 12, стр. 204.

ственное сознание не тождественны, — совершенно точно так же, как не тождественны бытие вообще и сознание вообще. Из того, что люди, вступая в общение, вступают в него, как сознательные существа, никоим образом *не следует*, чтобы общественное сознание было тождественно общественному бытию». ¹¹ И дальше: «Попытка Богданова незаметным образом поправить и развить Маркса «в духе его основ» представляет из себя очевидное искажение этих *материалистических* основ в духе *идеализма*. Смешно было бы отрицать это». ¹²

Не более оригинальные превращения у П. Строкова происходят с понятием общественно-исторической практики. Стремясь поставить вопрос о сторонниках неугодной ему концепции как агентах империалистических хищников, П. Строков заявляет: «Есть практика и практика... Есть грабительская, человеконенавистническая «практика» империалистических хищников и преобразующая мир гуманистическая практика строителей коммунизма. О какой из этих практик идет речь в книгах и статьях защитников «концепции эстетических свойств», остается неизвестным». ¹³ Оставим П. Строкова в столь приятном ему неведении и посмотрим, что же он утверждает в своих критических отрицаниях.

У сторонников «концепции эстетических свойств» речь идет об общественно-исторической практике. П. Строков же подменяет это понятие понятием чисто субъективной полезности, что, как известно, делает философия прагматизма. А кроме этого, таким образом трактуемая П. Строковым практика по сути дела означает «социально-организованный опыт» того же А. Богданова. Для того, кто знает, какое содержание марксистская философия вкладывает в понятие «общественно-историческая практика», не может возникнуть сомнений, появившихся у П. Строкова: означает ли она практику империалистов или строителей коммунизма. Если понимать практику не прагматистски и не по Богданову, то, очевидно, и практика империализма не свидетельствует в пользу империализма, как наивно полагает П. Строков. Вспомним опять слова В. И. Ленина: «...критерий практики, — т. е. ход развития *всех* капиталистических стран за последние десятилетия, — доказывает только объективную истину *всей* общественно-экономической теории Маркса вообще...» ¹⁴

Читая статью «Все-таки субъективизм!» П. Строкова, с должной скромностью провозглашающего себя и своих единомышленников И. Астахова, Ан. Дремова, Я. Эльсберга «последовательными марксистами-эстетиками», невольно вспоминаешь

¹¹ В. И. Ленин, Соч., изд. 4-е, т. 14, стр. 309.

¹² Там же.

¹³ «Октябрь», 1961, № 12, стр. 206.

¹⁴ В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 130.

известную формулу: «Шел в комнату, попал в другую». Бросая ближнего в объятия идеализма, нужно всегда рассчитывать свои силы, чтобы самому по инерции не очутиться в этих объятиях...

Однако вернемся от статьи П. Строкова к объекту эстетического отношения. Здесь возникает действительно теоретически интересный вопрос: исчерпывает ли взаимоотношение природы и общества, общественная практика объект эстетического отношения? Вопрос это возникает потому, что эстетические оценки объективно обусловлены также и личной, индивидуальной практикой человека, т. е. реальным взаимоотношением оцениваемого явления не только с обществом вообще, но и с оценивающим его конкретным человеком. На самом деле, разве моя эстетическая оценка того или иного явления не определяется также значением этого явления в моей жизни? Разве любая эстетическая оценка не получает тройную «информацию»: о природных свойствах явления, об отношении его к обществу и об отношении его к оценивающему субъекту? Эстетическая оценка фиксирует роль оцениваемого явления в жизни человека не только до эстетического восприятия, но и в самый момент этого восприятия.

Юхан Смуул в «Ледовой книге» очень хорошо описал впечатления от океана, меняющиеся в зависимости от его «отношения» к людям. Вот жара над океаном. «Почти никто уже не восхищается синевой океана и устойчивостью хорошей погоды. Все мечтают о холодном пиве». ¹⁵ «Пялимся на океан. Занятно, до чего красивые слова о море я слышал от людей из глубин материка, впервые увидевших Таллинский залив с подножия памятника «Русалка». В то же время в словаре моих друзей-рыбаков, располагающем оценками самых разных вещей, нет ни одного выражения, характеризующего красоту моря. Тут найдутся хорошие и красивые слова и о женщинах, и о полях, и о хлебах, и о лесе, и обо всем, что обычно закрывает горизонт, — такие слова, рядом с которыми любое литературное сравнение покажется бледным. Но море, бурное или тихое, кажется особенно беспощадным тем, кто плывет домой и перед кем расстилается его бесконечный с виду простор, ненасытно и равнодушно проглатывающий день за днем». ¹⁶ Но позже, когда «взаимоотношение» с океаном стало иным, писатель самокритично замечает: «Я писал и думал о нем несправедливо». ¹⁷

Исходя из всего этого, следует формулу объекта индивидуального эстетического восприятия расширить включением личной, индивидуальной практики человека:

$$(П \overset{\pm}{\longleftrightarrow} 0) \overset{\pm}{\longleftrightarrow} Я,$$

¹⁵ Юхан Смуул, Ледовая книга, «Сов. писатель», М., 1959, стр. 259.

¹⁶ Там же, стр. 265.

¹⁷ Там же, стр. 266.

где «Я» обозначает ту или иную конкретную человеческую личность.

Однако не приводит ли включение индивидуальной, личной практики в объект эстетического отношения к субъективизации этого объекта, к стиранию граней между субъективным и объективным? Чтобы ответить на этот вопрос, надо принять во внимание различие, существующее между познавательно-теоретической и практической деятельностью человека. Мы вполне разделяем следующую мысль М. Г. Макарова: если в процессе теоретического познания единство противоположностей субъекта и объекта устанавливается на основе субъективного, то в «практике, представляющей собою продолжение того же самого процесса познания, единство тех же сторон устанавливается уже на противоположной основе. Содержание субъективного становится объективной формой предметов реального мира, переносится на них в ходе движения — практики. Единство устанавливается на основе объективного».¹⁸

Эстетическое восприятие представляет собой один из видов познавательно-теоретической деятельности человека, и в нем доминирует субъективное начало. Объект же эстетического восприятия определяется практической деятельностью человека, в которой превалирует объективное начало. И это относится не только к общественной, но и к индивидуальной практике.

Героиня романа Э. М. Ремарка «Жизнь взаймы» Лилиан получила в подарок очень красивые орхидеи. «Она освободила коробку от ленты, сняла крышку и папиросную бумагу... и в то же мгновение бросила цветы вместе с коробкой на пол, словно это была крапива». «Эти самые цветы, которые валялись сейчас на полу, она положила на гроб Агнес Сомервилл». Кажется бы, орхидеи остались орхидеями, они даже вполне сохранили свою свежесть. Лилиан сама выписала их из Цюриха. Но теперь она «осторожно обошла цветущую ветку, словно это была змея. Потом открыла окно, нагнулась, захватила кончиками пальцев бумагу и, собрав ею с пола цветы, выбросила и то, и другое через окно»... Почему же изменилось отношение Лилиан к тем же самым цветам? Почему то, что представлялось прекрасным, стало отвратительным?

Цветы остались цветами, но в жизни Лилиан практически и объективно эти цветы заняли определенное место. Это и обусловило их определенное эстетическое воздействие на нее, вне зависимости от того, хотела она этого или нет. Мы видим на этом примере, что и в индивидуальной практике предметы и явления становятся в объективное отношение к чело-

¹⁸ Ученые записки Тартуского государственного университета, вып. 111, Труды по философии, V, Тарту, 1961, стр. 30.

веку и субъективно эстетически воспринимаются в зависимости от характера этого отношения, существующего независимо от сознания и воли человека. «В начале было дело» (Гете).

Правда, приведенный выше пример говорит об объективности индивидуальной практики, поскольку взаимоотношение между предметом и человеком складывалось, так сказать, стихийно. Но можно ли говорить об объективности результатов индивидуальной практики в том случае, когда человек действует целенаправленно, в соответствии со своим сознанием и своими намерениями преобразовывая явления? Очевидно, что такая практически-творческая деятельность осуществляется при помощи сознания, является субъективно-объективной. Однако результаты любой творческой деятельности (в том числе и художественной) являются объективными. Они, во-первых, достигнуты на основе использования объективных законов действительности и предоставляемого ею материала. Во-вторых, они существуют независимо от сознания и воли создавшего их человека. Между результатами деятельности человека и самим этим человеком образуется объективное отношение, от которого зависит субъективная эстетическая оценка.

В. Тасалов в статье «Строительство коммунизма и творчество красоты» критикует «общественную» концепцию эстетического за то, что она при характеристике эстетических свойств, по его мнению, «принципиально отвлекается от индивидуального сознания, от отдельной личности, от ее творческого проявления, противореча тем самым коренной тенденции коммунистического развития культуры».¹⁹ В. Тасалову не нравится то, что по этой концепции общественно-историческое, общественное и человеческое содержание рассматривается «как основа объективности эстетических свойств, но неизменно независимо от отдельного человека, от его сознания и воли».²⁰

Если не принять во внимание неприятный демагогический привкус в этой критике — полемический прием, не достойный серьезного ученого, каким является В. Тасалов, — надо сказать, что В. Тасалов допускает смешение двух различных аспектов в деятельности личности: теоретического и практического, а следовательно, смешение объективного и субъективного. Можно согласиться с В. Тасаловым, что в работах автора настоящей статьи, не было раскрыто соотношение индивидуального и общественного в самом объекте эстетического отношения. Есть все основания полагать, что диалектика общественного и индивидуального присутствует в объекте эстетического отношения и не умаляет его объективности, поскольку индивидуум участвует здесь практически, а по-

¹⁹ «Вопросы литературы», 1961, № 8, стр. 87.

²⁰ Там же, стр. 87.

тому и объективно. Эстетическое сознание человека отражает (конечно, не пассивно, а творчески) в качестве своего объекта результаты и объективный процесс общественной и индивидуальной практической деятельности. Ошибка В. Тасалова, как нам думается, состоит в том, что он в эстетическом отношении не различает его объективной и субъективной сторон, не видит обусловленности эстетического восприятия и переживания его объектом, отрицая тем самым отражательный характер эстетического отношения человека к действительности, искусственно противопоставляя в нем познавательное и творческое начала.

Когда сборник, в котором напечатана настоящая статья, находился уже в производстве, вышел 4 номер болгарского журнала «Философска мисъл», где опубликована статья Н. Ястребовой «Поиски эстетического продолжают...». В содержательной, живо написанной статье Н. Ястребова стремится классифицировать основные точки зрения на эстетическое, выдвинутые в ходе дискуссии. Особый интерес представляет то, что Н. Ястребова для того, чтобы различные взгляды на эстетическое были выявлены наиболее наглядно, использует модельные представления этих концепций». По техническим причинам мы сейчас не можем воспроизвести и проанализировать графические схемы Н. Ястребовой. Отметим лишь следующее. Н. Ястребова совершенно справедливо подчеркивает необходимость учитывать роль практики и личности в процессе эстетического отношения человека к действительности. Но, думается, автор статьи «Поиски эстетического продолжают...» недостаточно четко различает в самой личности ее практическую и теоретическую деятельность, субъективное и объективное. В связи с этим она, правильно отмечая воздействие практики на субъекта эстетического отношения, неправомерно отказывается видеть практическую деятельность личности и общественно-историческую практику в самом объекте эстетического сознания.

«Нетрудно понять, — пишет М. Каган, — почему разбушевавшееся море будет по-разному эмоционально воздействовать на того, кто смотрит на него с берега, и на того, кто оказался среди волн в лодке, или же на пассажира парохода, впервые совершающего морское путешествие, и на матросов, привыкших к штормам и умеющих бороться с ними».²¹ Очевидно, что причиной различного эмоционального отношения к разбушевавшемуся морю являются различия индивидуальной практики, выступающей и как непосредственное взаимоотношение человека и моря (смотрит на него с берега или оказался среди волн в лодке)

²¹ М. Каган, О прикладном искусстве, «Художник РСФСР», Л., 1961, стр. 67.

и как результат предшествовавшего взаимоотношения (пассажир, впервые совершающий морское путешествие, и матрос, привыкший к штормам и умеющий бороться с ними). Хотя это эмоциональное отношение различно у разных людей в зависимости от их практического взаимоотношения с морем, мы вправе говорить об объективной закономерности, определяющей то или иное эстетическое отношение.

В этой связи представляется правильной мысль А. Дубровина, высказанная в статье «Цех эстетический — цехам заводским»: «Почему мы не хотим признать, что поскольку красота есть способность вызывать у людей «положительное эстетическое отношение» (способность, не зависящая от воли этих людей, а внутренне присущая явлениям), люди же бывают разные, то один и тот же предмет, одно и то же явление может быть объективно красивым для одного и некрасивым для другого?»²² Да, на самом деле, если, что называется, «на лицо» имеется определенный объект и определенный субъект, то эстетическая оценка этого объекта этим субъектом будет объективно определяться объективными качествами как объекта, так и субъекта.

Однако проблема объективности различных эстетических свойств, в частности прекрасного, лежит в другой плоскости. Мы можем знать объективную закономерность, в силу которой один человек будет воспринимать какое-либо явление как прекрасное, а другой как безобразное. Но ведь вопрос о том, какое восприятие будет истинным (т. е. соответствующим прекрасному или безобразному), остается еще открытым. Имеем ли мы право вообще говорить об объективно-прекрасном?

Прекрасное, как и все другие ценностные свойства явлений (добро, зло, полезность и т. п.) характеризуют не просто природные и общественные качества этих явлений. Когда мы говорим «прекрасное», «доброе», «полезное», то мы всегда должны иметь в виду по отношению к кому, для кого данное явление выступает как прекрасное, доброе, полезное. Можно вполне согласиться с утверждением Г. Дубова, что «в реальном мире нет полезного вообще, как нет вообще удобного, приятного и т. д. Существует полезное для человека, удобное для человека и точно так же эстетическое для человека».²³ Но подчеркнем, что «для человека» не только в субъективном смысле (для восприятия), но и в объективном значении для человека существует полезное, удобное, эстетическое.

Но не отрицает ли такое рассуждение объективность прекрасного? Ведь для одного человека явление может выступать как прекрасное, а для другого — как отвратительное? Однако точно так же, как мы ставим все ценностные

²² «Вопросы литературы», 1961, № 7, стр. 84.

²³ «Искусство», 1962, № 2, стр. 73.

свойства в отношении к человеку, мы можем их рассматривать и в отношении к обществу в целом. Нам думается, что объективность всех ценностных свойств, особенно эстетических и этических, определяется их отношением к обществу. Румынский философ академик К. И. Гулиан хорошо показал это на примере этических ценностей в своей статье «Марксистская этика и проблема ценности»: «Несмотря на то, что эти ценности исторически относительны, то есть определяются известными историческими условиями, они все же объективны, так как, будучи исторически необходимыми, соответствуют наиболее прогрессивным требованиям развития общества».²⁴ В этом смысле, представляется, можно говорить об объективности эстетических свойств, в частности, прекрасного. Объективно прекрасным будет то, что прекрасно для общества, то, что благотворно воздействует на процесс общественного развития, способствует возникновению и проявлению всех лучших человеческих сил и способностей.

Конечно, мы не должны забывать, что само общество состоит из личностей, из различных социальных групп, классов. Но в то же время общество имеет свои объективные законы развития, по отношению к которым различные общественные силы находятся в разном отношении, чем определяется прогрессивность или реакционность этих сил. Поэтому прогрессивный класс может в определенном отношении рассматриваться как действительный представитель общества в целом. «Класс, совершающий революцию, — отмечали К. Маркс и Ф. Энгельс в «Немецкой идеологии», — уже по одному тому, что он противостоит другому классу, — с самого начала выступает не как класс, а как представитель всего общества».²⁵ Здесь же К. Маркс делает интересную пометку на полях рукописи «Немецкой идеологии» о том, что этой всеобщности, наряду с другими моментами, соответствуют «иллюзии *общих* интересов. Вначале эта иллюзия правдива».²⁶ В Программе КПСС говорится об общечеловеческом значении моральных норм, «которые выработаны народными массами на протяжении тысячелетий в борьбе с социальным гнетом и нравственными пороками».²⁷

Разумеется, когда речь идет о прекрасном для общества, то это не означает, что то или иное явление должно иметь значение прекрасного для всех составляющих общество людей и классов. Поскольку действительными представителями и проводниками общественного развития выступают передовые общественные силы, трудящиеся массы, то объективное отношение тех или иных явлений к интересам передовых общественных

²⁴ «Вопросы философии», 1962, № 1, стр. 45.

²⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2-е, т. 3, стр. 47.

²⁶ Там же.

²⁷ XXII съезд КПСС, стенографический отчет, т. III, М., 1962, стр. 317.

классов и к народу, в конечном счете, можно рассматривать как объективный критерий определенного эстетического значения этих явлений. Например, разгром фашизма в 1945 году воспринимался фашистами как трагедия. Но, очевидно, для человеческого общества, с точки зрения законов его прогрессивного развития, разгром фашизма — явление прекрасное. Именно потому, что объективное эстетическое свойство определяется объективным отношением явлений к ведущим закономерностям исторического развития общества, идеологи передовых общественных классов, в принципе, имеют возможность наиболее правильно определять объективную эстетическую сущность явлений действительности, так как интересы и идеалы этих классов в наибольшей степени соответствуют закономерностям общественного развития.

Сказанное выше позволяет выявить структуру объекта эстетического отношения. Если в своем эстетическом отношении к миру каждый человек исходит из своей индивидуальной практики, то, понятно, не любой результат этой практики может рассматриваться как имеющий общественное и, тем самым, нормативное значение, как объективный определитель прекрасного, отвратительного, возвышенного, трагического, комического и т. п. с точки зрения общества. Последнее будет иметь место лишь в том случае, когда сама индивидуальная практика является проявлением, составной частью и обогащением общественной практики.

В. И. Ленин в письме к А. М. Горькому от 31 июля 1919 года хорошо показал, что «больные впечатления» писателя обусловлены были особенностями его тогдашней личной, индивидуальной практики: «Вы пишете, что видите «людей самых разнообразных слоев». Одно дело — видеть, другое дело ежедневно во всей жизни ощущать прикосновение. Последнее приходится Вам больше всего испытывать от этих «остатков» — в силу, хотя бы, Вашей профессии, заставляющей «принимать» десятки обозленных буржуазных интеллигентов, да и в силу житейской обстановки».²⁸ Исходя из того, что «если *наблюдать*, надо *наблюдать* внизу, где можно *обозреть* работу нового строения жизни», В. И. Ленин пишет в заключении письма: «Не хочу навязываться с советами, а не могу не сказать: радикально измените обстановку, и среду, и местожительство, и занятие, иначе опротиветь может жизнь окончательно».²⁹

Индивидуальная практика сама становится выражением и обогащением общественной практики, когда, во-первых, участвующая в ней личность может рассматриваться как «пред-

²⁸ В. И. Ленин, Соч., изд. 4-е, т. 35, стр. 348.

²⁹ Там же, стр. 350.

ставитель общества»; во-вторых, когда акт индивидуальной практики по отношению к общественной практике не носит чисто случайный характер. Вот почему, как правильно отмечает проф. Курт Магритц в статье «В поисках законов красоты», «совершенный человек есть незыблемый критерий (Maßstab) народа для эстетической оценки красоты человека и природы».³⁰ При чем К. Магритц полагает, что марксистско-ленинская эстетика должна исходить при этом из марксистско-ленинского понимания совершенной человеческой личности. Не случайно эстетическое переживание является «бескорыстным», воедино сплавляющем личное и общественное. Основа этого в самом объекте эстетического отношения, в котором диалектически объединяется индивидуальная и общественная практика.

Каким образом в эстетическом объекте соединяется индивидуальная и общественная практика мы постараемся показать на материале изумительной повести Джона Стейнбека «Жемчужина». Ловцу жемчуга бедному индейцу Кино необыкновенно повезло. Он случайно выловил огромную жемчужину, не уступающую «в совершенстве самой луне». «Она вбирала в себя свет и словно очищала его и отдавала обратно серебристым излучением». Она была и необычайно большой и совершенной по форме.

Но дальше произошло то, что писатель определил в следующей замечательной формуле: «Сущность жемчужины смешалась с людской сущностью, и эта смесь выделила странный мутный осадок». В повести показано как жемчужина Кино стала предметом вождения и священника, и доктора, и скупщиков жемчуга. Но никого из них не привлекала красота жемчужины. Всех их обуяла жажда обогащения. Кино тоже не отнесся к жемчужине «незаинтересованно», но его томила не просто жажда денег, а возможность удовлетворения насущных, однако почти неудовлетворимых для его народа, потребностей: купить жене шаль, юбку и туфли, себе — белый костюм, новую шляпу, башмаки со шнуровкой, одеть сына, купить карабин, научить сына «писать и понимать по-писанному». Он мог теперь себе позволить обвенчаться в церкви со своей женой. И эти желания, отнюдь не корыстные, не парализовали эстетического отношения Кино к жемчужине. Вот Кино положил жемчужину перед собой. «И красота жемчужины, зыбко мерцающей серебром при свете огарка, обманула его своей прелестью. Она была такая красивая, такая нежная, и у нее была своя песнь — песнь, полная обещаний, сулящая радость, надежное будущее, покой».

Кино и его жена Хуана испытывают полную чашу страданий, которые принесла им жемчужина. Мир корысти обрушился на семью бедняка, который посмел мечтать вырваться из оков бед-

³⁰ «Deutsche Architektur», 1960, 4, S. 181.

ности. Злополучную жемчужину нагло и коварно вымогает доктор, к ней хочет «присосаться» и священник. Хитрые скупщики пытаются ее заполучить за бесценок. На жизнь Кино совершаются покушения. Хижину его сжигают, а сам он с женой и маленьким грудным сыном должен бежать, преследуемый следопытами и вооруженным всадником. И пуля преследователя разможила головку маленького Койотито — сына Кино и Хуаны. И вот последняя сцена повести. Кино и Хуана стоят на берегу моря. Кино вынул огромную жемчужину. «Он взгляделся в ее поверхность — серую, бугристую теперь. Искаженные злобой лица смотрели на него оттуда, и он увидел зарево пожара. И на поверхности жемчужины он увидел обезумевшие глаза человека, упавшего в бочажок. И на поверхности жемчужины он увидел Койотито, который лежал в маленькой пещере, и головка у Койотито была разможжена пулей. Жемчужина была страшная; она была серая, как злокачественная опухоль». И Кино швырнул жемчужину в море...

Писатель опирается на народное поверье, передававшееся из уст в уста. Но даже если не было этой трагической истории, то возможность ее существования и типичность ее вне всякого сомнения. Почему же вначале жемчужина воспринималась Кино как прекрасная, а затем как безобразная, отвратительная? Это произошло не в результате его сознательных устремлений и намерений, не потому что Кино своим сознанием наделил жемчужину красотой или безобразностью. Эстетическое восприятие следовало за той ролью, которую жемчужина играла в его жизни.

Но, спрашивается, имеет ли значение личная, индивидуальная практика Кино и его жены Хуаны для характеристики объективного эстетического свойства этой жемчужины? Думается, несомненно. Д. Стейнбек на протяжении всей повести подчеркивает, какое живое участие принимал народ в судьбе Кино и Хуаны. Они сами были неотъемлемой частью народа. Кроме того, то, что произошло с Кино и Хуаной, не есть следствие просто случайностей. Это было необходимым проявлением закономерностей общества, где все продается и покупается, где красота ценится лишь благодаря своей цене, где человеческий труд является средством наживы для господствующих тунеядцев. Поэтому и личная практика Кино и Хуаны, определившая их отношение к жемчужине, это часть практики их народа, и более того, это проявление практики всех трудящихся людей в обществе гнета и эксплуатации.

Отсюда понятно, что отношение Кино и Хуаны к жемчужине — не произвольно-субъективное. Оно имеет известное нормативное значение, потому что каждый человек, будучи на их месте, должен был бы точно также эстетически воспринимать эту

жемчужину. И мы ее так и воспринимаем, читая повесть Стейнбека. И если бы нам показали эту жемчужину, при ее эстетическом восприятии мы не могли бы отрешиться от той печальной истории, которая с ней связана...

Все сказанное выше позволяет нам знаковую модель объекта эстетического отношения выразить следующим образом:

$$(П \overset{\pm}{\longleftrightarrow} 0) \overset{\pm}{\longleftrightarrow} Я_0, \quad [1]$$

где « $\overset{\pm}{\longleftrightarrow}$ » — знак, обозначающий взаимодействие, не являющееся чисто случайным по отношению к общественной практике; « $Я_0$ » — личность, рассматриваемая как «представитель общества».

Разумеется, данная модель не в состоянии дать полное представление об эстетическом объекте. В ней мы обозначаем предмет эстетической оценки, общество, личность, отвлекаясь от их сложной внутренней структуры. Однако, думается, эти явные упрощения и схематизм в модели не препятствуют установлению тех связей между предметом, обществом и личностью, которые имеют существенное значение для характеристики объекта эстетического сознания. Оговоримся также, что знаки модальности (+ и —) не раскрывают всего возможного богатства взаимоотношений между предметом и обществом (знаки модальности \longleftrightarrow и $\overset{\pm}{\longleftrightarrow}$ совпадают, поскольку личная и общественная практика находятся здесь в полном единстве). Эти знаки обозначают лишь крайние, полярные состояния взаимодействий, которым соответствуют положительность или отрицательность объекта эстетического отношения — прекрасное или отвратительно-безобразное. Вместе с тем следует учитывать, что в пределах от «+» до «—» существуют многообразные, сложные, подчас противоречивые взаимодействия, которые эстетически определяются категориями возвышенного, трагического, комического, трагикомического и т. п. в их различных разновидностях.

Знаковая, или символическая, модель объекта эстетического отношения позволяет подчеркнуть некоторые существенные его особенности.

Объект эстетического отношения, по нашему мнению, и есть то, что называют «эстетическими свойствами», отражающимися в эстетическом сознании человека. Это дало основание для упрека рассматриваемой концепции в суждении реального объекта эстетического познания. Так, например, по мнению Г. Дубова, «эстетическое познание — это художественное отражение всего реального мира, а не отдельных «эстетических свойств»». ³¹ Думается, предложенная модель объекта эстетического отношения ясно показывает, что эстетическое сознание, по нашему

³¹ «Искусство», 1962, № 2, стр. 73.

мнению, отражает весь реальный мир — природу, общество, человека. В нашем понимании, эстетическое свойство не есть какое-то автономное, изолированное свойство, а представляет собой такое взаимоотношение природных и общественных свойств и качеств реальной действительности (взаимоотношение, образующееся в процессе практики), которые в этом своем единстве и выступают как определенный объект эстетического отношения.

Не будем спорить о словах. Немецкий эстетик Хорст Редекер в книге «История и законы эстетического» пишет: «Под эстетическим здесь понимается эстетическое сознание».³² Казалось бы, имеются все основания, чтобы обвинить Редекера в отрицании объективно-эстетического, в эстетическом субъективизме. Но внимательное знакомство по существу с работой Х. Редекера показывает, что ее автор не только признает, но и обстоятельно анализирует объект эстетического сознания, подчеркивая его объективную обусловленность, рассматривая «эстетическое как отражение сознанием общественной практики».³³ Однако хотя и речи быть не может о субъективизме концепции эстетического Х. Редекера, его, на наш взгляд, следует упрекнуть за то, что он не вводит понятия, которое обозначало бы единство всех элементов, составляющих объект эстетического сознания. Таким понятием, мы полагаем, и должно быть «эстетическое свойство».³⁴

Но правомерно ли объект эстетического отношения называть эстетическим объектом и, следовательно, эстетическим свойством? Разве эстетическое существует не как взаимоотношение объекта и субъекта? Можно ли в таком случае говорить об объективно эстетическом?

Безусловно, эстетическое существует как взаимосвязь объекта и субъекта, т. е. как эстетическое отношение человека к действительности. Возникшая на основе общественно-исторической практики, практика эстетического отношения человечества привела к тому, что и объективная и субъективная стороны эстетического отношения обрели относительную самостоятельность. Развитие субъективной стороны сформировало эстетическую способность людей — эстетические вкусы, идеалы, потребности, которые существуют у человека не только в момент его эстетического восприятия и переживания. С другой стороны, объект эстетического отношения тоже существует и тогда, когда его никто не воспринимает, подобно тому, как запись на ферромагнитной ленте, хотя и сделана на

³² Horst Redeker, *Geschichte und Gesetze des Ästhetischen*, Berlin, 1960, S. 14.

³³ Там же, стр. 9; см. также стр. 26, 56.

³⁴ См. нашу монографию «Предмет эстетики» (изд. «Искусство», 1961), стр. 39—44.

магнитофоне, существует независимо от того, воспроизводим мы ее или нет. И точно так же, как эта запись может быть проиграна на всех магнитофонах определенной конструкции, объект, содержащий «информацию», необходимую для эстетического сознания, может быть включен в то или иное конкретное эстетическое отношение. И думается, мы вправе объект, обладающий способностью (обретенной в процессе исторического развития общества) участвовать в эстетическом отношении человека к миру, называть эстетическим объектом, объективно-эстетическим, эстетическими свойствами явлений.

Совершенно очевидно, что при таком понимании объективно-эстетическое, эстетические свойства выступают как объективная предпосылка эстетического переживания, но ни в коем случае не тождественны последнему. Эстетическое переживание возможно только тогда, когда возникает соприкосновение в процессе эстетического восприятия между объектом эстетического отношения, с одной стороны, и имеющейся у человека эстетической способностью, с другой. Проф. В. П. Тугаринов в книге «О ценностях жизни и культуры» справедливо, на наш взгляд, различает ценность красоты и ее природу, источник.³⁵ По его мнению, «ценность красоты прежде всего — в доставляемой ею духовной радости».³⁶ Как ценность, «красота — это единство объективного и субъективного». Но объективным является «самый источник красоты, а именно: эстетические свойства действительности»;³⁷ «Прекрасным мы называем также ту сторону явлений природы и вообще действительности, которая доставляет нам духовную радость, удовольствие, наслаждение. Эту сторону у нас принято называть «эстетическими свойствами действительности»».³⁸

*

* *

Теперь попытаемся представить в виде знаковой, символической модели субъективную сторону эстетического отношения человека к действительности, иначе говоря, эстетическую способность человека. Эта способность возникла у человека в ходе его эстетической практики. У отдельного же человека она формируется в процессе его индивидуального эстетического опыта. Отдельный элементарный акт эстетического опыта можно обозначить так:

Об → Я,

³⁵ См. В. П. Тугаринов, О ценностях жизни и культуры, изд. Ленинградского университета, 1960, стр. 140.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же, стр. 146.

³⁸ Там же, стр. 138.

где «Об» — объект эстетического отношения, «Я» — субъект эстетического отношения, « \rightarrow » — символ, обозначающий воздействие. Модальность этого воздействия определяется как модальностью эстетического объекта, так и особенностями самого субъекта.

Эстетический вкус, являющийся способностью непосредственно эмоционально (нравится — не нравится) оценивать различные эстетические свойства, вырабатывается как бы суммируя эстетический опыт человека. Исходя из этого, можно обозначить вкус в виде следующей формулы:

$$\sum_{\Pi} (\text{Об} \rightarrow \text{Я}),$$

где Σ — сумма эстетического опыта, Π — индекс, который нумерует элементарные акты эстетического восприятия.

Однако вкус не представляет собой высшее выражение эстетической способности человека. Развитие эстетическое отношение человека к действительности предполагает существование эстетического идеала, с позиции которого и выносятся эстетическая оценка воспринимаемому эстетическому объекту. Причем, в отличие от чисто вкусовой оценки, оценка с точки зрения идеала является более обоснованной и осознанной, так как исходит из более глубокого, более интеллектуального обобщения эстетического опыта, чем вкус. Поэтому эстетический идеал как высшую эстетическую способность можно представить формулой:

$$\sum_{\Pi} \Sigma (\text{Об} \rightarrow \text{Я}),$$

где Σ — знак суммирования вкусовых оценок, образующего качественно новый уровень эстетического обобщения.

Если подставить вместо «Об» ранее выведенную его формулу, то модель эстетической способности примет следующий вид:

$$\sum_{\Pi} \Sigma \{ (\Pi \overset{\pm}{\longleftrightarrow} 0) \overset{\pm}{\longleftrightarrow} \text{Я}_0 \} \rightarrow \text{Я} \} \quad [2]$$

Известная мысль К. Маркса о том, что «идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней»,³⁹ сохраняет все свое значение и при анализе эстетически-идеального. Вполне понятно, что причинная обусловленность субъективного объективным ни в коем случае не отрицает относительную самостоятельность субъективного, его активность и творческую природу в материалистическом ее понимании. Эстетическая способность человека осущес-

³⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2-е, т. 23, стр. 21.

ствляет творческую переработку той «информации», которую доставляет эстетический объект,⁴⁰ и в соответствии с направленностью эстетической способности (классовый, национальный, индивидуальный характер эстетического идеала) производится конкретная эстетическая оценка.

Итак, символическая, или знаковая модель эстетического отношения человека к действительности предстает в следующем виде:

$$[(\text{П} \overset{\pm}{\longleftrightarrow} 0) \overset{\pm}{\longleftrightarrow} \text{Я}_0] \longrightarrow \sum_n \{ (\text{П} \overset{\pm}{\longleftrightarrow} 0) \overset{\pm}{\longleftrightarrow} \text{Я}_0 \longrightarrow \text{Я} \} \quad [3]$$

По этой модели видно, что в эстетическом отношении человека к действительности объективное и субъективное многократно диалектически переплетаются друг с другом. Как говорилось выше, объективная и субъективная стороны эстетического отношения обладают относительной самостоятельностью. Но ведь и сам эстетический объект представляет собой диалектическое единство природного и общественного, общественного и индивидуального, объективного и субъективного в практике. Субъективная же сторона эстетического так же образуется в результате взаимодействия природного и общественного, общественного и индивидуального, объективного и субъективного.

Эта сложная диалектика объективного и субъективного содержится в любом эстетическом отношении любого человека. Если же речь идет о произведении искусства, то следует иметь в виду, что оно представляет собой в определенном смысле материализацию, объективизацию в художественном образе эстетического отношения к действительности человека-художника. То, что искусство является высшим видом эстетического отношения, стало общепризнанным в нашей эстетике. Следовательно, художественное произведение, выступая само как объект эстетического восприятия, включает в себя все сложные и многообразные связи эстетического отношения человека. Все это показывает важность конкретного и исторического исследования диалектики объективного и субъективного в эстетическом, с учетом их взаимопереходов и взаимопревращений, с учетом положения В. И. Ленина: «Различие субъективного от объективного есть, но и оно имеет свои границы».⁴¹

Предложенная модель эстетического отношения позволяет проследить два вида «обратных связей», существующих в этом отношении.

⁴⁰ Применение понятия «информация» для характеристики эстетического отношения не есть просто метафора. Инженер К. Леонтьев правильно отмечает то, что эстетические восприятия «подчиняются общим законам теории информации» (К. Л. Леонтьев, Музыка и цвет, изд. «Знание», М., 1961, стр. 25).

⁴¹ В. И. Ленин, Соч., изд. 4-е, т. 38, стр. 86.

1. Человек в ходе практической деятельности воздействует на действительность, утверждает себя в ней. Результаты же этой деятельности, этого утверждения воздействуют обратно на человека в процессе его эстетического отношения к действительности.

2. Действительность в ее эстетических свойствах передает человеку «информацию» о степени освоения мира человеком, его утверждения в действительности, его свободы. Эстетическое сознание «перерабатывает» эту «информацию» и в порядке «обратной связи» эстетически, идейно-эмоционально стимулирует человеческую деятельность, способствуя тем самым новым успехам в практическом освоении мира.

В этом состоит значение эстетического отношения человека к действительности как одного из видов «саморегулирования», происходящего в процессе общественного развития.

О ГНОСЕОЛОГИЧЕСКОЙ ПРИРОДЕ КОМИЧЕСКОГО ОБРАЗА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ТЕОРИИ ИНФОРМАЦИИ

Ф. С. Лимантов

В марксистско-ленинской эстетической литературе тезис о познавательной функции искусства приобрел к настоящему времени аксиоматический характер. Как в общих трудах по эстетике, так и в ряде специальных работ¹ рассматривается познавательное значение искусства, анализируется гносеологическая природа художественного образа и познавательный характер эстетического восприятия. При этом в упомянутых работах речь идет об искусстве в целом или вообще об эстетическом восприятии.

Между тем естественно предположить, что в разных сферах художественного освоения действительности (в области трагического, комического, возвышенного и т. д.) познавательная природа эстетического восприятия имеет какие-то специфические черты.

О присутствии в комическом познавательного момента свидетельствуют уже легко наблюдаемая неповторимость комического, то, что полноценный комический эффект имеет место лишь при первом восприятии, когда мы впервые столкнулись с комическим образом. При повторном же восприятии этот эффект оказывается уже заметно ослабленным.

Правда, нечто подобное наблюдается в случае всякого эстетического восприятия. и, больше того, существует общепсихологическая закономерность притупляемости чувства. Закономерность эта, действительно, существует, но одна она не объясняет того, что происходит при повторном восприятии комического. Дело в том, что при таком восприятии комический эффект не просто ослабляется, но часто ликвидируется почти без

¹ См., напр., Б. Г. Кубланов, Гносеологическая природа литературы и искусства, Львов, 1958; Т. В. Матвиц, Искусство как средство познания действительности, Минск, 1957; Э. Бартке, О своеобразии эстетического восприятия действительности, М., 1958; О. Н. Органова, Искусство как специфическая форма познания действительности, М., 1957; А. И. Илиади, Искусство как познание в свете ленинской теории отражения, М., 1956.

остатка. Больше того, повторение в области комического приводит даже к появлению какого-то неприятного чувства. «Повторенное острое слово становится глупостью», — писал Пушкин.² Об этом же говорил Белинский, отмечая, что «одна и та же шутка не должна повторяться два раза, под опасением сделаться плоскою и скучною».³ Эта особенность оказывается присущей комическому и только комическому. Ведь невозможно представить себе, что прекрасное при повторном восприятии произведет впечатление чего-то безобразного. В случае же комического именно это и происходит. Повторение часто делает комический образ просто не имеющим смысла.

Очевидно, что это может быть следствием только того, что сама сущность комического имеет в значительной мере познавательный характер и, следовательно, механизм комического эффекта не может быть раскрыт без учета его гносеологической природы.

В области комического удивительно рельефно вырисовывается диалектическая связь познанного с еще непознанным. Чтобы комический эффект мог иметь место, необходимо чего-то не знать о предмете. Но не менее необходимо и что-то о нем знать. Если то или иное проявление прекрасного в природе может эстетически потрясти человека, впервые столкнувшегося с этим явлением (впервые увиденное море и т. п.), то в области комического это совершенно исключено. Здесь необходимо какое-то сопоставление известного с неизвестным. Чешские исследователи Ганзелка и Зикмунд, путешествуя по Африке и Южной Америке, наблюдали, что некоторые особенности их машины часто вызывали у жителей самых различных стран однозначную реакцию. «Зрители, гроздьями облепившие «татру», шумно рассмеялись, когда мы стали закрывать передний капот. Точно так же это в свое время забавляло марроканских номады, египетских феллахов, суданских студентов в Омдурмане и негров из племени банту в Конго и Танганьике, когда мы на их глазах открывали передний капот: «Шины вместо мотора!»».⁴

Это интересное наблюдение свидетельствует прежде всего о том, что именно незнание о существовании автомобилей с задним расположением двигателя обуславливало комический эффект. Люди, знавшие о подобных машинах, ничего смешного в «татре» не находили.

Что же касается людей, которые до «татры» не видели ни какого автомобиля, то они тоже не могли усмотреть ничего смешного в особенностях ее конструкции. В этом случае причиной было отсутствие исходного знания, а не его избыток.

В случае комического всегда имеет место взаимодействие

² А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., М., 1949, т. XI, стр. 61.

³ В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., М., 1959, стр. 129.

⁴ И. Ганзелка и М. Зикмунд, Через Кордильеры, М., 1960, стр. 102.

между уже имеющимся знанием о предмете и новой ранее неизвестной его стороной. Разумеется, новые сведения о предмете прибавляются к имеющемуся знанию в случае любого познавательного акта. При восприятии же комического это новое знание не просто добавляется к имеющемуся, а особым образом сопоставляется и активно взаимодействует с ним. Здесь мы сталкиваемся с особым рода новизной и неожиданностью.

Ведь если какой-нибудь автор сравнит глаза описываемого человека с голубым небом, то такое сравнение мы не назовем художественным именно в силу его тривиальности. Ничего нового, неповторимого и неожиданного в таком сопоставлении нет. Но вот у Шолохова герой глядит глазами «светлыми, как небушко». Шолоховское сравнение — это уже художественный образ, ему присущи и оригинальность и неожиданность. Но неожиданность подобных сопоставлений — это, так сказать, ожидаемая неожиданность.

Иное дело сравнения комического плана. В рассказах В. Полякова у одного из героев маленькие голубые глазки, как «щелки копилки», в другом случае говорится о глазах «цвета хаки». В подобных сравнениях неожиданный характер имеет не только признак, но и сама область, к которой он принадлежит; здесь неожиданным является сам аспект сопоставления.

Таким образом, рассмотрение гносеологической природы комического образа неизбежно ставит задачу анализа специфики комической неожиданности, упоминание о которой давно уже стало общим местом работ, посвященных комическому. Некоторые авторы пытались расшифровать понятие неожиданности, но чаще ограничивались простым его пересказом, говоря, например, о внезапности, контрастности комического и т. п. Мера неожиданности комического образа, ее количественная и качественная стороны оставались совершенно неизученными.

Возможность такого изучения появилась сравнительно недавно, лишь в середине XX века с возникновением отрасли научного знания, специально рассматривающей меру неожиданности, заключенной в переданном и воспринятом сообщении, с появлением теории информации. Интересно отметить, что именно теория информации является той математической дисциплиной, которая начинает все более широко применяться не только к биологии, психологии, лингвистике, но и к литературоведению (работы Колмогорова и др.).

Какие аргументы можно привести в пользу того, что теоретико-информационный подход может оказаться полезным при рассмотрении познавательной природы комического?

Прежде всего следует отметить, что в познавательном отношении комический образ, как и всякий художественный образ, является разновидностью сообщения, он всегда означает познание новых, ранее неизвестных связей и отношений, его

восприятие связано с изменением степени неопределенности. При этом не является препятствием и то обстоятельство, что теория информации основана на применении вероятностных методов исследования. Напротив, именно такой подход может существенно облегчить рассмотрение диалектики ожидаемого и неожиданного. Ведь понятие о предмете можно рассматривать как результат многократно повторяющихся сообщений, как знание о наиболее вероятных состояниях предмета. Совершенно естественно, что человек ждет дальнейшего подтверждения многократно произведенных наблюдений и каждое новое испытание, идущее вразрез с ними, производит впечатление неожиданности. Раз исходное понятие можно рассматривать как результат многократных испытаний, дававших однозначный результат, то фиксация совершенно новой связи может означать лишь то, что сделано наблюдение события, вероятность которого ничтожно мала.

С точки зрения теории информации сообщение о подобном событии включает в себе наибольшее количество информации. Именно теория информации может, следовательно, помочь в оценке степени неожиданности, присущей комическому.

Таким образом, уже первое сопоставление некоторых общих положений теории информации с проблемами, возникающими при анализе гносеологической природы комического, говорит о правомерности попытки построения теоретико-информационной картины восприятия комического.

Для такого построения важен прежде всего тот раздел теории информации, в котором говорится о передаче сообщений по реальным каналам связи. Известно, что такая передача всегда сопровождается какими-то искажениями, поскольку реальный канал связи всегда является каналом с помехами. Наличие помех (шумов) не всегда приводит к потере информации благодаря тому, что передаваемые сообщения обладают т. н. избыточностью, на их воплощение употреблены «лишние» символы, которых могло бы не быть при передаче сообщения по идеальному каналу.

Посмотрим, что представляет собой с этой точки зрения комический образ.

Давно замечено, что в основе комического лежит своего рода искажение. «Некоторую ошибку» усматривал в смешном Аристотель,⁵ о нескладности упоминает в этой связи Ч. Дарвин.⁶

При этом в ряде случаев искажение имеет ту же форму, что и хорошо изученные теорией информации и математической лингвистикой случаи. Так, многие каламбуры появились в результате замены одной или нескольких букв в хорошо известных

⁵ Аристотель, Об искусстве поэзии, М., 1957, стр. 53.

⁶ Дарвин, Полн. собр. соч., т. II, кн. 2-я, М—Л, 1927, стр. 130.

высказываниях. Только одна буква была изменена в гербовом девизе Аракчеева и родилось убийственное «Бес лести предан». В ходячем выражении «Убийцы из-за угла» заменили одну единственную букву и появилась меткая подпись под рисунком художника Черемных, изображавшего схватку рурских угольных королей, — «Убийцы из-за угла».⁷ Аналогичный характер имеет горьковское: «Кочка зрения» и многие другие каламбуры.

Такого рода искажения отдельных букв могли бы стать фактором, действующим в направлении уменьшения количества информации. Но в случае комического это особого рода искажение, искажение глубоко осмысленное, не уменьшающее, а резко увеличивающее количество информации. Здесь перед нами тот случай, когда новая информация рождается в результате взаимодействия сообщений, на пересечении двух информационных рядов. Ведь если бы в выражении «точка зрения» вместо буквы «Т» появилось бы «Н», «Б» или «П», то смысл этого выражения был бы затемнен, произошла бы потеря информации, усугубленная кажущейся осмысленностью первого слова. Выражение же «кочка зрения» стало замечательной характеристикой узкого кругозора именно потому, что само слово «кочка» содержало возможность такой характеристики. («С высоты кочки не много увидишь» — писал Горький.⁸) Сочетание же этого слова с известным выражением «точка зрения» вызвало мощный информационный пульс, породило всплеск информации. Еще Дидро подметил, что неверное слово, странное выражение могут сказать больше, нежели десяток красивых фраз.⁹

При этом деформация исходного сообщения должна оставаться в границах, определяемых величиной его избыточности. Если бы это сообщение было искажено до неузнаваемости, то комический эффект не мог бы иметь места. Комический образ возникает тогда, когда первоначальное сообщение еще не утратило заключенной в нем информации, а искажение внесло уже новый смысл, новую информацию. Условием комического эффекта является именно сопоставление исходного сообщения с деформированным.

В простейшем случае это происходит, когда играющие в «испорченный телефон» сравнивают результаты намеренного искажения с первоначально произнесенной фразой. В данном случае комический эффект порожден специально внесенными помехами.

Ненамеренное искажение также нередко является источником комического. Достаточно вспомнить бесчисленные анекдоты о перевранных телеграммах, двусмысленных опечатках и т. п. Эти элементарные примеры, совершенно прозрачные с точки

⁷ «Крокодил», 1923, № 4.

⁸ М. Горький, Собр. соч., М., 1953, т. 27, стр. 49.

⁹ Д. Дидро, Собр. соч., М., 1946, т. VI, стр. 542.

зрения теории информации, тоже свидетельствуют о том, что в гносеологическом отношении комический эффект порождается деформацией какого-то исходного сообщения.

Представления и выводы теории информации применимы не только к тем каламбурам, где искажены одна или несколько букв. Часто наблюдаемое в области остроумия неожиданное сочетание слов тоже может быть осмыслено в свете этой теории.

При изучении теоретико-информационных характеристик устной и письменной речи производились подсчеты, оценивающие среднюю информацию, содержащуюся в одном слове текста. Между словами, как и между всякими элементами сообщения, существует корреляция, степень которой определяется статистической связью. Коэффициент относительной энтропии, а, следовательно, и избыточность могут быть установлены и для слов, поскольку каждое слово сообщения в какой-то степени зависит от предыдущих. С этой точки зрения именно появление наименее подготовленного предшествующим текстом слова может вызвать комический эффект.

Так, вероятность того, что после прилагательного «военно-полевые» последует существительное «суды», близка к единице. Но в записной книжке И. Ильфа вместо естественного «суды» мы находим неожиданное «цветы». Вероятность такого словосочетания близка к нулю, но оно не бессмысленно, а глубоко мотивировано, ибо существует выражение «полевые цветы». Здесь опять-таки сталкиваются два сообщения и именно там, где, казалось бы, может произойти лишь утрата информации, имеет место ее возникновение. Подобное столкновение двух сообщений, в результате которого рождается новая информация, наблюдается также в случае комизма двусмысленности, основанном на полисемии слов, и в других областях остроумия.

Теоретико-информационные характеристики применимы и к другим разновидностям комического, ибо в случае всякого комического образа мы сталкиваемся с деформацией исходного сообщения, вызванной взаимодействием с другим источником информации. В результате этого должна появиться новая информация, не обусловленная каждым источником в отдельности. В настоящее время не существует математического аппарата, описывающего эти процессы, но принципиальную возможность его создания¹⁰ вряд ли можно отрицать. Теоретико-информационный подход к проблеме комического может помочь в деле осмысления особенностей творческого процесса в этой области, а, может быть, и облегчить его на каких-то стадиях.

Теоретико-информационные характеристики очень помогают и при рассмотрении отдельных особенностей восприятия комиче-

¹⁰ После проведения экспериментальных исследований по направлениям, подсказанным теорией информации.

ского. Так, то обстоятельство, что деформация исходного сообщения порождается тоже каким-то источником информации, то, что демонстрируемая связь, при всей своей неожиданности, должна быть глубоко мотивированной, иметь основания в самой действительности, хорошо подтверждается примером любой пародии. Известно, что автор пародии, изображающей в комическом свете отдельное произведение или целое направление в искусстве, всегда стремится подражать творческой манере писателя или художника, односторонне порчеркивая и преувеличивая те или иные особенности его художественного почерка. Поэтому оценить пародию, осознать ее направленность и воспринять как произведение комического плана может лишь тот, кто в какой-то степени знаком с пародируемыми произведениями. Так, человек, никогда не читавший С. Щипачева, не оценит стихотворения, пародирующего творческую манеру этого поэта. Пародию такой читатель воспримет как простую нелепость.

Если автор пародии не рассчитывает на то, что читателю известны произведения пародируемого автора, то он попросту цитирует их, предпосылает своей пародии эпиграф, и тем самым сообщает читателю минимум информации, который необходим для полноценного восприятия комического, для возникновения комического образа. Весьма показательным является в этом отношении также следующий пример. Герои кинокомедии Г. Александрова «Весна» по ходу действия оказываются в павильонах киностудии, где в перерывах между съемками происходит их встреча с двумя «Гоголями» и другие забавные происшествия. Интересно, что эти кадры работниками кинематографии были восприняты как тонкая пародия. Зрители же, не посвященные в тайны кинопроизводства, ничего пародийного в этих сценах не увидели.

В реалистическом произведении всякая комическая ситуация, каждое действие героя комедии должны быть причинно обусловленными, всякая связь, фиксируемая в комическом образе, должна вызывать комический эффект именно потому, что она подготовлена всем развитием действия, а не является лишь результатом авторского произвола и желания «посмеяться». Погоня за внешними эффектами, желание рассмешить во что бы то ни стало всегда приводит к искажению действительности. Связи, в корне противоречащие нашим понятиям, нацело отрицающие их, не могут быть взяты из реального мира. В формалистическом же произведении комического жанра правда жизни подменяется неограниченным произволом автора. Надуманный характер каламбура, абсолютная нелепость поступков, бессмысленно невероятный характер событий, превращение действующих лиц в ходячие манекены, — все это неизменно присутствует в произведениях юмористов формалистического направления.

При этом художественная продукция некоторых современных западных авторов является непосредственной реализацией лозунгов идеалистической эстетики. Если в области эстетики рассуждения о природе комического часто сводятся к утверждению того, что комическое должно быть средством «устранения реального», то в области искусства делается все для того, чтобы перевернуть нормальные человеческие понятия, подорвать здравый взгляд на вещи, оболванить читателя, зрителя, слушателя.

При этом формализм в комическом жанре прямо ведет к ликвидации смеха. Если противоположность комического образа доведена до того, что само исходное понятие зачеркивается и разрушается, то вместе с ним ликвидируется и комический эффект. Салтыков-Щедрин писал в одной из рецензий: «автор одной недавно сыгранной в Петербурге комедии заставляет кого-то из своих героев съесть шубу. Это не комизм, а просто-напросто чепуха».¹¹

Действительно, формализм убивает смех. Комизм имеет место тогда, когда отдельные черты изображаемого противостоят нашим понятиям. Что же касается формалистического надругательства над самой сутью человеческих понятий, разрушающего информацию, содержащуюся в исходном сообщении, то оно никогда не вызовет схема у человека с неиспорченным художественным вкусом.

Специфика комического часто заставляет художника балансировать на грани здравого смысла, но она же не позволяет ему переступить эту грань.

Рассмотрение гносеологической природы комического позволяет сделать некоторые выводы и о его познавательном значении, о той роли, которую играет восприятие комического в общем познавательном процессе.

Эта роль определяется прежде всего тем, что восприятие комического всегда связано с осознанием новых связей и отношений.

Диалектика учит, что число реальных объективно существующих связей бесконечно, что каждый предмет связан с каждым другим предметом и явлением. Процесс познания есть процесс все более глубокого проникновения в эти бесчисленные связи и отношения, «бесконечный процесс раскрытия *новых* сторон, отношений etc».¹²

Отражение действительности в форме комических образов является одной из сторон этого бесконечного, непрерывного процесса. Смеясь над смешным, человек фиксирует все новые и новые связи, которые не укладываются в его старые понятия,

¹¹ Н. Щедрин (М. Е. Салтыков), Полн. собр. соч., М., 1937, т. V, стр. 355.

¹² В. И. Ленин, Соч., 4-е изд., М., 1958, т. 38, стр. 214.

познает отношения, которые на первый взгляд кажутся самыми невероятными.

«Чтобы действительно знать предмет, — писал В. И. Ленин, — надо охватить, изучить все его стороны, все связи и «опосредствования». Мы никогда не достигнем этого полностью, но требование всесторонности предостережет нас от ошибок и от омертвления».¹³

Чувство комического и служит одним из средств предостережения от омертвления. Каждый случай смеха является как бы сигналом о том, что понятия наши не являются абсолютными, застывшими понятиями, что всегда есть связи, не учтенные нами, что число этих связей бесконечно. Тем самым восприятие комического лишней раз приобщает нас к диалектическому процессу познания.

При восприятии комического понятия, с одной стороны, развиваются и обогащаются, с другой, — уточняются, оттеняются, очерчиваются более рельефно.

Комические образы, возникшие на базе каких-то исходных сообщений, оказывают на эти сообщения регулирующее воздействие, осуществляя своеобразную обратную связь.

¹³ В. И. Ленин, Соч., 4-е изд., т. 32, стр. 72.

ПОБОРНИКИ «НОВОГО СИНТЕЗА» В РОЛИ ИДЕОЛОГОВ ИМПЕРИАЛИЗМА

Т. В. Лойт

Наука — детище человечества. Всеми своими основаниями и целями она глубоко связана с жизнью человеческого общества. Ученые — не члены какой-то изолированной касты искателей чистой истины, но общественные деятели, работа которых призвана удовлетворять важные социальные потребности. Поэтому характер и развитие научных теорий определены всем комплексом общественных условий. В классовом обществе всегда, в каждый исторический период практика того класса, который владеет производительными силами и занимает господствующее место в производственных отношениях и соответствующей им идеологии, в политических учреждениях, оказывает существенное влияние на научное исследование, на его направление, цели, методы и содержание. Это имеет силу не только по отношению к гуманитарным наукам, которые непосредственно касаются отношений между классами, но и по отношению к естественным наукам.

Иллюзия надклассовости, независимости характера естественно-научных теорий от социальных условий, широко распространяемая буржуазной идеологией, рушится под тяжестью фактов развития науки. Лживость данного утверждения буржуазной философии и пропаганды осознается все большим количеством передовых ученых капиталистических стран.¹ Даже такие представители буржуазной науки и философии, как Б. Рассел, признают, что «ученый тоже является гражданином» и что в наши дни он не может ограничиваться только накоплением знаний, но должен отвечать и за общественное использование своих научных достижений.²

Классовость науки проявляется особенно ярко в нашу эпоху, в эпоху решающей для человечества борьбы двух мировых

¹ См., например, Дж. Бернал, *Наука в истории общества*, И.—Л., М., 1956; Б. Данэм, *Гигант в цепях*, М., 1958 и др.

² B. Russell, *The Social Responsibilities of Scientists*. Science. American Association for the Advancement of Science, vol. 131, N. 3398, 1960, p. 391.

систем — социализма и капитализма. В этой исторической борьбе не может остаться незатронутой ни одна сторона общественной жизни, в том числе и естествознание. Слова Маркса, характеризующие положение науки буржуазного общества середины XIX века: «отныне дело шло уже не о том, правильна или неправильна та или другая теорема, а о том, полезна она для капитала или вредна, удобна или неудобна, согласуется с полицейскими соображениями или нет»,³ сегодня звучат с особой силой. Хорошим подтверждением этого является состояние в капиталистических странах эволюционной теории, обобщающей данные современных биологических наук. В этой связи мы хотели бы обратить внимание на взгляды представителей так называемого «нового синтеза», одной из самых модных теорий в современном учении об эволюции организмов.

С 1859 года, когда увидело свет «Происхождение видов» Ч. Дарвина, идея эволюции живых существ является общепризнанным теоретическим фундаментом современных биологических наук. Однако «судьба» эволюционного учения в последующие сто с лишним лет поучительна.

В борьбе с креационизмом и катастрофизмом победа эволюционизма в биологических науках означала по существу победу материалистического понимания возникновения различных форм организмов над идеалистическим пониманием. Залог успеха учения Дарвина заключается не только в его богатстве фактическим материалом, но и в его последовательной научности, материалистичности, в объяснении изменений органических форм строго естественным путем. Материалистический дух учения Дарвина господствовал в первый период развития эволюционной биологии, в 70-ые и 80-ые годы прошлого столетия. Несомненно, данное обстоятельство имело и свое социальное основание в тогдашнем обществе, в том, что капитализм еще не развивался по нисходящей линии.

Но эволюционизм и дарвинизм не тождественны. Уже в тот период, кроме дарвинистского, материалистического объяснения эволюции, встречались и не дарвинистские истолкования развития организмов (А. Годри, К. Нэгели и др.). Но пока главным противоречием в биологических науках была борьба между креационизмом и эволюционизмом, различия внутри самого эволюционизма оставались на заднем плане. Картина существенно изменилась в 90-ые годы XIX века, после окончательного поражения креационизма и катастрофизма. Образовался новый фронт теоретической борьбы уже в самом эволюционном учении. Начался новый этап развития эволюционной биологии, характеризующийся важными явлениями теоретического и философского порядка.

³ К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 13.

В конце XIX и начале XX вв. биологические науки переживают глубокий кризис прежде всего в области эволюционной теории. Как сущность кризиса в физике, всесторонне раскрытая в книге В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», так и сущность кризиса эволюционной биологии заключается в отказе от материализма и в широком распространении идеализма. Конкретно это выражается в отступлении от дарвиновских принципов при объяснении развития организмов и выдвигании всевозможных антидарвинистских теорий эволюции — теорий ортогенетического развития, неоламаркизма, неовитализма, неогенетицизма и т. д. Кризис биологических наук имеет как свои гносеологические, так и классовые корни. Общегносеологической основой кризиса является метафизическое понимание некоторых основных положений учения Дарвина (соотношения случайности и необходимости изменений организмов, чисто количественное истолкование естественного отбора, непонимание единства и многообразия филогенеза и т. д.) и несовместимость его с новыми фактами, открытыми как палеобиологией, так и необиологией. Общей общественно-исторической основой всего этого натиска идеализма является обострение классовых противоречий буржуазного общества в эпоху империализма.⁴ Идеологи гнивающей буржуазии видели в материализме учения Дарвина прямую опасность, «корень всех зол» для существующего общественного порядка⁵. Классовая сущность антидарвинистского похода, начавшегося на рубеже столетий, открыто выражена в словах современного преформиста Р. Е. Д. Кларка: «Маркс, на которого сочинения Дарвина произвели самое глубокое впечатление, призвал рабочий класс к революции... Путем таких рассуждений Дарвин довел дело до того, что его эволюционные взгляды подорвали всякое серьезное размышление о первопричинах всего сущего».⁶

Теория «нового синтеза», возникшего в 40-годы нынешнего века, является закономерным продуктом развития кризиса в биологических науках. В ходе все усиливающегося распространения идеализма в биологических теориях дело дошло до того, что в наши дни, в середине XX века, возрождались открытый мистицизм и агностицизм. Появились такие «теории» эволюции,

⁴ Подробнее о кризисе эволюционной биологии см. Л. Ш. Давиташвили, В. И. Ленин и кризис в эволюционном учении, Вопросы философии, № 5, 1959; Т. В. Лойт, О кризисе теоретической палеонтологии в конце XIX и начале XX вв., Ученые записки ТГУ, вып. 67, 1958.

⁵ Р. Франсэ, Современное положение дарвинизма. СПб, 1908.; G. S. Carter, A Hundred Years of Evolution, London, 1957; R. Hoistadter, The Coming of Darwinism. In: Evolution and Religion. The Conflict between Science and Theology in Modern America. Edit. by Gail Kennedy, Boston, 1957.

⁶ R. E. D. Clark, Darwin und die Folgen. Zur Geschichte und Kritik der Entwicklungslehre, Herder Verlag, Wien-München, 1954. Цит. по: Вальтер Холличер, Природа в научной картине мира, И. Л., 1960, стр. 363.

как теория аристократизма американского палеонтолога Г. Ф. Осборна, с точки зрения которой эволюция представляет собой «совершенно необъяснимый и таинственный процесс»;⁷ концепция об *elán vital* Бергсона и т. п. Некоторые авторы обращаются при объяснении явлений жизни и ее развития непосредственно к «мировому разуму» и богу. Так, известный испанский биолог А. П. Сунер, работающий в Южной Америке, в своей книге «Классики биологии», утверждая, что жизнь невозможна без цели, без взгляда в будущее, пишет: «... судьба универсума в самом деле детерминирована все-проникающими Целью и Волей; Замыслом и Волей вне человечества, экстрачеловеческими и сверхчеловеческими, сверхъестественными».⁸ Точка зрения биологического неотелеологизма очень ярко выражена также американским философом Э. Томлином. По Томлину «живой и знающий — единые». Жизнь, по его определению, есть тотальность или единство организма, не представляющее собой ничего материального или даже полуматериального. Жизнь характеризуется деятельностью, преследующей цель (*goal-seeking activity*). Томлин пишет: «То, что происходит при любой деятельности есть ряд движений в пространстве и времени: но значении деятельности нельзя обнаружить в этих движениях вообще».⁹

Ненаучность и бесплодность подобных положений для исследовательской работы очевидна и не нуждается в комментариях. Кроме того, неприкрытый мистицизм и агностицизм, уже с порога отвергающий хотя бы по видимости объективное и рациональное объяснение одного из важнейших участков окружающей человека природы и его самого, не может служить сколько-нибудь надежной основой мировоззренческим целям буржуазии, особенно в научных кругах. Подобное положение не могло не вызвать разочарования и среди самих сторонников таких концепций. «Новый синтез» представляет своего рода «отрицание отрицания» в развитии кризиса в области эволюционной теории биологии в буржуазных странах.

Теорию «нового синтеза» характеризует, во-первых, отказ от явной мистики и иррационализма при объяснении эволюции организмов. Например, один из ведущих представителей «нового синтеза» американский палеонтолог Дж. Г. Симпсон в своей книге «Темпы и формы эволюции», вышедшей в 1944 г., пишет: «Это обращение за помощью к неизвестному, присущее всем подоб-

⁷ H. F. Osborn, The dual principles of evolution, Science, 1934, vol. 80, N. 2687, p. 605.

⁸ August Pi Suner, Classics of biology, London, 1955, p. 269. Здесь небезынтересно отметить, что в обширной книге о классиках биологии не найдешь имени Чарлза Дарвина.

⁹ E. W. F. Tomlin, The Philosophy of Life. Dialectica, vol. 13, N. 2, 1959, p. 156.

ным теориям, ... не научно, а метафизично. Категорическое отбрасывание всех материалистических гипотез не оправдывает выдвижения метафизических гипотез как части научного объяснения. Обращение к подобным методам ... никогда ни к чему, кроме притупления мысли, не приводило».¹⁰ Хотя Симпсон и оговаривается, что с философской точки зрения он целиком не присоединяется к материалистическому объяснению жизненных явлений, он, тем не менее, требует, чтобы «при изучении материальных явлений никогда не допускались никакие нематериалистические постулаты».¹¹ То же самое он повторяет в своем главном произведении по эволюционной теории «Главные черты эволюции» и в коллективном труде «Жизнь».¹²

Во-вторых, представители «нового синтеза» снова провозглашают правоту принципов учения Ч. Дарвина, в первую очередь его теории естественного отбора, как одного из главных факторов эволюции организмов.

Таким образом, мы видим, что у одной части ученых буржуазных стран отмечается известный поворот к материализму. Данный факт говорит о многом, и его не следует игнорировать. Прежде всего этим еще раз подтверждается правильность положений марксизма-ленинизма о том, что успешное развитие естествознания невозможно без надежного философского обоснования. Анализируя кризис физики, В. И. Ленин в своей книге «Материализм и эмпириокритицизм» показал, что современное естествознание неизбежно порождает материализм. Кризис биологических наук доказывает это новыми фактами. Идеализм рано или поздно неизбежно дискредитирует себя в глазах науки уже с гносеологической стороны. Вместе с тем он дискредитирует себя и в общем мировоззренческом аспекте, в своей социальной роли. Кажется неслучайным, что бывший работник американской разведки Дж. Г. Симпсон сейчас активно разрабатывает новую теорию эволюции, являясь главным идеологом «нового синтеза».

Но в то же время именно «новый синтез» показывает, что в условиях господства империалистической буржуазии чрезвычайно затруднено развитие подлинно научных теорий. Единственной надежной основой развития современного естествознания может служить только диалектический материализм. Но поскольку последний является философией пролетариата, буржуазное общество все время отталкивает ученых от него. Примечательной иллюстрацией этого является следующая «трансформация» взглядов сторонников «нового синтеза».

¹⁰ Дж. Симпсон, Темпы и формы эволюции, И. Л., М., 1948, стр. 125.

¹¹ Там же.

¹² G. G. Simpson, *The Major Features of Evolution*. New York, 1953, pp. 133—134; G. G. Simpson, Colin S. Pittendrigh, Lewis H. Tiffany. *Life. An Introduction to Biology*. New York, 1957, pp. 17—22.

Как уже отмечалось, в начале «новый синтез» поднял на шит учение Дарвина как единственную основу современного научного эволюционизма. Особенно представители «нового синтеза» подчеркивали значение дарвиновского принципа естественного отбора для правильного понимания и объяснения фактов эволюционного процесса живых существ. И это, конечно, правильно. Но потом они как будто бы испугались тех заключений, которые волей-неволей вытекают из их же собственных утверждений. Наперекор своим недавним громким высказываниям, несмотря на то, что правильность закона естественного отбора подтверждается не только материалом биологических наук, но и другими отраслями естествознания (сошлемся здесь в первую очередь на кибернетику), несмотря на то, что с логическо-философской точки зрения принцип естественного отбора представляет единственную возможность объяснить последовательно материалистически, научно, без мистики и телеологии главные факты эволюционного процесса (целесообразность, направленность, многообразность, вымирание и т. д.), сторонники «нового синтеза» в последнее время пытаются вообще ликвидировать в теории эволюции понятие естественного отбора. Чем это вызвано?

Представители «нового синтеза» считают, что понятие естественного отбора связано с некоторыми устаревшими идеями, которые надо устранить. По их мнению, понятие естественного отбора требует уточнения, усовершенствования, так сказать «модернизации». Это, конечно, само по себе не может вызвать возражений. Но особое внимание привлекает то, что и почему считается сторонниками «нового синтеза» устаревшим в понимании естественного отбора.

По «новому синтезу» главной ошибкой старого истолкования естественного отбора является рассмотрение последнего как процесса, происходящего на основе противоречий в живой природе. Сторонники «нового синтеза» выступают прежде всего против связывания естественного отбора с борьбой за существование и выживанием наиболее приспособленных. Они с огорчением отмечают, что эти выражения «появляются неоднократно да же в работах самого Дарвина...».¹³ Вот действительно примечательное заявление!

Вместо старого, «устаревшего» понимания естественного отбора «новый синтез» предлагает новую интерпретацию. Согласно последней, дарвиновский «естественный отбор» эквивалентен «выживанию наиболее приспособленных». Но, как пишет профессор генетики Калифорнийского университета И. М. Лэрнер, «во всех случаях, приспособленность должна ссылаться на способность организма оставлять выживающее потомство». Следо-

¹³ G. G. Simpson, C. S. Pittendrigh, Lewis H. Tiffany. Life. New York, 1957, p. 412.

вательно, «естественный отбор... есть дифференциальное воспроизведение генотипа».¹⁴ То же самое говорят Дж. Г. Симпсон и его соавторы книги «Жизнь»: «Естественный отбор есть не борьба, конкуренция или переживание; это есть просто неслучайное воспроизведение (nonrandom reproduction)».¹⁵

К чему ведет подобная расшифровка понятия естественного отбора? В действительности эта «современная концепция» естественного отбора не просто отличается от идей девятнадцатого века относительно данного предмета, как думают сами авторы ее, но полностью ликвидирует естественную, материалистическую сущность основного принципа дарвиновского учения. На самом деле, что представляет собой это неслучайное, направленное «дифференциальное воспроизведение генотипа»? Какими факторами, какими причинами оно вызвано, если не естественным отбором? В ином случае направленное возникновение и распространение известных определенных изменений живых существ превращается в таинственное автономное свойство, изначально присущее наследственной основе организмов. И действительно, вышеупомянутый Лэрнер прямо рассматривает неравенство воспроизведения как потенциальность размножения. Когда это потенциальное свойство проявляется систематически, тогда, по словам Лэрнера, «говорят, что естественный отбор имеет место».¹⁶ Чем так понимаемый естественный отбор, то есть дифференциальное генотипическое воспроизведение, отличается от таких автогенетических процессов, как аристокенез Осборна, ортогенез или мутация бессмертной зародышевой плазмы А. Вейсмана? В сущности ничем?

Кроме того, модернизируя таким образом понимание естественного отбора, поборники «нового синтеза» попали в безнадежный тупик. Они, в действительности, превращают следствие в причину самого себя. Предлагаемая «новым синтезом» «современная» схема естественного отбора не объясняет ничего, а, наоборот, затемняет причины эволюционного процесса. Это понимают и сами представители «нового синтеза». И. М. Лэрнер пишет по этому поводу: «... естественный отбор, определяемый как неравенство воспроизводящей способности, то есть приспособленности, заставляет также приспособленность увеличиваться. Таким образом, или мы приписываем естественному отбору имманентность, или, по крайней мере, ликвидировав нашим

¹⁴ I. M. Lerner. The Concept of Natural Selection. A Centennial View. Proceedings of the American Philosophical Society. Vol. 103, N. 2, 1959, p. 175—176.

¹⁵ G. G. Simpson. C. S. Pittendrigh, L. H. Tiffany. Life. New York, 1957, p. 412.

¹⁶ I. M. Lerner. The Concept of Natural Selection. Proceedings of the American Philosophical Society. Vol. 103, N. 2, 1959, p. 179. См. также C. Stern. Variation and Hereditary Transmission. Proceedings of the American Philosophical Society. Vol. 103, N. 2, 1959, pp. 186—189.

определением приспособленности одну тавтологию, мы пришли к другой». ¹⁷ Отсюда Лэрнер приходит к заключению о сомнительности возможности удовлетворительного объяснения причин процесса эволюции в природе при нынешних знаниях, приводя слова Б. Рассела о том, что причинность вообще есть одно из двух великих зол (scandal) философии науки. ¹⁸

Возникает вопрос, почему поднадобилось представителям «нового синтеза» рассмотренное «нововведение» в пониманию естественного отбора, которое приводит их назад к мистицизму и агностицизму? Сразу надо сказать, что это обусловлено не столько научными соображениями, сколько идеологическими потребностями буржуазного общества.

Главным аргументом необходимости пересмотра «старого» понимания естественного отбора у сторонников «нового синтеза» служит то обстоятельство, что закон естественного отбора был использован социальным дарвинизмом для оправдания «всякого рода беспощадного соревнования, включая войну между классами и народами, на той основе, что таким путем переживают «наиболее приспособленные» и осуществляется прогресс». ¹⁹ Представителей «нового синтеза» возмущает характеристика капитализма как общества, где господствует суровый индивидуализм и эгоизм, принцип невмешательства в борьбе за существование между людьми. Американский профессор истории И. Г. Вилли пишет, что «не было лучшего пути дискредитирования бизнесменов, чем изобразить их как ренегатов джунглей», используя дарвиновские понятия «борьба за существование», «переживание наиболее приспособленных» и т. п. ²⁰ Поборники «нового синтеза» отмечают, что доктрина социального дарвинизма несостоятельна, так как естественный отбор не является этическим принципом относительно поведения людей в обществе.

Это, конечно, верно. Но из неоправданного расширения действия законов природы на общественную жизнь нельзя сделать вывода о неправильности самих этих законов. Подобная софистика служит в данном случае тем самым целям, что и отвергаемая ею противоположность — целям идеологического обоснования порядков капиталистического общества. Разница здесь обусловлена лишь изменениями исторической обстановки и места в ней буржуазии. Когда в середине XIX века капитализм пошел

¹⁷ I. M. Lerner. The Concept of Natural Selection. Proceedings of the American Philosophical Society. Vol. 103, N. 2, 1959, p. 180.

¹⁸ Там же.

¹⁹ G. G. Simpson, C. S. Pittendrigh, L. H. Tiffany. Life. New York, 1957, p. 412.

²⁰ I. G. Wyllie, Social Darwinism and the Businessman. Proceedings of the American Philosophical Society. Vol. 103, N. 5, 1959, pp. 629—635. См. также I. M. Lerner. The Concept of Natural Selection. Proceedings of the American Philosophical Society. Vol. 103, N. 2, 1959, p. 180.

в гору, то тогда социальный дарвинизм представлял удобное средство для узаконения волчьей действительности и нравов буржуазного общества, где сильный пожирает слабого и весь класс капиталистов живет за счет пролетариата и других угнетенных классов. Но в наше время, в эпоху социалистических революций, когда борьба трудящегося народа во главе с пролетариатом угрожает уничтожить вообще капитализм как социальную систему, буржуазные идеологи всеми средствами попытаются устранить всякое понятие борьбы из сознания людей.

Данную задачу выполняет и «усовершенствование», «модернизация» естественного отбора «новым синтезом». Этим приемом представители «нового синтеза» надеются «очистить» сознание людей от неверных идей относительно капитализма и показать «истинную» сущность последнего, как общества, основывающегося на сотрудничестве людей по божественным добродетельным принципам библии.²¹ Выполняя социальные заказы своих хозяев, часть буржуазных биологов и философов выкапывают старое оружие из арсенала первых противников дарвинизма, направляя свои силы прямо против личности Дарвина. Они изображают Дарвина как нечестного плагиатора, как шарлатана «шалопая», который, в действительности, не дал ничего нового для науки. «Миф» о Дарвине, причинивший так много зла, создан отчасти им самим (поскольку он намеренно умалчивал о своих предшественниках, от которых он заимствовал свои идеи), отчасти некоторыми историческими обстоятельствами. Настало время, заявляют эти «ученые», переоценить место Дарвина в истории!²²

К этому, как говорят, добавлять нечего. Здесь «беспристрастные научные изыскания заменяются предвзятой угодливой апологетикой».²³

²¹ I. G. Wyllie. Social Darwinism and the Businessman. Proceedings of the American Philosophical Society. Vol. 103, Nr. 5, 1959, p. 634.

²² C. D. Darlington. Darwin's place in history. Oxford, 1959, pp. 58—74. R. E. D. Clark. Darwin und die Folgen. Zur Geschichte und Kritik der Entwicklungslehre. Herder Verlag, Wien-München, 1954, S. 31, 51, 63, 110, 116, 131, 218.

²³ К. Маркс, Капитал, т. 1, стр. 13.

НОВЫЕ ФОРМЫ И МЕТОДЫ ЭКСПЛУАТАЦИИ РАБОЧЕГО КЛАССА ПОД ВЫВЕСКОЙ «ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ»

Э. Я Матров

В условиях капитализма труд рабочих является тяжелым, подневольным бременем. «Крупная промышленность, — писали Маркс и Энгельс, — делает для рабочего невыносимым не только его отношение к капиталисту, но и самый труд».¹

Основным движущим стимулом развития капиталистического производства является прибавочная стоимость. Ненасытная погоня за колоссальными прибылями заставляет буржуазию прибегать к различным системам нещадной эксплуатации пролетариата. Маркс указывал, что той осью, вокруг которой вращается система капиталистического производства, является стремление увеличить даровой труд рабочего «путем удлинения рабочего дня или путем поднятия производительности труда, соответственно путем большего напряжения рабочей силы и т. д.»²

Предприниматели с помощью различных методов хотят заставить рабочего трудиться как можно дольше, плотнее, безостановочнее.

Известно, что одним из источников получения высоких прибылей монополистами является повышение интенсивности труда. В капиталистической промышленности разработаны различные системы для интенсификации труда рабочих. Широкое распространение в капиталистических странах получала пресловутая система американского инженера Тейлора. Сторонники этой системы с помощью изучения трудовых процессов вплоть до хронометража отдельных движений рабочего добиваются максимального уплотнения рабочего дня.

В своих статьях В. И. Ленин заклеил тейлоризм, назвав его «научной системой» выжимания пота. Эта система обеспечивает монополистической буржуазии получение громадной при-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 61.

² К. Маркс, Критика Готской программы, Госполитиздат, 1952, стр. 21.

были, заставляя в то же время рабочего трудиться вчетверо интенсивнее, изнашивает его нервы и мускулы вчетверо быстрее.

Тейлоризм и другие подобные ему потогонные системы, в основе которых лежит неограниченная интенсификация труда, означает как физическое, так и духовное преждевременное изнашивание рабочих. Отмечая хищническую эксплуатацию пролетариата посредством таких методов, М. Торез указывал, что безжалостный хронометраж, «психотехника», так называемая «научная организация труда», приводят к тому, что мышечная и нервная усталость зачастую превышают пределы физических возможностей человека.

Пролетариат капиталистических стран ведёт ныне решительную борьбу против подобного рода потогонных систем. Поэтому в настоящее время капиталистические предприниматели уже не могут рассчитывать на получение наивысших прибылей только с помощью прежних методов эксплуатации трудящихся. Они вынуждены искать новых, более завуалированных форм эксплуатации пролетариата, сочетая одновременно как метод насилия, так и метод уступок, отдельных реформ. Апологеты капитализма прибегают сейчас к различным маневрам, всячески стремятся замаскировать эксплуататорский характер таких систем, найти новые пути подъема производительности труда на капиталистических предприятиях.

В Программе КПСС подчеркивается, что «применяя новые формы, монополии усиливают эксплуатацию рабочего класса».³

Идеологи буржуазии говорят о том, что проблему рационализации капиталистического производства нельзя уже рассматривать как чисто техническую проблему, как ее в свое время понимал Тейлор. Президент американского института инженеров по организации производства Дэвидсон заявил: «Мы, по всей вероятности, достигли предела возможного, повышая производительность труда только путем изучения движений, хронометража и тому подобных методов; в дальнейшем производительность труда может быть значительно увеличена лишь при условии улучшения отношений с рабочими».⁴

Сейчас проблема рационализации на капиталистических предприятиях не является больше компетенцией только инженеров, ею все в большей степени занимаются также психологи и социологи. «Этот вопрос, — указывается в одной из статей «Кёльнского журнала социологии и социальной психологии», — представляет собой не только техническую, но и социально-экономическую проблему».⁵

³ Материалы XXII съезда КПСС, Госполитиздат, 1962, стр. 339.

⁴ Вопросы организации производства в США, Издательство иностранной литературы, 1956, стр. 36.

⁵ Die Grossbetriebe in der Wirtschaftskultur der Gegenwart, Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie, Jrg., 1953, 1954, H. 2.

Одной из современных систем эксплуатации рабочих на капиталистических предприятиях является метод «человеческих отношений». В одном из докладов семинара по марксистским исследованиям проблемы производительности труда и жизненных условий рабочего класса, организованным французским коммунистическим журналом «Экономи э политик» в 1955 г., указывается, что «оригинальность современных методов, применяемых в крестовом походе за производительность труда заключается именно в распространении методов использования «человеческих отношений»».

Капиталисты пытаются всеми способами популяризировать и практически внедрять систему «человеческих отношений» на предприятиях с целью поднятия производительности труда рабочих. Так, например, в Соединенных Штатах имеются сейчас более чем на 400 крупных предприятиях специальные отделы «социальных отношений», кроме того около 500 самостоятельных фирм дают консультации по вопросам «человеческих отношений».

Эта система представляет собой по существу дальнейшее развитие тейлоризма, фордизма применительно к новым условиям, сложившимся на капиталистических заводах, фабриках в связи с дальнейшим развитием технического прогресса (автоматизацией производства, применением электроники, атомной энергии и т. д.) и ростом политической сознательности рабочего класса, усиливающимся сопротивлением пролетариата против монополистического гнета.

Как известно, тейлоризм и фордизм пытаются поднять производительность труда с помощью принуждения и некоторых материальных стимулов, или, как сам Тейлор выразился, посредством кнута и пряника. Сторонники метода «человеческих отношений», исходя из идеалистических положений о примате психологической среды над материальной жизнью, стремятся добиться роста производительности труда прежде всего посредством «психологического воздействия» на рабочих и таким путем пытаются «заинтересовать» их как с материальной, так и с духовной стороны в работе на капиталистическом предприятии.

Монополистическая буржуазия возлагает большие надежды на то, что метод «человеческих отношений» позволит добиться дальнейшего увеличения выпуска продукции на капиталистических предприятиях и прежде всего поднять выпуск продукции на одного работающего. Это обеспечит дальнейший быстрый рост прибылей предпринимателей. Так Генри Форд (второй) заявил, что «если мы сможем разрешить проблему человеческих отношений в промышленном производстве, то, я полагаю, в течение ближайших 10 лет мы сможем добиться такого же успеха в снижении издержек производства, как тот, которого

мы достигли в течение последней четверти века путем развития механизма массового производства... Таким образом, человеческие отношения в промышленности — это новая и относительно не разведенная граница. За этой границей лежат более широкие возможности, чем, вероятно, любой из нас может вообразить».⁶

Такую же точку зрения высказал английский экономист Флоренс. Он пишет, что «как психологические, так и организационные препятствия к достижению логических масштабов производства можно преодолеть психологическими средствами. Для стимулирования рабочих, инвесторов и руководителей торгово-промышленных предприятий следует прибегать к новым побуждающим и способствующим факторам».⁷

Система «человеческих отношений» уделяет основное внимание на всемерное развитие «инициативы» рабочего, на оказание влияния на все стороны его жизни. Рабочего хотят заставить трудиться и максимально «привлечь» на сторону владельца предприятия, привить ему чувство рабской благодарности в отношении хозяина предприятия. Посредством метода «человеческих отношений» стремятся подчинить психику рабочего целям капиталистической эксплуатации.

Английский прогрессивный ученый Дж. Бернал, критикуя подобного рода систему эксплуатации, пишет, что с помощью психологических методов стремятся «сделать рабочего не только более производительным, но и более послушным орудием».⁸

Очень ярко эксплуататорская сущность системы «человеческих отношений» была разоблачена в одном из документов всеобщей итальянской конфедерации труда. В нем говорится, что теория и практика «человеческих отношений» направлена на то, «чтобы, используя новые критерии психологического и профессионального формирования рабочего, породить в массах, в социальной среде, в семье, в каждом индивидууме образ мышления, подчиненный формам эксплуатации, которые связаны с развитием монополистического капитализма. При этом преследуется цель, чтобы трудящийся в возможно большей мере приспособился к интенсификации труда и стремился подавить в себе сознание того, что капиталистический способ производства основан на эксплуатации, заставить его поверить в то, что труд — это вид деятельности, присущий в равной степени предпринимателю, как и рабочему, и что

⁶ См. Новые формы эксплуатации и рабочее движение, Соцэкгиз, 1960, стр. 319.

⁷ С. Флоренс, Структура промышленности и управление предприятиями Британии и США, Издательство иностранной литературы, 1958, стр. 569.

⁸ Дж. Бернал, Наука в истории общества, Издательство иностранной литературы, М., 1956, стр. 605.

на предприятии можно создать условия для воплощения в жизнь стремлений, общих и для хозяина, и для рабочего».⁹

Сторонники метода «человеческих отношений» разрабатывают в своих исследованиях конкретные практические мероприятия, которые, по их мнению, необходимо осуществить, чтобы добиться всесторонней заинтересованности рабочего в повышении производительности труда на капиталистическом предприятии.

Для этой цели сторонники теории «человеческих отношений» фальсифицируют прежде всего действительную цель и подлинный стимул капиталистического производства.

Как известно, определяющим содержанием капиталистической экономики является производство не товаров, а прибавочной стоимости, производство не продукта, а прибавочного продукта.

«Производство прибавочной стоимости или нажива, — писал Маркс, — таков абсолютный закон этого способа производства».¹⁰

Капиталист только в том случае пускает в ход свое предприятие, если оно обеспечивает ему получения прибавочной стоимости. Причем погоня капиталистов за высокими прибылями диктуется не только их стремлением к безграничному обогащению, но в первую очередь объективными условиями осуществления расширенного капиталистического воспроизводства и капиталистической конкуренцией.

Продукт труда интересует капиталиста не как потребительная стоимость, которая для него сама по себе безразлична, а прежде всего с точки зрения получения прибавочной стоимости. Потребительная стоимость имеет для него только то значение, что она является материальным носителем стоимости. Создавать же стоимость, не производя потребительной стоимости, невозможно.

Таким образом потребление для буржуазии имеет прежде всего лишь то значение, что оно обеспечивает капиталистам получение высоких прибылей. В период монополистического капитализма, как показал В. И. Ленин в своих замечательных работах по империализму, в результате сложившихся новых условий действия основного экономического закона капитализма, целью производства является извлечение монопольно-высокой прибыли.

Представители же теории «человеческих отношений» утверждают, что капиталистическое предприятие «ориентировано на экономическую цель производства продуктов»,¹¹ что оно пред-

⁹ Новые формы эксплуатации и рабочее движение, Соцэкгиз, 1960, стр. 130.

¹⁰ К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 624.

¹¹ R. Dahrendorf, Industrie und Betriebssoziologie, S. 57.

ставляет собой «организованную систему труда, направленную на производство товаров».¹²

Почему же сторонники теории «человеческих отношений» замалчивают подлинную цель капиталистического производства — наживу, почему они средство достижения этой цели — производство товаров — называют самой целью? Для того, чтобы «доказать», будто бы расширяющееся производство товаров в современном буржуазном обществе приводит ко всеобщему благосостоянию, исчезновению классовых различий и т. д. Капиталистическое производство, по мнению западногерманского профессора Х. Шельского, развивается якобы в направлении систематического расширения производства предметов массового потребления, и это ведет к нивелировке «стиля жизни и основных социальных потребностей промышленного общества».¹³

Восхваляя буржуазный строй, западногерманский социолог Дарендорф в книге «Социальные классы и классовый конфликт в промышленном обществе» утверждает, что якобы современный капитализм лишен таких пороков, как нищета рабочего класса, погоня за прибылью владельцев предприятий и т. д.

Богатый материал о том, как же в действительности обстоит дело со «стилем жизни» и «нивелировкой» основных потребностей, дает современная капиталистическая действительность. В ней с железной закономерностью действует открытый К. Марксом закон капиталистического накопления: накопление богатства на одном полюсе, в руках капиталистов, и одновременно накопление нищеты, мук труда, угнетения на противоположном полюсе, то есть на стороне пролетариата.

Факты свидетельствуют о систематическом росте колоссальных прибылей монополистической буржуазии, и в то же время они показывают ухудшение уровня жизни трудящихся масс.

Они говорят, например, о том, что доля трудящихся в национальном доходе все более снижается. Американский экономист В. Перло в книге «Революция в доходах» указывает, что если сравнить движение различных частей национального дохода Соединенных Штатов за определенный период, то окажется, что сумма прибылей корпорации за 12 лет, с 1941 года по 1952 год, была в 7,6 раза больше суммы прибылей за предыдущий двенадцатилетний период. В то же время сумма заработной платы и жалованья за соответствующие периоды времени увеличилась только в 2,9 раза, а доходы фермеров возросли лишь в 3,4 раза.¹⁴

Рассмотрим конкретные проявления этих новых форм эксплуатации пролетариата.

¹² B. B. Gardner u. D. G. Moore, *Praktische Menschenführung im Betrieb*, S. 26.

¹³ Gehlen-Schelsky, *Soziologie*, S. 171.

¹⁴ Cm. V. Perlo, *The Income "Revolution"*, New York, 1954, p. 51.

Согласно требованиям системы «человеческих отношений» на капиталистических предприятиях вводятся новые формы заработной платы, которые должны способствовать росту производительности труда рабочих. В настоящее время заработная плата рабочих обычно состоит из двух частей: твердого оклада, составляющего нередко меньше половины заработной платы, и изменяющейся части, включающей в себя прежде всего разного рода премии (индивидуальные, коллективные, дифференцированные и другие виды премии), которые могут быть сокращены или совсем аннулированы предпринимателем в любой момент, когда поведение рабочего ему не нравится. Это дает возможность администрации капиталистических предприятий поощрять прежде всего угодных ей рабочих.

Широко практикуется сейчас на капиталистических предприятиях дифференциация заработной платы.

Увеличивается число различных профессиональных подразделений рабочих. В США и в других капиталистических странах быстро внедряется новая система определения зарплат, называемая «Job evaluation» («оценка рабочего места»). При оплате по этой системе учитываются технические данные машины, а также качества рабочего (физическая выносливость, память, влияние окружающей среды, чувство ответственности, его политическое настроение и т. д.). Так, например, на металлургическом заводе Хуккинген в Западной Германии на 5 тысяч рабочих имеется 1200 по-разному оплачиваемых рабочих мест. На заводах СИМКА во Франции существует 101 категория квалифицированных рабочих.

Подобного рода системы «индивидуализированной» заработной платы, пропагандируемые сторонниками метода «человеческих отношений» и широко внедряемые ныне на капиталистических предприятиях, затушевывают классовый характер зарплат, способствуют дальнейшему усилению эксплуатации рабочего класса, повышению интенсификации труда и, следовательно, росту прибылей предпринимателей.

Такие системы, безусловно, также значительно затрудняют коллективную борьбу пролетариата в странах капитала за повышение заработной платы, так как в этом случае чрезвычайно трудной становится выработка определенной программы требований рабочих.

Сторонники системы «человеческих отношений» рекомендуют предпринимателям различными путями и способами установить «общение» с рабочими. Такая практика «общения» капиталистов и рабочих находит широкое распространение на предприятиях многих капиталистических стран.

В Англии на заводе «Воксхолл» в Бедфордшире создана система так называемых совместных консультаций между администрацией и рабочими.

В Италии на предприятиях Оливетти в г. Ивреа организована «заводская община», «советы по управлению предприятием» и другие заводские организации.

В Швеции на многих предприятиях созданы «заводские комиссии», задачей которых является систематическое развитие «постоянного сотрудничества» между владельцами предприятия и рабочими. Причем такие «заводские комиссии» ни в коей мере не ограничивают единоличной власти предпринимателя, так как они являются только консультативным органом.

В Западной Германии предприниматель использует для «общения» с рабочими заводские советы, которые имеются на предприятиях. Отношения между предпринимателями и заводским советом регулируются законом о заводских советах, принятым западногерманским бундстагом в 1952 году. Этот реакционный закон особенно ярко вскрывает подлинную цель, которую преследует капиталисты в подобного рода «общениях» с рабочими. Например, параграф 49 этого закона требует «справедливого» сотрудничества между хозяином предприятия и заводским советом. В законе, например, указывается, что «предприниматель и заводской совет должны отказаться от всего того, что «подвергает опасности труд и мир на предприятии». Заводскому совету предприятия запрещается использовать для практического осуществления своих мероприятий любые формы борьбы рабочего класса.

Таким образом, различные способы «общения» между капиталистами и рабочими являются одним из тех путей, с помощью которых монополистическая буржуазия пытается осуществить ныне планы «классового примирения» и добиться дальнейшего роста производительности труда на капиталистических предприятиях.

Владельцы предприятий стремятся добиться также того, чтобы у рабочих возникло «чувство принадлежности к предприятию». С этой целью на капиталистических заводах, фабриках организуются различные курсы, особенно для молодых рабочих, на которых их знакомят с историей предприятия, со сложившимся на данном предприятии традициями и т. д. На многих заводах, фабриках в капиталистических странах каждому новому рабочему дается специальный справочник, в котором говорится о том, какую роль в его личной жизни имеет данное предприятие, указывается на якобы имеющиеся возможности для его продвижения «вверх» по социальной лестнице и т. д.

Сторонники метода «человеческих отношений» говорят также о необходимости проведения ряда мероприятий социального, культурного, спортивного характера. Эти мероприятия должны способствовать, по их мнению, «интеграции рабочих», возбудить у рабочего «чувство солидарности с фирмой».

Одним из ярых буржуазных пропагандистов таких «обще-

ственных» мероприятий является французский социолог Ж. Фридманн. Он критикует в своих работах отдельные стороны современного буржуазного строя. Но по его мнению, существующие социальные противоречия капитализма якобы можно будет ликвидировать путем надлежащей «организации досуга» трудящихся в странах капитала.

Администрация капиталистических предприятий проводит различного рода «общественные» мероприятия для рабочих. Такие мероприятия сводятся прежде всего к «организации досуга» рабочих, к созданию различного рода культурных и спортивных обществ. В эти мероприятия вовлекаются также и члены семьи рабочего. Например, практикуются экскурсии членов семьи для знакомства с предприятием, устраиваются воскресные обеды для жен рабочих, организуются загородные прогулки и т. д.

Но все это делается предпринимателями прежде всего в своих корыстных интересах. М. Торез указывал, что осуществляя такие «общественные» мероприятия, несколько улучшая социальное обеспечение, монополистическая буржуазия пытается воспользоваться этим «для усиления интенсификации труда, которое, естественно, ведет к дальнейшему ухудшению состояния здоровья трудящихся: в самом деле, часто оздоровительные и социальные мероприятия с лихвой возмещаются усилением эксплуатации, и окончательный результат является отрицательным».¹⁵

С помощью подобного рода «общественных» мероприятий капиталистические предприниматели пытаются обмануть рабочих, привить им аполитичность, толкнуть пролетариат на ложный путь подчинения интересам монополистической буржуазии, притупить его классовый инстинкт. Они стремятся создать у рабочих впечатление о том, что якобы капиталистическое предприятие проявляет о них постоянную заботу, стремится обеспечить «хорошие» условия для труда и отдыха.

Таким образом, все вышеизложенное еще раз ярко и наглядно говорит о том, что буржуазная теория и практика «человеческих отношений» служит делу дальнейшего усиления эксплуатации трудящихся более утонченными, более хитрыми и замаскированными формами и методами.

Такой яркий проповедник этой буржуазной конценции, как американский социолог П. Друкер был вынужден заметить, что любимое выражение сторонников «человеческих отношений»: «счастливый и довольный рабочий это также хороший и способный рабочий» — является приятным изречением, но оно всё же в лучшем случае содержит только половину истины. «Цель

¹⁵ М. Торез, Новые данные об обнищании трудящихся Франции, Госполитиздат, 1956, стр. 27.

предприятия состоит не в том, чтобы сделать рабочего счастливым, обеспечить ему счастье, а в том, чтобы производить и реализовывать обувь (курсив наш — Э. М.)».¹⁶

Более откровенно и цинично сказал о методе «человеческих отношений» вице-президент одной крупнейшей американской корпорации: «Социология показала, что люди производят лучше, когда они счастливые, и мы прилагаем усилия к тому, чтобы они чувствовали себя счастливыми. Но, если бы опыт доказал, что они будут производить лучше, если они станут сумасшедшими, мы сделали бы все, чтобы держать их в состоянии постоянного безумия».¹⁷

Эти высказывания апологетов капитализма очень ярко отражают отношение империалистической буржуазии к так называемому «человеческому фактору». Для капиталистов безразлична судьба пролетариата, для них главное состоит в том, чтобы выжать из рабочего как можно больше прибавочной стоимости. Капитал, писал Маркс, «... как вампир, оживает лишь тогда, когда всасывает живой труд, и живет тем полнее, чем больше живого труда он поглощает».¹⁸

Одна из существенных целей теории и практики «человеческих отношений» заключается в том, чтобы вынудить рабочего отказаться от своей классовой точки зрения. Посредством красивых слов и некоторых уступок у него должно быть создано впечатление, что капиталистическое предприятие, монополистический общественный строй отражают и защищают интересы пролетариата. Таким путем пытаются заинтересовать рабочего в его работе, в поднятии производительности труда и тем самым обеспечить монополистической буржуазии получение максимальных прибылей.

В коллективной работе экономистов Германской Демократической Республики «Об экономической концепции социал-демократической партии» подчеркивается, что «альфой и омегой всех предложений идеологов теории «человеческих отношений» является требование устранения всех препятствий физического и психического характера в отношении производительности труда, их целью является увеличение производства, т. е. рост прибылей предпринимателей».¹⁹

Большую роль в деле пропаганды и практического осуществления методов «человеческих отношений» играет «средний

¹⁶ Peter F. Drucker, *Die Praxis des Management*, Düsseldorf, 1956, S. 335.

¹⁷ L. M. de Lattre, *L'entreprise dans l'Economie Moderne Americaine*, Paris, 1953, p. 25.

¹⁸ К. Маркс, *Капитал*, т. I, стр. 238.

¹⁹ *Zur ökonomischen Konzeption der SPD. Kollektivarbeit*. Berlin, 1957, S. 212.

персонал» (бригадиры, мастера, начальники цехов) на капиталистических предприятиях.

В настоящее время изменились функции этих «средних администраторов». Они сейчас стали меньше заниматься техническими вопросами. Их функции на капиталистических предприятиях в основном сводятся к дисциплинарным и политическим задачам. В частности на многих предприятиях они имеют право решать вопрос об индивидуальных пособиях, устанавливать по своему усмотрению премии и т. д. Таким образом, «средние начальники» имеют в своих руках возможность оказывать моральное и материальное давление на рабочих. Капиталисты пытаются сейчас превратить «средний персонал» в «рабочую аристократию» и, опираясь на этих «средних начальников», осуществлять проведение различных мероприятий в интересах владельцев предприятий.

Для успешного выполнения этих новых функций «средний персонал» капиталистических предприятий проходит специальный курс обучения по разработанному в Соединенных Штатах Америки методу «Training within Industry» («Обучение внутри производства»). Например, в США по этому методу за годы второй мировой войны было обучено около 3 миллионов человек. По этой системе во Франции в последние годы обучались 80—100 тысяч человек «среднего персонала» на курсах по усовершенствованию инженерно-технических работников и мастеров.

Сторонники теории «человеческих отношений» рекомендуют владельцам предприятий вовлечь профсоюзы в дело пропаганды теории и практики «человеческих отношений», использовать их для установления «социального сотрудничества» между капиталистами и рабочими, дальнейшего подъема производительности труда на предприятиях.

Монополистическая буржуазия стремится поставить профсоюзы на службу своим корыстным интересам. С этой целью капиталисты пытаются вызвать раскол профсоюзного движения и создать угодные для них профсоюзы, которые осуществляли бы политику классового сотрудничества рабочих с монополистической буржуазией. Для профсоюзных руководителей проводятся специальные курсы по вопросам «поднятия производительности труда», «человеческих отношений в промышленности» и т. д. Теория и практика «человеческих отношений» изучается также в профсоюзных школах ряда капиталистических стран. Так, в западногерманских профсоюзных школах читается специальный курс лекций на тему «Человек на предприятии», в котором рассматриваются основные проблемы «человеческих отношений».

Большую помощь владельцам предприятий в пропаганде и практическом внедрении системы «человеческих отношений» оказывают буржуазные социологи, работая непосредственно на про-

мышленных предприятиях в качестве так называемых общественных консультантов. Сейчас, например, на предприятиях компании «Уэстерн Электрик компани» в США имеются 60 таких консультантов. Задачи этих социологов-консультантов состоят в том, чтобы помочь установить между рабочими и владельцами предприятий «отношения сотрудничества», добиться «социального мира» между трудом и капиталом. Французский социолог Ж. Фридманн отмечает, что «консультанты по вопросам промышленных отношений видят свою практическую задачу в том, чтобы по возможности избежать принудительных мероприятий и конфликтов... Дальше сохранить общественную структуру предприятия посредством одновременного признания как психологического, так и социального человеческого фактора».²⁰ Цель деятельности «общественных консультантов» состоит также и в том, чтобы добиться создания такой организации «логики производственного процесса и труда внутри предприятия», которая гарантировала бы высокие прибыли для монополистической буржуазии.

Реакционная концепция «человеческих отношений» широко пропагандируется через периодическую печать, издаваемую капиталистическими предпринимателями.

Большая роль в этом отношении отводится на капиталистических предприятиях заводским газетам. Эти газеты обычно очень хорошо оформлены и богато иллюстрированы. На многих капиталистических предприятиях они раздаются рабочим бесплатно. Причем выпускаются такие газеты большими тиражами. Так, в Соединенных Штатах издается 6500 различных наименований заводских газет общим тиражом около 70 миллионов экземпляров. Только компания «Дженерал электрик» еженедельно издает почти 100 наименований газет на предприятиях общим тиражом 250.000 экземпляров, и, кроме того, выпускается еще ежемесячный журнал тиражом 95.000 экземпляров. Большими тиражами издаются заводские газеты на предприятиях в Западной Германии (на предприятиях Круппа тиражом 46.000 экземпляров, концерном Сименс — 149.000 экземпляров и т. д.). Кроме того, среди рабочих в больших количествах распространяются различные брошюры, в которых широко пропагандируется теория и практика «человеческих отношений». Так, только компания «Дженерал мотор» за последние пять лет распространила среди рабочих своих предприятий таких брошюр в количестве 60 миллионов экземпляров.²¹

Основная задача всей этой многочисленной буржуазной литературы состоит в том, чтобы популяризировать идеи о «классо-

²⁰ Georges Friedmann, *Der Mensch in der mechanisierten Produktion*, Köln, 1952, S. 323.

²¹ Zur ökonomischen Konzeption der S. P. D. Kollektivarbeit. Berlin, 1957, SS. 189, 204, 206, 207.

вом союгрудничестве» капиталистов и рабочих, об участии рабочих в управлении производством и другие буржуазные концепции, замаскировать эксплуататорский характер капиталистического строя. Так, например, в одной из газет, издающихся капиталистическими предпринимателями в Западной Германии, говорится, что директора, рабочего, служащего должны «объединять общий интерес увеличения производства и ликвидации социальной напряженности».²²

Пропаганда подобного рода концепции призвана помочь монополистической буржуазии свернуть трудящиеся массы с революционного пути борьбы за свои насущные интересы и конечные цели, оправдать нещадную эксплуатацию народных масс.

Большую помощь монополистической буржуазии в пропагандировании и практическом применении системы «человеческих отношений» оказывает капиталистическое государство. Активную деятельность, например, в этом отношении развивает государственный аппарат Соединенных Штатов, причем подобного рода новые формы и методы эксплуатации рабочего класса США пытаются навязать и другим капиталистическим странам. Так, в конце 1955 г. в Мексике состоялся латиноамериканский семинар по повышению производительности труда, одна из тем которого была посвящена применению системы «человеческих отношений» на предприятиях Латинской Америки. Руководил этим семинаром отдел госдепартамента Соединенных Штатов.

Таким образом, вышеприведенные положения еще раз служат ярким доказательством буржуазного характера теории и практики «человеческих отношений», стоящей на службе империалистических монополий.

*
* *
*

Коммунистические партии, прогрессивные профсоюзы в капиталистических странах ведут активную идеологическую борьбу против теоретических положений и практических мероприятий сторонников концепции «человеческих отношений», разоблачая реакционный, буржуазный характер этой теории.

В октябре 1958 года в Риме в Институте им. Грамши состоялось совещание марксистов Англии, ФРГ, Канады, Италии, Франции, СССР, США, Австрии, Аргентины, Японии и других стран. Здесь имел место обмен мнениями между марксистами по вопросу «О теории и практике так называемых «человеческих отношений» в условиях современного капитализма», который показал их действительную сущность как новую, более замаскированную форму эксплуатации пролетариата.

²² Unsere Gemeinschaft in Wort und Bild. Herausgeber Phoenix-Rheinrohr A. G., H. II, Mai/Juni 1957, S. 7.

Коммунисты и профсоюзные активисты разъясняют трудящимся, что нужно решительно бороться против введения системы «человеческих отношений» на капиталистических предприятиях, так как подобная система ведет к дальнейшему усилению эксплуатации рабочего класса. В одном из документов итальянской конфедерации труда указывается, что для успешной защиты прав трудящихся необходимо систематически разоблачать теорию и метод «человеческих отношений». В ряде капиталистических стран коммунистические партии и другие демократические силы издают свою периодическую печать на капиталистических предприятиях. В Италии коммунисты и другие прогрессивные силы рабочего движения имеют на предприятиях свои заводские газеты. В Австрии на 150 предприятиях выходят под руководством коммунистов заводские газеты фракции профсоюзного единства, причем влияние этих газет значительно сильнее, чем предпринимательских газет.

Большая работа, проводимая коммунистическими партиями, классовыми профсоюзами по разоблачению теории и практики «человеческих отношений», способствует делу дальнейшего развития борьбы трудящихся масс капиталистических стран за улучшение своих жизненных условий, за демократические права, за мир и социализм.

Марксистская критика антинаучных концепций «человеческих отношений» имеет важное значение в деле непримиримой идеологической борьбы с современной буржуазной идеологией, в деле защиты и дальнейшего развития великого учения марксизма-ленинизма.

КНИГИ ИЗ ЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ И. Г. ГЕРДЕРА В НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКЕ ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Библиотека Тартуского университета в начале XIX века приобрела часть книг, принадлежавших великому немецкому просветителю Иоганну Готфриду Гердеру. Однако эти книги не стали до сих пор предметом научного исследования, поскольку сам факт пребывания их в библиотеке Тартуского университета не был известен научной общественности.

Библиограф Научной библиотеки Тартуского государственного университета Эдуард Вигель потратил много сил для того, чтобы выявить в громадном фонде библиотеки книги, лично принадлежавшие Гердеру, чтобы прояснить историю поступления этих книг в Тартуский университет. К сожалению, смерть не дала возможности Э. Вигелю довести эту работу до конца и опубликовать уже достигнутые ее результаты.

По инициативе редколлегии «Трудов по философии» библиографу Научной библиотеки Тартуского государственного университета М. Либлик удалось обнаружить в бумагах покойного Э. Вигеля статью «К изучению истории библиотеки И. Г. Гердера», а также список книг из личной библиотеки Гердера. Эти материалы представляют большую ценность, так как позволяют приступить к исследованию имеющейся в Тарту части библиотеки Гердера, что может иметь большое значение как для дальнейшего изучения биографии, так и воззрений замечательного мыслителя.

Ниже публикуется в переводе на русский язык статья Э. Вигеля «К изучению истории библиотеки И. Г. Гердера», а также список книг из библиотеки Гердера.

Редколлегия выражает искреннюю благодарность М. Либлик за подготовку к печати этих материалов.

К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ БИБЛИОТЕКИ И. Г. ГЕРДЕРА

Эдуард Вигель

Если восстановление личных библиотек многих великих людей требует изнурительного труда и основательного изучения, то опубликование «*Bibliotheca Herderiana, Vimariae, 1804*» спасло исследователей Гердера от этой работы. Хотя «*Bibliotheca Herderiana*» преследовала чисто коммерческие цели — ведь это был всего-навсего аукционный каталог, — все-таки она является характерным дополнением к объяснению образа мыслей и биографии Иоганна Готфрида Гердера, на что обращали внимание уже издатели «*Bibliotheca Herderiana*» в своем предисловии.

Хотя и сохранился список библиотеки Гердера, однако о судьбе этой библиотеки даже специальная литература знает лишь то, что это собрание примерно в 8000 томов было продано наследниками Гердера в Веймаре в 1805 году и оно рассеялось по библиотекам полмира. В какие библиотеки, в руки кого попали отдельные книги, какова была их дальнейшая судьба — вот вопросы, которые нуждаются в объяснении и на сегодняшний день.

То обстоятельство, что в аукционе участвовала и библиотека Тартуского университета, позволяет нам выяснить судьбу одной части библиотеки Гердера, поскольку в библиотеке Тартуского университета сохранилась переписка между директором библиотеки проф. К. Моргенштерном и другими заинтересованными лицами.

Гердер умер 18 декабря 1803 года в Веймаре, и наследники решили продать его библиотеку на аукционе. Так 18 февраля 1805 года «*Intelligenzblatt der Jenaischen Allgem. Literatur-Zeitung*» № 19, Sp. 158, сообщал, что 22 апреля и в последующие дни в Веймаре состоится аукцион книг, принадлежавших великому немецкому писателю и философу Иоганну Готфриду Гердеру.

Как сообщалось, особая радость ожидает любителей восточной и древненемецкой литературы, хорошая «добыча» ждет любителей новых языков, главным образом, испанского языка. Вме-

сте с тем, это собрание заслуживает внимания с точки зрения биографии Гердера, поскольку оно представляет собой его подручную библиотеку, с которой он не расставался до самой смерти. Да и кому из друзей или поклонников Гердера не было бы приятно иметь вещь, напоминающую о нем!

23 марта 1805 года проф. Моргенштерн просит конректора Швабе¹ в Веймаре быть представителем библиотеки Тартуского университета на аукционе библиотеки Гердера. Он обещает выслать следующей почтой список каталога от стр. 146 до конца. Настоящим же письмом он посылает список от стр. 41 до стр. 146. Однако проф. Моргенштерн отмечает, что не следует строго придерживаться назначенных здесь высших цен. Пусть вопрос о ценах решает сам Швабе при осмотре книг. Между прочим, Моргенштерн выражает пожелание, чтобы до конца аукциона оставалось неизвестным для кого покупаются эти книги. Это было нужно для того, чтобы дешево их приобрести и не взвинчивать цены.

26 марта было выслано продолжение заказа. 9/21 июля 1805 г. Моргенштерн благодарит Швабе и просит принять назначенное ему Советом университета вознаграждение в размере 10 луидоров. Сумма же уплаты на аукционе составила немногим больше 700 рейхсталеров. Для уплаты этой суммы было сделано распоряжение университетской кассе, и касса со своей стороны дала переводный вексель для получения через банк Б. Цуккербеккера, Клейна и К° в Риге денег для Фрейе и К° в Лейпциге. Расходы по пересылке обещают выслать тогда, когда будет получен расчет расходов. Ящики же просят выслать в книжный магазин П. Г. Куммера в Лейпциге, который должен их переслать по назначению.

16/28 июля 1805 г. библиотека извещает Куммера о том, что в случае, если конректор Швабе из Веймара пришлет ему несколько ящиков с книгами, купленными на аукционе Гердера, то следует отправить их дальше через Любек (как обычно) и застраховать их примерно на 1000 рейхсталеров.

8 октября 1805 г. Моргенштерн пишет Эллингеру², прусскому вицеконсулу в Риге, что в связи с несчастьем, постигшим корабельщика Лунау, университетская библиотека потеряла ценнейшее приобретение, которое она когда-либо делала, а именно книги, купленные на аукционе Гердера в Веймаре. Хотя денежные убытки были покрыты страховыми суммами, с литературной точки зрения эта потеря остается невозместимой.

Если все же имеется надежда на то, что часть погибшего груза выброшена волнами на берег (благодаря близости от берега предполагаемого места кораблекрушения) или каким-либо

¹ Иоганн Самуэль Готтлоб Швабе (1746—1835), филолог и педагог, с 1786 г. конректор Веймарской гимназии.

² Иоганн Людвиг Эллингер (1756—1824), поверенный библиотеки.

другим способом могла быть спасена, то настоятельно просят позаботиться о том, чтобы эти ящики с книгами были бы куплены обратно для библиотеки.

Тогда же 8 октября 1805 г. Моргенштерн пишет торговому дому Г. В. Шрёдеру и К° в Риге, что он узнал из здешних газет о несчастье, постигшем нашу библиотеку в связи с гибелью корабля Лунау, и что, хотя убытки возмещены страховой суммой, библиотека желает, чтобы эти книги были вновь куплены.

14 октября 1805 г. Моргенштерн пишет Эккардту³ в Риге, что из-за гибели корабля Лунау, отправившегося из Любека, было потеряно с большим трудом отобранное собрание греческих, римских, английских, итальянских, испанских и т. д. классиков, купленное для библиотеки на аукционе Гердера (3 больших ящика). «Я слышал, что волны выбросили на берег некоторые вещи с корабля. Если бы Вы узнали, что некоторые из этих вещей обнаружатся, то имейте в виду нас. Также еще одна картина маслом, изображающая Лессинга, которая принадлежала Гердеру, а теперь мне, и один медальон Франца Гемстергейса и несколько других картин погибли в волнах. Я недавно видел Ваше имя под одним из приказов в «*Rigische Anzeigen*» по поводу груза Лунау и обращаюсь к Вам, зная Вашу благожелательность в связи с тартускими делами».

Затем Моргенштерн извещает Эллингера, что письмо Эккардта, к которому он обращался в связи с одной заметкой в «*Rigische Anzeigen*», утверждает вероятность того, что книги частично спасены. В случае, если это окажется правдой, он чувствует себя обязанным назначить в Риге комиссионера, который притом оплатит судебные и другие налоги. Связанные со всем этим расходы Моргенштерн просит производить за счет университетской библиотеки, а также позаботиться о транспортировке книг в Тарту.

5/17 декабря 1805 г. в письме к Г. В. Шрёдеру и К° в Риге выражается благодарность за известие о некоторых выловленных книгах из груза Лунау и извещается, что университет вступил в прямую переписку с правительством по этому поводу и вообще принял все меры для того, чтобы обеспечить возврат книг, в случае, если часть из них спасена.

17/29 декабря 1805 г. Моргенштерн пишет Танку, экспедитору в Любеке, что сразу же после получения счетов на купленные университетом книги с Гердеровского аукциона (которые в настоящее время погибли) он заявил Куммеру об их стоимости и просил его по прибытии их в Лейпциг послать их Танку и застраховать их.

Моргенштерн отмечает, что университет (для которого утрата

³ Фридрих фон Эккардт (1759—1806), был с 1803 г. первым секретарем окружного управления в Риге.

гердеровских книг очень прискорбна, поскольку он, наверно, никогда в ближайшем будущем не найдет ни на одном аукционе такое собрание редких и классических произведений) ожидает возмещение убытков в качестве страховой суммы, которую следует востребовать от страховщика и как можно скорее в виде векселя выслать библиотеке.

30 января/11 февраля 1806 г. в письме Куммеру в Лейпциге сообщается, что часть книг, погибших вместе с Лунау, как будто бы спасена. Однако не известно, в каком состоянии находятся эти книги и не испортились ли они частично или совсем от длительного пребывания в морской воде. Поскольку Куммер об этом точно знает, то просят его известить, в каком соотношении находится страховая сумма со стоимостью спасенных вещей.

3 марта 1806 г. Моргенштерн пишет директору губернской школы Альбанусу⁴ в Риге, что с корабельщиком Лунау погибли книги, купленные на аукционе Гердера. «Когда я узнал, что часть из них выловлена и спасена жителями побережья, то обратился через Совет университета в губернское управление с просьбой, чтобы предприняли все возможное для передачи нам этой неожиданной находки. Это так и произошло, поскольку губернское управление дало распоряжение Рижскому суду, чтобы найденные книги были взяты в его распоряжение. Я же слышал от господина Ульпребхта⁵, который видел эти книги во время недавней остановки в Риге, что они были упакованы в ящики без всяких предохранительных мер, в таком виде, как они были вынесены из моря, насквозь промоченные соленой водой. Поэтому, наверно, часть из них испорчена. Я заявил Совету университета, что надо бы известить правительство о том, что университет при таких обстоятельствах должен отказаться от получения книг, поскольку часть страховой суммы уже получена. Если бы страховщик узнал сейчас, что университет получил часть погибших книг, то могла бы возникнуть коллизия при оценке их стоимости, что было бы весьма неприятно для библиотеки. Поскольку сейчас книги выпустят на аукцион в пользу страховщика (как это принято), то прошу назначить кого-либо, кто смог бы их купить на аукционе. Чтобы не взвинчивать цены, этой личности не обязательно знать для кого покупаются эти книги. Надеюсь, что конкуренция будет незначительная, поскольку книги испорчены морской водой. Оплата произойдет по счету».

3 марта 1806 г. Моргенштерн пишет Совету университета, что Совет уже обращался в губернское управление с просьбой по поводу книг Гердера, погибших на корабле Лунау, но частично

⁴ Иоганн Август Леберехт Альбанус (1765—1839), с 1804 по 1819 гг. директор губернской школы в Риге.

⁵ Эрнст Маркус Ульпребхт (1770—1831), минералог, инспектор естественно-исторического кабинета Тартуского университета.

спасенных. Если судить по полученному частным образом известию, большая часть из этих книг спасена, но испорчена. В таком случае университетской библиотеке выгоднее от них отказаться. Поэтому университетский Совет просит от имени библиотеки известить губернское управление о том, что библиотека отказывается от посылки.

Тогда же 3 марта 1806 г. Моргенштерн пишет вице-консулу Эллингеру в Риге: «Отменяю адресованную Вам в декабре прошлого года просьбу оплатить расходы, которые должны были появиться в связи со спасением библиотеки, погибшей на корабле Лунау, поскольку я узнал, что эти книги испорчены морской водой».

Но 30 апреля 1806 г. Моргенштерн благодарит Реннингера⁶ за то, что он согласился (как сообщает директор Альбанус) вести дела Гердеровской библиотеки. Поскольку же не известно, все ли 600 книг (число, которое называет директор Альбанус) заказаны университетом, то просят как можно скорее выслать список, чтобы можно было указать, какие книги были заказаны университетом и какие он желает получить обратно. В губернском управлении имеется один экземпляр списка книг, которые библиотека покупала на аукционе. Реннингеру не трудно было бы получить этот список для просмотра и сравнить его со списком спасенных книг. Расходы по этим делам с удовольствием оплатит библиотека.

23 апреля 1806 г. Альбанус написал Моргенштерну и рекомендовал Реннингера, так что Моргенштерн полагал, что последний в курсе всех дел. 17 мая 1806 г. Моргенштерн пишет Реннингеру: «Жаль, что Альбанус забыл ознакомить Вас со всеми делами. Для меня является особо важным получить обратно испанскую и португальскую литературу, которой наша библиотека обладает в крайне малом количестве, из которой я приобрел на гердеровском аукционе выдающиеся произведения; я доволен всем, что Вы купили до сих пор, и прошу покупать все, что пригодно. Чтобы Вы знали, какие книги принадлежат университетской библиотеке, пусть секретарь управления Ген⁷ даст Вам список, как его об этом уже просили».

В отчете 1805 года куратору Клингеру Моргенштерн сообщает, что часть спасенного собрания Гердеровской библиотеки, которая около Риги пострадала в связи с кораблекрушением и которую вновь купили на аукционе в Риге, ожидается в ближайшее время в Тарту.

31 мая/11 июня Моргенштерн благодарит Реннингера и высылает на покрытие счетов 55 банкорублей 88 копеек.

В отчете 1806 года куратору Клингеру Моргенштерн упоми-

⁶ Эрхард Филипп Реннингер (1775—1826), старший учитель Рижской губернской гимназии.

⁷ Густав Гейнрих Ген (1775—1823), докт. фил.

нает, что гердеровские книги, которые были приобретены на аукционе в Веймаре, были застрахованы и погибли на побережье Лифляндии с корабельщиком Лунау, частично спасены и куплены вновь на аукционе в Риге в количестве 170 томов, большей частью хорошо сохранившиеся и не испорченные морской водой.

Ниже следует список книг Гердеровской библиотеки. Имеющиеся в данном списке книги снабжены соответствующим экслибрисом «*Bibliotheca Herderiana*». Часть книг экслибрисов не имеет и принадлежность их к библиотеке Гердера нуждается в более точном исследовании, в связи с чем они в настоящий список не включены.

1. *Adumbratio eruditorum Basiliensium meritis apud externos olim hodieque celebrium. Adpendicis loco Athenis Rauricis addita. Basiliae, C. A. Serinus, 1780.*
2. Aleman, Matheo. *Primera y segunda Parte de la Vida y Hechos del Pícaro Guzmán de Alfarache. Madrid, L. F. Mojados, 1750.*
3. D'Alembert. *Eloges lus dans les séances publiques de l'Académie françoise. Paris, Panckoucke-Moutard, 1779.*
4. Alethophilus, Justinus. *Justini Alethophili Epistola ad Justinum Febronium ... in suam retractationem Pio VI. submissam ... In Monte Pulcricampi, Joannes, 1782.*
5. Amalthea. *Trium fratrum Amaltheorum Hieronymi, Jo. Baptistae, Cornelii Carmina. Ed. 2, plurimis in locis castigata. Amstelaedami, H. Wetstenius, 1689.*
6. Amman, Jo. Conrad. *Dissertatio de loquela ... Amstelaedami, J. Wolters, 1700.*
7. Andres, D. Juan. *Reise durch verschiedene Städte Italiens in den Jahren 1785 und 1788 in vertrauten Briefen an seinen Bruder Don Carlos Andres. Aus dem Spanischen übersetzt von E. A. Schmid. Bd. 1—2. Weimar, Verl. des Industrie-Compt., 1792.*
8. Balbinus, Bohuslaus Aloysius. *Verisimilia humaniorum disciplinarum, seu judicium privatum de omni litterarum ... artificio ... Praegae, Typis Univ. Carolo-Ferdinandaeae, 1666.*
9. Balbinus, Bohuslaus. *Notae in verisimilia humaniorum disciplinarum ... Praegae, Typis Univ. Carolo-Ferdinandaeae, 1666.*
10. Balbinus, Bohuslaus Aloysius. *Examen melissaeum, id est novarum apicularum colonia ... Ed. 3 correctior et auctior. Viennae, J. Blaeu & A. Harttung, 1670.*
11. Bayerus, Theophilus Sigefridus. *Historia Regni Graecorum Bactriani ... Accedit Christophori Theodosii Waltheri Doct-*

- rina temporum Indica cum paralipomenis. Petropoli, Typ. Acad. scient., 1738.
12. Bayerus, Theophilus Sigefridus. Opuscula ad historiam antiquam, chronologiam, geographiam, et rem numariam spectantia: ed. Christ. Adolphus Klotzius. Halae, J. J. Curt, 1770.
 13. Bellin, Joh. Syntaxis Praepositionum Teutonicarum, Oder Deutscher Forwörter kunstmässige Fügung ... Lübeck, M. Volk, 1660.
 14. Bellonius, Petrus. Petri Bellonii Cenomani, plurimarum singularium et memorabilium rerum in Graecia, Asia, Aegypto, Judaea, Arabia, aliisq. exteris Prouinciis ab ipso conspectarum Observationes, tribus Libris expressae. Carolus Clusius Atrebas è Gallicis Latinas faciebat. Antverpiae, Chr. Plantinus, 1589.
 15. Bembo, Pietro. Delle lettere. Seconda impressione. Vol I. In Vinegia, 1552.
 16. Berger, Christian Gottlieb. Plan zu einer überaus leichten, unterrichtenden, und allgemeinen Rede- und Schrift-Sprache für alle Nationen. Berlin, Chr. L. Stahlbaum, 1779.
 17. Berger, Christian Gottlieb. Antidiluviana ... Berlin, Chr. L. Stahlbaum, 1780.
 18. Berger, Christian Gottlieb. Untersuchung von der Beschaffenheit der künftigen Schöpfungen, dem Zustande des künftigen Lebens und der Geschlechtsliebe in der Seligkeit. Berlin, 1780.
 19. Bertola. Saggio sopra la favola. Aggiunta una raccolta di favole e di epigrammi. Pavia, Bolzani, 1788.
 20. Betinelli. Über den Enthusiasmus der schönen Künste. Aus dem Italänischen (v. F. A. K. Werthes). Bern, Typogr. Gesellschaft, 1778.
 21. Beurhusius [Beurhaus], Fredericus. Ad P. Rami dialecticam variorum et maxime illustrium exemplorum, naturali artis progressu, inductio ... Quae Paedagogiae Logicae pars tertia, ad artis utilitatem demonstrandam. Coloniae, M. Cholinus, 1583.
 22. Boccalinus, Trajanus. Relation aus Parnasso ... Franckfurt, J. Beyer, 1644.
 23. Bolingbrok. Des Lord Vicomte Bolingbroks Briefe von dem Geist des Patriotismus, dem Bilde eines patriotischen Königs und dem Zustande der Partheyen ... Aus dem Englischen übersetzt von Johann Christian Fischer. Jena—Frankfurt—Leipzig, Fischer, 1765.
 24. Burggravius, Jo. Philippus. De aere, aquis & locis urbis Francofurtanae ad Moenum Commentatio. Accedit Disquisitio de origine & indole animalculorum spermaticorum. Francofurti ad M., J. B. Andreae, 1751.
 25. Campanella, Thomas. Universalis philosophiae seu meta-

- physicarum rerum, iuxta propria dogmata, partes tres. Parisiis, Cum privilegio regis, 1638.
26. Carteromaco, Nic. [Fortiguerri]. Ricciardetto. Vol. I—II. Lucca, 1766.
 27. Catania, Paolo. Canzoni morali sopra i motti Siciliani. T. 2. Palermo, G. Bisagni, 1656.
 28. Clericus, Joan. Unpartheyische Lebens-Beschreibung einiger Kirchen-Väter und Ketzer, Nahmentlich Justini Martyris, Clementis Alexandrini, Origenis, Cypriani, Prudentii, Gregorii Nazianzeni, Eusebii, Pelagii und Celestii, aus dessen Bibliothèque universelle. Ins Teutsche übersetzt, und nebst einer Vorrede ... Thomasii. Halle, Neue Buchhandlung, 1721.
 29. Delle Comedie elette, novamente raccolte insieme, con le correzioni & annotationi di Girolamo Ruscelli. Libro 1 ... Venetia, 1554.
 30. Cranzius, Henricus. Specimen Scholae Bevensis: in quo Ratio docendae exercendaeque cum Grammaticae, tum Rhetoricae tanquam adumbratur. Herbornae, Chr. Rab, 1587.
 31. Critische Briefe. Zürich, Heidegger u. Comp., 1746.
 32. Dapper, O. Das Reich des Grossen Mogols, und Indien, M. Kpf. Nürnberg, Hoffmann, 1681. (Ohne Titelblatt).
 33. Dapper, O. Beschreibung des Königreichs Persien ... ins Hochteutsche getreulichst übersetzt von Johann Christoff Beern. Nürnberg, Hoffmann, 1681.
 34. Dapper, O. Asia, Oder Genaue und gründliche Beschreibung des gantzen Syrien und Palestins, oder Gelobten Landes. ... M. Kpf. Nürnberg, Hoffmann, 1688.
 35. Dapper, O. Genaue und gründliche Beschreibung des gantzen Palestins, oder Gelobten Landes ... M. Kpf. Nürnberg, Hoffmann, 1689.
 36. Der Deutschen Gesellschaft in Leipzig Gesammlete Reden und Gedichte, welche bey dem Eintritte und Abschiede ihrer Mitglieder pflegen abgelesen zu werden. Nebst einer ... Erläuterung ihrer Absichten, Anstalten und der davon zu erwartenden Vortheile, ans Licht gestellt und mit einer Vorrede versehen von Johann Christoph Gottscheden. Leipzig, B. Chr. Breitkopf, 1732.
 37. Eccardus, Joh. Georgius. De origine germanorum eorumque vetustissimis coloniis, migrationibus ac rebus gestis ... Ed. ... Christianus Ludovicus Scheidius. Goettingae, J. Guil. Schmidius, 1750.
 38. Éloges des académiciens de l'Académie R. des sciences, morts dans les années 1741, 1742 & 1743. Par Dortous de Mairan. Paris, Durand, 1747.
 39. Entwurf zu der ältesten Erd- und Menschengeschichte, nebst einem Versuch, den Ursprung der Sprache zu finden. Frankfurt u. Leipzig, 1773.

40. Falconet, Étienne. Oeuvres contenant plusieurs écrits relatifs aux beaux arts ... T. 1—5. Lausanne, La Société Typographique, 1781.
41. Ferro, Antonio. Apparato delle statue, nuouamente trouate nella distrutta Cuma ... In Napoli, 1606.
42. Fiorillo, Joh. Dominik. Das vermeinte Grabmal Homers nach einer Skizze des Herrn Lechevalier. Erläutert von C. G. Heyne. Leipzig, Weidmann, 1794.
43. Flagellum, or Life and Death, Birth and Burial of O. Cromwell the Late Usurper: faithfully described, with an Exact Account of his Policies and Successes. London, Randal Taylor, 1672.
44. Fontani, Franciscus. Novae eruditorum deliciae seu veterum ἀνecdωτων opusculorum collectanea. T. I—II. Florentiae, P. Allegrini, 1785.
45. Freherus, Marquardus. Directorium in omnes fere, quos superstites habemus, chronologos, annalium scriptores et historicos potissimum romani germanicique imperii ... Accessit Casparis Sagittarii Dissertatiuncula De praecipuis scriptoribus historiae germanicae. Norimbergae-Altorfii, Haeredes J. D. Tauberi, 1734.
46. Frossardus et Cominaeus. Duo nobilissimi Gallicarum rerum scriptores. Amsterdami, J. et C. Blaeu, 1640.
47. Gattinara, Domenico. La pace. Poema epico. P. (1—2). Brunsuic, 1774.
48. Genovesi, Antonio. La logica per gli giovanetti. Ed. 3. Napoli, 1779.
49. Genovesi, Antonio. Meditazioni filosofiche sulla religione e sulla morale. Napoli, G. M. Porcelli, 1781.
50. Golaw, Salomon v. Deutscher Sinn-Getichte Drey Tausend. Bresslaw, C. Klossmann, 1650.
51. Gottingensium ad Lainum Paedagogii Συναγραφαι. Item statuta et leges. Quibus adiunctae sunt Orationes duae, solenni in conuentu habitae, cum in possessionem Rectoratus immitteretur D. Henricus Petreus, die D. Vitali Sacro, 4 Calend. Maij, 1586. Francofurdi, J. Wechelus, 1586.
52. Gottsched, Johann Christoph. Ausführliche Redekunst, nach Anleitung der alten Griechen und Römer ... Aufl. 3. Leipzig, B. Chr. Breitkopf, 1743.
53. Guevara, Antonio. Lettere. Libri quattro. Tradotti di Spagnuolo dal Sig. Alfonso Ulloa. Venetia, D. Farri, 1591.
54. Guevara, Antonio. Epistolas familiares. P. 1—2. En Anveres, J. Meurcio, 1633.
55. Hasse, Johann Gottfried. Idiognomik Davids ... Jena, Chr. H. Cuno's Erben, 1784.
56. Hoffmannswaldau. Herrn von Hoffmannswaldau und andrer Deutschen auserlesener und bissher ungedruckter Gedichte.

- Nebentst einer Vorrede ... v. (B. Neukirch). Th. 1 (1734), 2(1730), 3(1737), 4(1736), 5(1734), 6(1731), 7(1727). Franckfurt u. Leipzig, M. Blochberger (Th. 7: P. Straube).
57. Hutten, Ulrichus de. Ulrichi de Hutten ad B. Pirckheymer ... Epistola ... In lucem denuo protulit et commentarium quo illustris huius equitis fata et merita exponuntur, subiecit Jacobus Burckhard. Wolfenbutteli, G. Freytag, 1717.
 58. Junius, Franciscus. Academia ... Ad calcem adiectus est Acedemiarum totius Europae, seu orbis Christiani Catalogus. Heidelbergae, 1587.
 59. Junius, Hadr. Hadr. Junii Epistolae, quibus accedit ejusdem Vita & Oratio de artium liberalium dignitate ... Dordrecht, V. Caimax, 1552.
 60. Der Koran, Oder insgemein so genannte Alcoran des Moham-meds ... mit ... einer vorläuffigen Einleitung versehen von George Sale ... ins Teutsche verdollmetschet von Theodor Arnold. Lemgo, J. H. Meyer, 1746.
 61. Laugier. Neue Anmerkungen über die Baukunst. Nebst einem zwiefachen Anhang, als: des Herrn Le Roi Geschichte der Einrichtung und Gestalt der christlichen Kirchen von Kaiser Constantin dem Grossen bis auf unsre Zeit, und ein Vorschlag zu einem Comödienhause. Aus dem Französischen übersetzt. M. Kpf. Leipzig, M. G. Weidmanns Erben u. Reich, 1768.
 62. Le Mascrier, L'abbé [Jean-Baptiste]. Description de l'Egypte ... Composée sur les Mémoires de M. de Maillet. Paris, L. Genneau et J. Rollin, 1735.
 63. Loredano, Gio. Francesco. Degli scherzi geniali. Parte prima, dall Sig. P. D. Kisarzewski. In Lipsia, E. Fiebig, 1678.
 64. Lorenzini, Francesco. Poesie ... Pubbl. in Napoli da Gioseffo Pasquale Cirillo ... Venezia, S. Occhi, 1746.
 65. Majus, Jo. Henricus. Vita Jo. Reuchlini ... Francofurti-Spirae, Chr. Olffen, 1687.
 66. Mazzella, Scipione. Sito, et Antichità della città di Pozzuolo, e luoghi conuicini. s. t.
 67. Meiners, C. Beschreibung alter Denkmäler in allen Theilen der Erde ... Nürnberg, Felssecker, 1786.
 68. Mirabaud. Système de la nature ou des loix du monde physique & du monde moral. P. 1—2. Londres, 1771.
 69. Mongez, A. Geschichte der Königin Margarete von Valois, erster Gemahlinn des Königs Heinrich IV von Frankreich und Navarro. Aus dem Französischen. Frankfurth-Leipzig, P. H. Perrenon, 1778.
 70. Morhof, Daniel George. Unterricht von der Teutschen Sprache und Poesie ... samt dessen teutschen Gedichten ... Zum andern mahl von den Erben herausgegeben. Lübeck—Franckfort, J. Wiedemeyer, 1702.

71. Murr, Christoph Gottlieb v. Beschreibung der vornehmsten Merkwürdigkeiten in des H. R. Reichs freyen Stadt Nürnberg und auf der hohen Schule zu Altdorf. M. Kpf. Nürnberg, J. E. Zeh, 1778.
72. Neue critische Briefe über gantz verschiedene Sachen, von verschiedenen Verfassern. Zürich, C. Orell u. Comp., 1749.
73. Orationes quatuor. Dum aperiretur schola Corbachiana. Prima per Wernherum Crispinum. Secunda per Mag. Lazarum Schonerum. Tertia per Bernhardum Salignacum. Quarta per alium Quendam procerum nomine congratulationis causa novo Collegio Corbachii habitae Non. Maji. Anno 1579. Cum annexis carminibus Joannis Rodingi Marpurgensis: Et Anthonii Trilingii. s. l., [1579].
74. Delle Orationi volgarmente scritte da molti huomini illustri de tempi nostri ... Raccolte, rivedute et corrette, per Francesco Sansovino. P. 1—2. In Venetia, F. Rampazetto, 1562.
75. Delle Orationi volgarmente scritte da diversi huomini illustri de tempi nostri ... Raccolte già dalla felice memoria del Signor Francesco Sansouino. Libro 1—2. In Vinegia, Altobello Salicato, 1584.
76. Pegnesisches Hirten-Gedicht ... Nürnberg, W. E. Felssecker, 1667.
/Der Band enthält 36 Gelegenheitsschriften./
77. Perez, Antonio. Las obras y relaciones. s. l., Juan Antonio y Samuel de Tornes, 1654.
78. Perizonius, Jac. Rerum per Europam maxime gestarum ab ineunte saeculo sextodecimo usque ad Caroli V. mortem etc. Commentarii historici. Lugduni Bat., J. van der Linden jun., 1710.
79. Petavius, Dionysius. Rationarium temporum ... Editio ultima. P. 1—2. Parisiis, S. Cramoisy, 1641.
80. Philips, John. Poems attempted in the Style of Milton. London, T. Davies-T. Lowndes-S. Bladon, 1776.
81. Piccartus, Michael. Observationum historico-politicarum, decades sex. s. l., 1613.
82. Piccartus, Michael. Organon Aristoteleum ... Lipsiae, J. Börner sen. & E. Rehefeld, 1613.
83. Platone. I Dialoghi di Platone intitolati L'Eutifrone... Tradotti di lingua greca in italiana da Sebastiano Erizzo... illustr. In Vinegia, G. Varisio, 1574.
84. Politianus, Angelus. Angeli Politiani et aliorum virorum illustrium Epistolarum Libri XII. Eiusdem Praefatio in Suetonij Tranquilli expositionem. Amstelodami, J. Janssonius, 1642.
85. Pompei, Girolamo. Nuove canzoni pastorali ed altre rime diverse. In Verona, M. Moroni, 1779.
86. Ralegh, Walter. The Works ... To which is prefix'd, a new

- Account of his Life by Tho. Birch. Vol. 1. London, R. Dodsley, 1751.
87. Rengifo, Ivan Diaz. *Arte poetica española* ... Barcelona, Maria Marti Viuda, 1727.
 88. Saavedra Fajardo, Diego. *Republica literaria* ... En Madrid, J. de Zuñiga, 1735.
 89. Sachs, Hans. *Das erst Buch Sehr Herrliche Schöne vnd warhafftige Gedicht* ... Nürnberg, Chr. Heussler, 1560.
 90. *Sammlung der Zürcherischen Streitschriften zur Verbesserung des deutschen Geschmacks, wider die Gottschedische Schule, von 1741 bis 1744. Vollständig in XII. Stücken.* N. Ausg. Bd. 1—2. Zürich, C. Orell u. Comp., 1753.
 91. Sannazarius (Actius Syncerus). *Opera latina omnia et integra. Accedunt notae ad Eclogas, Elegias et Epigrammata.* Amstelaedami, H. Wetstenius, 1689.
 92. Schmidt, Frid. Sam. *Opuscula quibus res antiquae praecipue Aegyptiacae explanantur.* Carolsruhae, Macklotts, 1765.
 93. Schramus, David. *Partitiones logicae et rhetoricae, ad verae methodi Rameae leges, in purioris logices studiosorum gratiam conformatae.* Francofurdi, J. Wechelus, 1589.
 94. Schramus, David. *Jobis theologia.* ... s. l. et a.
 95. Struchtmeyer, Joh. Christophor. *Theologia mythica, sive de origine tartari et elysii libri quinque.* Harderovici, Guil. Brinkink, 1743.
 96. Terentius Afer, P. *Comoediae* ... C. figg. Venetijs, H. Scotus, 1545.
 97. Turgot. *Herrn Turgots Leben.* Aus dem Französischen übersetzt. Th. 1—2. Gera, Chr. Fr. Bekmann, 1787.
 98. Vaillant, J. Foy. *Arsacidarum imperium, sive regum parthorum historia.* T. 1—2. Parisiis, C. Moette, 1725.
 99. *Von dem Nutzen der Reisen in fremde Länder, in so fern dieselben als ein Stück der Erziehung vornehmer Jugend erwogen werden, zwischen dem Lord Shaftesbury (!) und M. Johann Locken in einer Unterredung gehandelt.* Aus dem Englischen übersetzt von C. H. Wilken. Breslau, W. G. Korn, 1765.
 100. Vuinerus, Christophorus. *Cebetis Thebani tabula, de vera gloria et beatitudine per virtutem comparanda* ... Erphordiae, E. Mechler, 1575.
 101. Wincklerus, Jo. Dietericus. *Κειμηλία Bibliothecae Reg. Bero-linensis aethiopica descripta.* Erlangae, J. D. M. Camerarius, 1752.

BEITRAG ZUR GESCHICHTE DER HERDERSCHEN BIBLIOTHEK

Eduard Vigel

Zusammenfassung

Der Universitätsbibliothek Tartu sind einverleibt auch die kümmerlichen Reste der Herderschen Bibliothek. Im Jahre 1805 wurde durch die Vermittelung Conrectors Schwabe auf der Herderschen Auction in Weimar für 700 Rth. eine ansehnliche Sammlung der Bücher gekauft. Leider ging der grösste Teil dieser trefflichen Acquisition verloren. Das Schiff, geführt von Capitain Lunau, scheiterte an der livländischen Küste mit Verlust sämtlicher Mannschaft und Ladung. Doch wurde ein Teil der Bücher gerettet. Sie wurden wieder verauctioniert (denn sie waren verassecuriert) und die Verwaltung der Universitätsbibliothek hat sie auf der Auction in Riga kaufen lassen. Zum Schluss wird ein Verzeichnis der Bücher beigefügt.

СОДЕРЖАНИЕ

М. Г. Макаров. О систематизации категорий диалектического материализма	3
Я. К. Ребане. Диалектическое и формально-логическое противоречия	10
Л. О. Вальт. О соотношении элементов и структуры в сложных системах	25
Л. О. Вальт. Мысленный эксперимент	39
Р. Н. Блюм. К вопросу о характере народно-демократической революции	44
А. И. Горячева. Общественное мнение и общественная психология	58
Т. И. Рейнвальд. О материальных и моральных стимулах к труду	70
Я. З. Хайкин. Предмет морального сознания	86
Я. З. Хайкин. Нормы права и морали и их связь при переходе к коммунизму	94
Л. Н. Столович. Опыт построения модели эстетического отношения	124
Ф. С. Лимантов. О гносеологической природе комического образа с точки зрения теории информации	145
Т. В. Лойт. Поборники «нового синтеза» в роли идеологов империализма	154
Э. Я. Матров. Новые формы и методы эксплуатации рабочего класса под вывеской «человеческих отношений»	163

Сообщения и публикации

Книги из личной библиотеки И. Г. Гердера в Научной библиотеке Тартуского государственного университета	177
<u>Эдуард Вигель</u> . К изучению истории библиотеки И. Г. Гердера	178
<u>Eduard Vigell</u> . Beitrag zur Geschichte der Herderschen Bibliothek. Zusammenfassung	190

Тартуский государственный университет
Тарту, ул. Юликооли, 18

ТРУДЫ ПО ФИЛОСОФИИ VI

На русском и немецком языках

Редактор Л. Столович

Корректор Л. Брафманн

Ladumisele antud 24. VIII 1962. Trükkimisele
antud 28. XI 1962. Paber 60×90, 1/16. Trükipoognaid
12. Arvutuspoognaid 12,7. Trükiarv 500. MB 08656.
Tellimuse nr. 7165. Hans Heidemanni nim. trüki-
koda, Tartu, Ülikooli 17/19. II

Hind 76 kop.